

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL.4, №3

TOM 4, №3

2022

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 17.09.2022. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 17.10/22. Printed from the finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: Sofiya Silakova-Makarova, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia;

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg

State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasryi, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 17.09.2022. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 17.10/22. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ.

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари: Силакова-Макарова София Андреевна, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия;

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточно-

го факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ju Sun Mean

Type of translation shift and Classification items for comparing translations (when translating literary works). 6

Khaliullina A.A.

Features of semantic classes of verbs in Tatar and Japanese languages from the point of view of some aspectual meanings 18

Kisel P.O.

Separable words liheci with component-motivated semantics in modern Chinese 27

Glushkova S.Yu., Alikberova A.R.

Strategies of politeness in computer-mediated communications in Chinese public chats WeChat. 38

PHILOSOPHY AND CULTURE

Dashkin G.I., Ivanova T.G.

The role of Yang Zhu and his ideas in the system of the Chinese philosophy 46

HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Zhilkibaev P.N.

Formation and development of Chinese legislation on foreign investment 54

Zhigulskaya D. V.

Language reforms as a part of the nation-building process in early republican Turkey 70

Kozlova E.A.

Great Britain's society in Wei Yuan's treatise «Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms» 78

Skrypnik E.S.

The image of Wu Ze-tian (624-705) as an "incompetent ruler" in the "Old Book [on the] Tang" and "New Book [on the] Tang". 88

Kolesnikova E. A., Balakin D.A.

Tokugawa Shogun policy towards Daimyo and its consequences 108

Gajnullina L.A., Gajnullin B.A., Silakova-Makarova S.A.

Perception peculiarities of North Korean threat by different Republic of Korea administrations in 2012-2020 118

Martynov D.E., Martynova Yu.A.

Review: Ozerov O.B. Karim Khakimov: Chronicle of Life (about the fate of Islam and communism in Russia) 126

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Чжу Сун Мен*
Типы переводческого сдвига и пункты для сравнения переводов при переводе художественной литературы 6
- Халиуллина А.А.*
Особенности семантических классов глаголов татарского и японского языков с точки зрения некоторых аспектуальных значений 18
- Кисель П.О.*
Раздельно-слитные слова лихэцы с компонентно-мотивированной семантикой в современном китайском языке 27
- Глушкова С.Ю. Аликберова А.Р.*
Стратегии вежливости в компьютерно-опосредованной связи в китайских публичных чатах Wechat. 38

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

- Дашкин Г.И., Иванова Т.Г.*
Роль Ян Чжу и его идей в системе китайской философии 46

ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Жилкибаев С.Н.*
Становление и развитие китайского законодательства об иностранных инвестициях 54
- Жигульская Д. В.,*
Языковые реформы в раннереспубликанской Турции как часть процесса национального строительства 70
- Козлова Е.А.*
Общество Великобритании в трактате Вэй Юаня «Иллюстрированное описание иноземных государств» 78
- Скрыпник Е.С.*
Образ У Цзэ-тянь (624–705) как «плохого правителя» в «Старой книге [об эпохе] Тан» и «Новой книге [об эпохе] Тан» 88
- Колесникова Е. А., Балакин Д.А.*
Политика сёгунов Токугава в отношении даймё и её последствия 108
- Гайнуллина Л.А., Гайнуллин Б.А., Силакова-Макарова С.А.*
Особенности восприятия северокорейской угрозы разными администрациями Республики Корея в 2012–2020 гг. 118
- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.*
Рецензия: Озеров О.Б. Карим Хакимов: Летопись жизни (о судьбе ислама и коммунизма в России) 126

Type of translation shift and Classification items for comparing translations (when translating literary works)

Типы переводческого сдвига и пункты для сравнения переводов при переводе художественной литературы

Чжу Сун Мен

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

schzhu@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

Ju Sun Mean

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: schzhu@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

УДК 81'25 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-6-17](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-6-17)

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является изучение синтаксической трансформации между исходным языком и переведённым языком при переводе художественных литературных произведений. Актуальность работы заключается в том, чтобы сравнить переводы, для облегчения понимания их теории, в отношении типов перевода, которые являются стандартными нормами, путем уточнения их понятий. Изучение вариационных типов перевода и синтаксических аспектов может быть применено и использовано не только в области перевода, но и в области лингвистики, и при использовании сравнительно-контрастивной лингвистики. В первой части данной статьи мы рассмотрим вариативность перевода через работы Д.К. Кэтфорда о «трансляционном сдвиге» и «переводческой концепции» (1965), Л.С. Бархударова и В.Н. Комиссарова о «переводческой

ABSTRACT

The purpose of this article is to study the syntactic transformation between the source language and the translated language in the translation of literary works. The relevance of the work is to compare translations, in order to facilitate the understanding of their theory, with respect to the types of translation that are standard norms, by clarifying their concepts. The study of variational types of translation and syntactic aspects can be applied and used not only in the field of translation, but also in the field of linguistics, and when using comparative-contrastive linguistics. In the first part of this article we will consider the variability of translation through the works of D.K. Catford on «translational shift» and «translation concept» (1965), L.S. Barkhudarov and V.N. Komissarov on «translation transformation» (1975, 1990), A.D. Schweitzer on «grammatical transformation» (1988), and also by E.K. Khabibullina on

трансформации» (1975, 1990), А.Д. Швейцера о «грамматической трансформации» (1988), а также Э.К. Хабибуллиной о «языковой трансформации» (2016). Во второй будут раскрыты правила перевода относительно «теории сравнительного литературоведения», которые оказали наибольшее влияние, и исследования вариантов перевода российских лингвистов. В третьей части ведется обсуждение особенностей при сравнении переводов, которые должны быть установлены для сравнения синтаксической трансформации в литературных произведениях.

Ключевые слова: переводоведение, синтаксическая трансформация, грамматическая трансформация, трансляционный сдвиг, сравнительная стилистика, корейский язык, переводческая норма.

Для цитирования: Чжу Сун Мен, Тип переводческого сдвига и пункты для сравнения переводов (при переводе художественных литератур). *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4(3). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-6-17>

ВВЕДЕНИЕ

Среди лингвистов, впервые изучающих теорию перевода, возникает путаница, потому что теории перевода часто пересекаются друг с другом и иногда используются в одних и тех же терминах, но в разных значениях. Для того, чтобы сравнить синтаксическое трансформирование языка оригинала в язык перевода, необходимо обобщить типы вариантов перевода их

«language transformation» (2016). The second part will reveal the rules of translation regarding the «theory of comparative literature», which have had the greatest impact, and the study of translation options by Russian linguists. In the third part, there is a discussion of the features when comparing translations that should be established for comparing syntactic transformation in literary works.

Keywords: translation studies, syntactic transformation, grammatical transformation, translational shift, comparative stylistics, Korean language, translation norm

For citation: Ju Sun Mean. Type of translation shift and Classification items for comparing translations (when translating literary works). // *Modern oriental studies*. 2022; 4(3). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-6-17>

особенности, а также исследовать их наравне с элементами перевода.

Объектом исследования является трансляционный сдвиг и переводческая трансформация для сравнения переводов синтаксических трансформаций литературных произведений. Предмет изучения — во-первых, понятие и тип трансляционного сдвига, как нормативного перевода, во-вторых, пункты сравнения переводов

художественных произведений. Целью данной работы является изучение синтаксической трансформации между исходным языком и переведённым языком при переводе художественных литературных произведений.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе были использованы следующие методы:

- 1) Описательно-аналитический метод теоретических трудов лингвистов,
- 2) Метод сплошной выборки теоретического материала из исследуемых работ лингвистов,
- 3) Сравнительно-сопоставительный анализ материала, приводимого авторами существующих работ.

Актуальность работы заключается в том, чтобы сравнить переводы, для облегчения понимания их теории, в отношении типов перевода, которые являются стандартными нормами, путем уточнения их понятий. Изучение вариационных типов перевода и синтаксических аспектов может быть применено и использовано не только в области перевода, но и в области лингвистики, и при использовании сравнительно-контрастивной лингвистики.

В первой части данной статьи мы рассмотрим вариативность перевода через работы Д.К. Кэтфорда о «трансляционном сдвиге» и «переводческой концепции» (1965), Л.С. Бархударова и В.Н. Комиссарова о «переводческой трансформации» (1975, 1990), А.Д. Швейцера

о «грамматической трансформации» (1988), а также Э.К. Хабибуллиной о «языковой трансформации» (2016). Во второй будут раскрыты правила перевода относительно «теории сравнительного литературоведения», которые оказали наибольшее влияние, и исследования вариантов перевода российских лингвистов. В третьей части ведется обсуждение особенностей при сравнении переводов, которые должны быть установлены для сравнения синтаксической трансформации в литературных произведениях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Во-первых, «трансляционный сдвиг» можно назвать нормой (этаким правилом) перевода, которая позволяет изменять синтаксическую структуру различных граней перевода для передачи вложенного смысла на языке оригинала.

Во-вторых, «переводческую трансформацию» можно назвать иным вариантом нормы перевода, которая переносит форму и семантические аспекты языка оригинала в соответствие с эквивалентной единицей перевода.

В-третьих, российские лингвисты обычно склонны сокращать форму вариантов перевода.

Далее были выделены такие типы вариантов перевода или же «трансляционный сдвиги» как: 1) заимствование; 2) дословный перевод; 3) замена; 4) модуляция; 5) подбор эквивалента; 6) адаптивное.

Что касается «замены», то её особенностями являются: 1) полноценная замена; 2) комбинирование; 3) сопоставление; 4) интегрирование; 5) конкретизация; 6) амплифика-

ция; 7) пояснение; 8) опущение; 9) сокращение; 10) коннотация.

В-пятых, в зависимости от функционального подхода элементы синтаксической трансформации должны быть выбраны в качестве базовых элементов сравнения, таких как сравнение языковых систем, сравнение частей речи, сравнение грамматических форм и сравнение грамматических составляющих. Далее мы сможем определить элементы классификации в соответствии с языком оригинала и языком перевода.

«Трансляционный сдвиг» и «Переводческая трансформация».

Существует множество пересекающихся теорий переводоведения, изучаемых с разных точек зрения и мнений лингвистов, что касается и «переводческой трансформации». Каждый лингвист, который использует термин по своему усмотрению для обозначения переводческой трансформации или грамматической трансформации, изучает эти термины, но большинство определений этих терминов схожи. Итак, прежде всего нам нужно прояснить наше понимание «трансляционного сдвига» и «переводческой трансформации». Во-первых, «трансляционный сдвиг» можно назвать нормой перевода, которая позволяет изменять синтаксическую структуру различных граней перевода для передачи вложенного смысла на языке оригинала. Во-вторых «переводческую трансформацию» можно назвать иным вариантом нормы перевода, которая переносит форму и семантические аспекты языка оригинала в соответствие с эквивалентной единицей пере-

вода. Мы проанализируем концепции следующих лингвистов с этой точкой зрения.

Кэтфорд определил, что «трансляционный сдвиг (translational shift)» — это точное правило, при котором переводчик может преобразовать грамматическую структуру языка оригинала в грамматическую структуру языка перевода, чтобы отклониться от формального соответствия. Эти правила свободно устанавливаются лишь в контексте на различных уровнях грамматики. «Формальное соответствие» относится к таксономическому соответствию (например, часть речи, морфема и т.д.), наблюдаемому между двумя языками. (Catford 1965, 77). Кэтфорд объясняет понятие «трансляционный сдвиг» понимается как отклонение от формального соответствия языков, и грамматическая структура языка оригинала используется в качестве своеобразной концепции преобразования в грамматическую структуру языка перевода, которая расценивается как аналогичная «грамматической трансформации».

Л.С. Бархударов определил, что «переводческие трансформации» — это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности (адекватности) перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков (Бархударов 1975, 190). «Переводческая трансформация» по мнению лингвиста Л.С. Бархударова относится к изменениям в различных аспектах формальной семантической системы, и это понятие может

быть включено в широкое значение «языковой трансформации».

А.Д. Швейцер раскрывает значение «грамматических трансформаций» как «трансформаций, при которых преобразуется формальная структура высказывания и остаётся неизменным конституирующий его смысл» (Швейцер 1988, 118) Позицию А.Д. Швейцера приемлемо будет считать концепцией «трансляционного сдвига».

В.Н. Комиссаров считает, что «переводческие трансформации» — это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. И, поскольку «переводческие трансформации» осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» (Комиссаров 1990, 172). Можно увидеть, что, в отличие от других лингвистов, В.Н. Комиссаров подчеркивает, что «переводческие трансформации» включают в себя изменение значения при изменении формы.

Э.К. Хабибуллина, обращая внимание на своё исследование к термину «языковые трансформации», выяснила что «переводческие (межъязыковые) трансформации» — это языковые преобразования, благодаря которым появляется возможность осуществления перехода от языка оригинала к языку перевода в указанном смысле (Хабибуллина 2016, 22–25). Ранее термин «языковая трансформация» не был включен в лингвистическую терминологию, но

Э.К. Хабибуллина придерживается мнения, что значение, указанное на языке оригинала, изменяется на значение на языке перевода, и это понятие может быть использовано как понятие, аналогичное понятию «трансляционного сдвига».

В заключение можно отметить, что лингвисты согласны с «переводческими трансформациями» в процессе перевода, но мнения о семантических вариациях расходятся с мнением лингвиста Комиссарова. «Трансляционный сдвиг» или «грамматическая трансформация» А.Д. Швейцера имеют ту же перспективу в формальном соотношении.

Как видно из пояснений о «переводческой эквивалентности» Л.С. Бархударова и о переводе «от единиц оригинала к единицам перевода» В.Н. Комиссарова, понятие «переводческой трансформации» определяется как динамическое по форме и семантическое изменение, основанное на установлении эквивалентности.

Концепция «языковой трансформации» Э.К. Хабибуллиной с указанием на объект, подразумевающий по собой значение преобразованного элемента языка оригинала, имеет ту же перспективу, что и концепция «переводческих трансформаций» Д.К. Кэтфорда и А.Д. Швейцера.

Как упоминалось в первом абзаце данного раздела, в этой статье было решено использовать понятия «трансляционного сдвига» и «переводческой трансформации» отдельно.

Типы переводческого сдвига. Обсуждение в этой главе посвящено классификации типов (форм) вариантов переводческого сдвига, и многие эмпирические работы показывают, что исследования проводятся независимо от типов вариантов переводческого сдвига и элементов сравнения текстов литературных произведений. Типы вариантов переводческого сдвига являются методологическими подходами, и необходимо признать, что элементы сравнения переводов направлены на объект изучения. Поэтому типаж вариантов перевода следует использовать в качестве меры для оценки или анализа элементов сравнения переводов в этой статье. Это связано с тем, что нормы (правила) «трансляционного сдвига» являются не предметом, а методом изучения при переводе. Хотя в классификации грамматических «переводческих трансформаций» существовало множество подходов. И причина, по которой эта форма сравнения перевода не нуждается в унификации, заключается в том, что она зависит только от структур языка оригинала и языка перевода. Каждый язык обладает уникальными характеристиками, такими как различные этнические, грамматические, семантические, культурные, когнитивные и прагматические, но не все языки в мире можно сравнивать и противопоставлять на единой основе. Это связано в свою очередь связано с тем, что существуют лингвистические элементы и компоненты, которые включены в структуру одних языков, но не входят в структуру других. Наше исследование сосредоточено на переводе корейской литературы на русский язык и направлено на изучение мнений различных лингви-

стов о «трансляционном сдвиге» и на то, чтобы сделать соответствующие выводы.

Исследование, которое можно назвать «отправной точкой» «переводческого сдвига», началось в 1970-х годах с изучения перевода в «Школе манипуляции» в Бельгии и Нидерландах Андре Левефром, Тео Хермансом и Сьюзан Баснет-Макгуайр (Штольц 2011, 150). В нём появилось такое понятие, как «сравнительная стилистика». Их исследование отличается от существующих исследований перевода ныне, так метод сравнения различных переводов произведения друг с другом был ими выбран изначально. Таким образом, перевод художественного текста, то есть преобразованный в текст с языка оригинала, был естественным образом распознан в качестве источника текстового перевода для сопоставления. «Сравнительная стилистика», возникшая под этим влиянием, была разработана во Франции представительными учеными Жан-Полем Вине и Жаном Дарбельне (1958). Формы перевода из сравнительной стилистики до сих пор используются в теории перевода и методике преподавания иностранных языков. Далее, в теории сравнительного стиля существует семь типов вариантов перевода: заимствование, калька, дословный перевод, замена, модуляция, эквивалентность и адаптация. Здесь Виллс определил модуляцию как изменение направления взгляда на объект, эквивалентность как замену ситуации исходного языка сопоставимую с языком перевода и адаптацию как компенсацию социокультурных различий между языком оригинала и языковым сообществом на языке перевода в тексте. (Виллс 1977, 116). А немецкий

лингвист Карл-Ричард Бауш более подробно описал замену. Он разделил её на полное замещение, частично пересечение понятий, при уменьшение значения и интегрирование, которые находятся в частичной от неё зависимости. Также она была классифицирована как: конкретизация, амплификация, пояснение, сокращение и коннотация.

Российские лингвисты обычно склонны сокращать форму вариантов перевода. По мнению Л.С. Бархударова (1975) все типы грамматических преобразований, реализуемых в процессе перевода, подразделяются на четыре основных типа, таких как: 1) перестановка (изменение расположения места языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала); 2) замена (наиболее распространённый и многообразный вид переводческой трансформации); 3) добавление; 4) опущение. А.Д.Швейцер (Швейцер 1988, 32) в своей классификации грамматических трансформаций также предлагает четыре типа: 1) объединение предложений; 2) членение предложения; 3) добавление грамматикализованных единиц; 4) опущение грамматикализованных элементов. В.Н.Комиссаров (Комиссаров 1999) выделяет три группы переводческих трансформаций, которые могли бы способствовать реализации адекватности перевода в случаях, когда не существует прямого эквивалента определенной грамматической конструкции: 1) нулевой перевод (значение грамматической единицы не передается вследствие ее избыточности); 2) приближенный перевод; 3) трансформационный перевод (транслирование значения безэквивалентной единицы реализуется с по-

мощью одной из грамматических трансформаций). Э.К. Хабибуллина принимает классификацию от Л.К. Латышева за основание языковых уровни (Латышев 1983, 103-119) при переводе татарских художественных текстов на турецкий язык. Она берёт во внимание следующие четыре способа: 1) замену; 2) переводческие компенсации (добавления и опущения); 3) перестановку; 4) изменение типа предложения (Хабибуллина 2016, 35-39).

Чем больше типов вариантов перевода, тем мы ближе к пониманию характеристик сравниваемого языка, и по нашему мнению, оно должно быть направлено на углубленное исследование сравнительной лингвистики. С другой стороны, слишком большое количество элементов может вызвать не совсем необходимые для лингвиста трудности при анализе. И поскольку текст литературных произведений переводится с учетом различных уровней значения, таких как когнитивный, психологический, этнический и литературный, а также лингвистических аспектов, чем больше социокультурная разница между словом на языке оригинала и словом на языке перевода, тем больше становится элементов для сравнения. В случае корейского и русского языков их языковые группы, а также порядок слов в предложении различаются по своей сути. И в то время, когда корейский язык имеет грамматическую систему, в которой послелоги и окончания находятся в конце, русский язык имеет грамматическую систему, в которой используются предлоги и окончания повсеместно. (Чжу 2022, 204-212).

Чтобы изучить синтаксическую конверсию с корейского языка на русский, в этой статье предполагается дополнить и применить классификации лингвистов, сосредоточив внимание на правилах «переводческого сдвига» в сравнительной теории литературы, а не на уменьшении количества типов перевода. Мы считаем необходимым выделить заимствование, так оно подразумевает под собой принятие лексики иностранного языка такой, какая она есть. В случае с калькой, поскольку это последовательная замена группы слов на языке оригинала, предполагается, что оно будет включено в «замену». Прямой перевод заключается в замене структуры предложения языка оригинала формальным и семантическим образом структурой предложения языка перевода. Поскольку это базовая концепция «переводческого сдвига», его форма необходима. Также и с заменой, необходимость которой заключается в замене отдельных частей речи. В этом случае мы можем обратиться к классификации Бауша. Модуляция, подбор эквивалента и адаптивное должны быть сопоставлены с заменой в пунктах сравнения между корейским и русским языками. В случае сравнения перестановки порядка слов, если слово на языке оригинала, который принадлежит к той же группе, что и язык перевода, сопоставить с элементом структуры второго, такое сравнение имеет смысл, но если их языковые группы разные, как например корейского языка и русского языка, то сравнение порядка слов определяется как не имеющее большого значения.

В данной работе типы «трансляционного сдвига» следующие: 1) заимствование, 2) до-

словный перевод, 3) замена; 4) модуляция, 5) подбор эквивалента, 6) адаптивное. Замену можно охарактеризовать через 1) полноценную замену; 2) комбинирование; 3) сопоставление; 4) интегрирование; 5) конкретизацию; 6) амплификацию; 7) пояснение; 8) опущение; 9) сокращение; 10) коннотацию.

Пункты для сравнения перевода литературных произведений

Среди работ, опубликованных в России до сих пор, не так много тех, которые связаны с элементами сравнения переводов, изучаемыми с точки зрения синтаксической трансформации. В этом исследовании были изучены две работы, посвященные сравнению переводов литературных произведений с татарского на турецкий и сравнению переводов с английского на русский. Первая работа — дипломная работа Э.К. Хабибуллиной (2016), а вторая работа — исследование О.А. Морозовой и А.А. Шишкиной (2019). Сосредоточив внимание на этих двух статьях, мы хотели бы проанализировать классификации элементов синтаксической трансформации, и на основе этого определить элементы для сравнения перевода литературных произведений.

Классификация синтаксических преобразований Э.К. Хабибуллиной может быть в значительной степени разделена на две категории: первая классифицируется по грамматическим критериям, а вторая классифицируется татарскими лингвистами в соответствии со сравнительной синтаксической теорией. Синтаксическую теорию татарского языка рассмотрели

в своей работе рассмотрели М.З. Закиев, Ф.С. Сафиуллина и С.М. Ибрагимов (2007).

При исследовании трансформаций Хабибуллина классифицировала их на две основные группы: трансформации на уровне словосочетаний и предложений и с учетом двух аспектов — перестановки и замены (Хабибуллина 2016, 198).

Классификация синтаксических преобразований Э.К. Хабибуллиной выглядит следующим образом. Первая группа — сравнение падежных систем, сравнение частей речи, сравнение грамматических форм и сравнение грамматических компонентов. Первую группу Хабибуллина считает элементами универсального перевода. Падежная система представляет собой сравнение притяжательных, творительного, именительного, родительного, винительного падежей. Сравнение частей речи предполагает сравнение существительного, местоимения, прилагательных, глаголов, причастий и деепричастий. Сравнение грамматических форм — числительных, окончаний, аффиксов, послелогов, суффиксов. Что касается грамматических компонентов, то сравнению подлежат подлежащие, прямое дополнение, сказуемое, глагол страдательного залога, основная форма глагола, прямое дополнение, косвенное дополнение.

Вторая группа показана нам в качестве сравнительных элементов в соответствии с характеристиками между татарским и турецким языками. Вторая группа — это сравнение фразеологических единиц, последовательности расположения, сравнение коротких предложений, сравнение сложных предложений, сравнение

уровней предложений и сравнение морфем слов. Что уникально, так это сравнение морфем слов и вариаций морфем слов, таких как суффиксы, послелого, производные и прилагательные.

Далее О.А. Морозова, А.А. Шишкина в своей работе привели примеры некоторых синтаксических трансформаций, используемых при переводе текста: 1) изменение порядка слов; 2) опущение из предложения отдельных слов; 3) расширение значения; 4) перенос слов из одного предложения в другое; 5) объединение двух предложений в одно; 6) разбивка одного предложения на два; 7) замена простого предложения на сложное или сложного на простое; 8) перестройка синтаксической структуры; 9) использование причастного или деепричастного оборота вместо глагола; 10) замена активной конструкции на пассивную; 11) замена пассивной конструкции на активную; 12) замена словосочетания или распространенного определения на другое предложение.

В теории синтаксической трансформации Э.К. Хабибуллиной существует относительный стандарт, поэтому типы «переводческого сдвига» и элементы перевода не смешиваются друг с другом. В случае сравнения текста литературных произведений на турецком языке с татарским языком можно увидеть, что в целях перевода используется естественная передача смысла, а также анализируется форма синтаксической трансформации. Кроме того, подход этого исследования можно рассматривать как изучение интегрированных аспектов, системных подходов и функциональных позиций, но функциональные подходы являются наиболее заметными

в процессе изучения. Хотя в её исследовании языковые трансформации и определяются нормой перевода, чтобы передать то же значение, что и в языке оригинала, она считается позицией, которая изменяется в синтаксической структуре различных уровней перевода, поэтому её можно назвать «переводческим сдвигом». Здесь функциональным подходом называется описание функциональных особенностей грамматических форм и синтаксических конструкций.

Хоть и в исследовании О.А. Морозовой и А.А. Шишкиной первый, второй, третий, пятый и восьмой элементы переводческого сдвига также показаны, а замена подразумевает такие элементы подклассификации как: комбинирование, опущение, амплификация, сокращение. В случае перестановки Л.С. Бархударова и Э.К. Хабибуллиной при «трансляционном сдвиге» и её можно обнаружить в их работе. В английском языке сравнение текстов русской литературы классифицируется с акцентом на изменения в синтаксической структуре, поэтому можно сказать, что это исследование релятивистского и комплексного подхода, и с высокой вероятностью там проводится анализ результатов перевода и значение с точки зрения языка оригинала. Поэтому, основываясь на исследовании О.А. Морозовой и А.А. Шишкиной, можно сказать, что нормой перевода, которая изменяет форму и семантический аспект языка оригинала в соответствие с эквивалентной единицей перевода, называется переводческой трансформацией.

Должна быть согласованность критериев при определении элементов сравнения синтак-

сических преобразований, и было бы эффективно использовать функциональный подход, поскольку изучение переведенного текста фокусируется на сравнении значения переведенных результатов и значения языка оригинала. Классификация первой группы синтаксических трансформаций Э.К. Хабибуллиной является стандартом перевода, поэтому считается обязательным пунктом сравнения. Следовательно, в качестве основных пунктов сравнения следует выбирать сравнение структуры падежных систем, сравнение частей речи, сравнение грамматических форм и сравнение грамматических компонентов. Также будет разумно установить элементы классификации в соответствии с языком оригинала и языком перевода.

Таким образом, сравнение перевода с преобразованием синтаксиса должно иметь функциональный подход, и норма перевода может быть определена и проанализирована как «трансляционный сдвиг». С другой стороны, я думаю, что в случае исследования сравнения переводов формат и семантические аспекты языка оригинала можно проанализировать, определив его как норму для «переводческой трансформации» на основе единицы языка перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теории перевода одни и те же взгляды пересекаются через различные термины, и их использование меняется в соответствии с конкретными точками зрения, поэтому, чтобы уменьшить эту путаницу, мы попытались обобщить их, обращая внимание на термин «переводческой трансформации», и выявить разницу понятий «трансляционного сдвига»

и «переводческой трансформации». Типы «трансляционного сдвига» также перекрываются и противоречат друг другу, но российские лингвисты обычно сокращают или дополняют типы сравнительных литературных теорий, и до сих пор они могут быть отобраны и дополнены в соответствии со сравнительным языком на основе критериев сравнительной теории литературы. Кроме того, при изучении критериев классификации элементов для сравнения синтаксических преобразований мы проанализировали элементы данную классификацию и определили, что элементы, основанные на языковых различиях в языках оригинала и перевода, могут быть классифицированы в соответствии с языковыми группами. В будущем мы надеемся, что исследования по элементам классификации синтаксической трансформации станут более разнообразными.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Москва: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
2. Бауш К. Р. Замена (попытка новой классификации). *Linguistica Antverpiensia* II, 1968. С. 29–50. (на нем.яз.)
3. Виллс В. (Wilss W.) Наука о переводе: проблемы и методы (*Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden*). 1977. 116 с. (на нем.яз.)
4. Вине Ж., Дарбельне, Ж. (Vinay J.P., Darbelnet, J.) Сравнительная стилистика французского и английского языков. Метод перевода. (*Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*). *Bibliothèque de stylistique comparée*, 1968. 366 с. (на франц.яз.)
5. Закиев Ф.С., Сафиуллина С.М., Ибрагимов. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 230 с.
6. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Москва: ЧеРо, 1999. 136 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высш. шк., 1990. 253 с.
8. Кэтфорд Д.К. (Catford, J.C.) Лингвистическая теория перевода (*A Linguistic Theory of Translation*). Oxford University Press, 1965. 103 с. (на англ. яз.)
9. Латышев Л.К. Общественная детерминированность перевода и переводческая эквивалентность. Текст как инструмент общения. Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1983. С. 103–119.
10. Морозова О.А., Шишкина А.А. Синтаксические трансформации в художественном тексте при переводе с английского языка на русский язык (на примере произведения Эрнеста Хемингуэя «Старик и море»). *Филологические науки*, 2019; №17. С. 155–159.
11. Хабибуллина Э.К. Языковые трансформации при переводе татарской литературы на турецкий язык. Автореферат дис. кандидата филологических наук. Казань: КФУ, 2016. 280 с.
12. Чжу С. Сравнение адлогов в русском и корейском языках. *Успехи гуманитарных наук*. 2022; № 5. С. 204–212.
13. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука, 1988. 215 с.
14. Штольц Р. (Stolze, R.) Введение в теорию перевода: Погружение в переводческую практику (번역이론 입문: 번역학 꿰뚫기). Пер. Лим У Ён. Korean University of Foreign Studies Press, 2011. 331 с. (на кор.яз.)

References

1. Barhudarov L.S. YAzyk i perevod. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya, 1975. 240 s.
2. Baush K. R. Zamena (popytka novoj klassifikacii). *Linguistica Antverpiensia II*, 1968. S. 29–50. (na nem.yaz.)
3. Vills V. (Wilss, W.) Nauka o perevode: problemy i metody (Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden). 1977. 116 s. (na nem.yaz.)
4. Vine ZH., Darbel'ne ZH. (Vinay, J.P., Darbelnet, J.) Sravnitel'naya stilistika francuzskogo i anglijskogo yazykov. Metod perevoda. (Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction). Bibliothèque de stylistique comparée, 1968. 366 s. (na franc.yaz.)
5. Zakiev F.S. Safiullina, S.M. Ibragimov. Sopostavitel'nyj sintaksis russkogo i tatarskogo yazykov. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2007. 230 s.
6. Komissarov V.N. Obshchaya teoriya perevoda. Moskva: CHeRo, 1999. 136 s.
7. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Moskva: Vyssh. shk., 1990. 253 s.
8. Ketford D.K. (Catford, J.C.) Lingvisticheskaya teoriya perevoda (A Linguistic Theory of Translation). Oxford University Press, 1965. 103 s. (na ang. yaz.)
9. Latyshev L.K. Obshchestvennaya determinirovannost' perevoda i perevodcheskaya ekvivalentnost'. *Tekst kak instrument obshcheniya*. Moskva: In-t yazykoznaniya AN SSSR, 1983. S. 103–119.
10. Morozova O.A., SHishkina A.A. Sintaksicheskie transformacii v hudozhestvennom tekste pri perevode s anglijskogo yazyka na russkij yazyk (na primere proizvedeniya Ernesta Hemingueya «Starik i more»). *Filologicheskie nauki*, 2019; №17. S. 155–159.
11. Habibullina E.K. YAzykovye transformacii pri perevode tatarskoj literatury na tureckij yazyk. avtoreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk. Kazan': KFU, 2016. 280 s.
12. CHzhu S. Sravnenie adlogov v russkom i korejskom yazykah. *Uspekhi gumanitarnyh nauk*. 2022; № 5. S. 204–212.
13. SHvejcer A.D. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty. Moskva: Nauka, 1988. 215 s.
14. SHtol'c R. (Stolze, R.) Vvedenie v teoriyu perevoda: Pogruzhenie v perevodcheskuyu praktiku (번역이론 입문: 번역학 꿰뚫기). Per. Lim U YOn. Korean University of Foreign Studies Press, 2011. 331 s. (na kor.yaz.)

Информация об авторе

Чжу Сун Мен

Преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: schzhu@kpfu.ru

Information about the Author

Ju Sun Mean,

Lecturer Department of Altaic Studies and Chinese Studies, Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: schzhu@kpfu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Features of semantic classes of verbs in Tatar and Japanese languages from the point of view of some aspectual meanings

Особенности семантических классов глаголов татарского и японского языков с точки зрения некоторых аспектуальных значений

Халиуллина Алина Айратовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
alina.khaliullina27@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6036-7707>*

Alina A. Khaliullina

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
alina.khaliullina27@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6036-7707>*

УДК 81 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-18-26](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-18-26)

АННОТАЦИЯ

Схожесть японского и татарского языков была замечена еще в XX веке представителями татарской эмиграции в Японии. В статье от 20 мая 1943 г. периодического издания Милли Байрак, объединяющего тюркоязычных эмигрантов на Дальнем Востоке, отмечается эффективность изучения японского языка лицами, владеющими татарским языком, в связи со структурной схожестью. Дальнейшие исследования подтверждают данную гипотезу и доказывают актуальность изучения данных языков в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Категория совершенного и несовершенного вида в чистом проявлении отсутствует в рассматриваемых языках, однако значительное количество сходств наблюдается в области иных аспектуальных форм и их значений, в частности в категории характера протекания действия. В статье описываются семантические классы глаголов японского языка с точки зрения образования ими аспектуальных форм.

ABSTRACT

Representatives of the Tatar emigration in Japan noticed the similarity of the Japanese and Tatar languages back in the 20th century. An article dated May 20, 1943 in the periodical Milli Bayrak, which unites Turkic-speaking emigrants in the Far East, notes the effectiveness of learning the Japanese language by people who speak Tatar, due to structural similarity. Further studies confirm this hypothesis and prove the relevance of studying these languages in a comparative aspect.

The category of the perfect and imperfect aspect in its pure manifestation is absent in the languages under consideration, however, a significant number of similarities are observed in the field of other aspectual forms and their meanings, in particular in the category of the nature of the course of the action. The article describes the semantic classes of Japanese verbs from the point of view of their formation of aspectual forms. In particular, the features of the specific form *-te iru*, as well as some forms that realize the significance of

В частности, рассматриваются особенности видовой формы -тэ иру, а также некоторых форм, реализующих значение стадии развития действия. Целью настоящего исследования является установление связей между семантической составляющей татарского глагола и аспектуальными значениями путём проведения сравнительно-сопоставительного анализа двух языков. В ходе исследования были выявлены типологические сходства в области аспектуальных форм, показана корреляция семантических классов глаголов с возможностью реализации видовых значений.

Ключевые слова: Сравнительно-сопоставительное языкознание, японский язык, татарский язык, семантические классы глаголов, аспектуальные формы, категория характера протекания действия

Для цитирования: Халиуллина А.А. Особенности семантических классов глаголов татарского и японского языков с точки зрения некоторых аспектуальных значений. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-18-26>

Общество исследователей описательной грамматики японского языка предлагает следующую систему семантической классификации японских глаголов:

- 1) глаголы действия (активные глаголы);
- 2) глаголы состояния (стативные глаголы).

Нужно отметить, что глаголы первой группы, имея значение развития определенного действия, могут обладать аспектуальными призна-

ми, тогда как глаголы второй группы, реализуя значение качества субъекта или его существования, не образуют аспектуальных форм (Нитта 2007, 103). В отечественном японском языкознании тема семантических классов глаголов подробно изучается в работе В.М. Алпатова (Алпатов 2008, 73-84).

Keywords: Comparative linguistics, Japanese language, Tatar language, semantic classes of verbs, aspectual forms, category of the nature of the course of action

For citation: Khaliullina A.A. Features of semantic classes of verbs in Tatar and Japanese languages from the point of view of some aspectual meanings. // *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(3). P. (In Russ. / other) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-18-26>

Активные глаголы делятся на глаголы длительные и мгновенные. В свою очередь,

в каждой из рассматриваемых подгрупп обнаруживается разделение в зависимости от наличия в данных глаголах значения изменения.

Под длительными подразумеваются глаголы, выражающие действия с временной протяженностью: 遊ぶ *асобу* «играть», 暮らす *курасу* «жить», 咲く *саку* «цвести», 楽しむ *таносиму* «наслаждаться», 笑う *варау* «смеяться» и т.д.

В аспектуальной форме на *-тэ иру/ита* рассматриваемые глаголы, как правило, приобретают значение процессности. Более того, в связи с возможностью развития, действия, выраженные данными глаголами, могут использоваться и в аспектуальных формах со значением начинательности, продолжения, завершения и иными значениями характера протекания действия.

В зависимости от результата, к которому приводит действие, выраженное глаголом, среди глаголов со значением длительности также выделяют: 1) глаголы действия с поддержанием результата: つなげる *цунагэру* «связывать», 並べる *нарабэру* «расставлять», 閉める *симэру* «закрывать»; 2) глаголы действия с сохранением результата: 片づける *катадзукэру* «прибирать», 乾かす *кавакасу* «высушивать», 荷物をまとめる *нимоцу-о матомэру* «собирать (багаж)»; глаголы необратимых действий: 壊す *ковасу* «ломать», 折る *ору* «сгибать», 作る *цукуру* «создавать».

С точки зрения аспектуальных форм рассмотренные выше глаголы имеют несколько общих черт. Употребляясь в форме длительности на *-тэ иру*, данные глаголы в большинстве

случаев выражают значение процессности. Однако, в определенном контексте реализация данного значения невозможна. Так, к примеру, глагол 壊す *ковасу* «ломать», сочетаясь с наречием うっかり *уккари* «по невнимательности», указывает на отсутствие временного промежутка. Вместе с тем, значение длительности действия может быть реализовано в контексте с помощью иных средств: 田中はしばらくかかかって看板を立てた。 *Танака-ва сибараку какаттэ канбан-о татэта*. «Танака некоторое время устанавливал вывеску». К тому же, рассматриваемые глаголы так же образуют аспектуальные формы характера протекания действия.

Среди глаголов длительности, глаголы изменения в японском языке представлены в ограниченном количестве следующими типами:

- 1) глаголы с сохранением результата изменения: 暖まる *атамару* «согреваться», 曇る *кумору* «покрываться облаками», 凍る *ко:ру* «леденеть»;
- 2) глаголы, выражающие значение необратимых перемен: あせる *асэру* «выцветать», 枯れる *карэру* «вянуть», 治る *наору* «выздоровливать».

Особенностью данных глаголов является то, что в аспектуальной форме длительности действия на *-тэ иру*, они, в основном, выражают перфектное значение, однако в определенном контексте могут указывать и на процессность.

お風呂のお湯は冷めている。 *Офуро-но ою-ва самэтэ-иру*. «Вода в ванной остыла (находится в остывшем состоянии)».

お風呂のお湯は次第に冷めている。Ofуро-
но ою-ва сидай-ни самэтэ-иру. «Вода в ванной
постепенно остывает».

В связи с тем, что в основе данных глаго-
лов пересекаются значения длительности
и изменения, они могут использоваться в ас-
пектуальных формах, выражающих определен-
ную ступень развития действия.

Далее рассмотрим подгруппу мгновенных
или моментальных глаголов. Они, в свою оче-
редь, так же подразделяются на глаголы мгно-
венного действия и глаголы мгновенного изме-
нения. Нужно отметить, что к первой катего-
рии относится ограниченное количество глаго-
лов, представленных следующими значениями:
1) действия, не выражающие изменений: 一瞥
する *итибэцу суру* «бросать взгляд», 発明する
хацумэй суру «изобретать»; 2) действия, под-
держивающие результат: 置く *оку* «класть», 設
ける *мо:кэру* «оборудовать»; 3) действия, со-
храняющие результат: 規則を変える *кисоку-о*
каэру «менять правила»; 4) действия, повлек-
шие необратимые изменения: 首にする *куби-ни*
суру «увольнять», 殺す *коросу* «убивать».

Особенность рассмотренных глаголов за-
ключается в том, что в форме *-тэ иру* они не
выражают значения длительности в связи
с отсутствием развития действия. В зависимо-
сти от семантики глагола, мгновенные дей-
ствия в указанной аспектуальной форме могут
выражать так называемое историческое про-
шедшее время — прием, используемый в том
числе в художественной литературе с целью
создания эффекта присутствия: 田中は鈴木の方
を一瞥している。Танака-ва Судзуки-но хо:-о

итибэцу ситэ-иру. «Танака бросает взгляд на
Судзуки». Также с помощью данной аспекту-
альной формы с мгновенными глаголами мо-
жет быть выражено значение перфектности: 鈴
木は財布を落としてしている。Судзуки-ва сайфу-о
отоситэ-иру. «Судзуки обронил кошелек». Вме-
сте с тем, для глаголов данного типа не харак-
терно использование форм, указывающих на
стадию развития действия.

Нужно отметить, что в рассматриваемой
группе глаголы мгновенного изменения пред-
ставлены в подавляющем большинстве. Их так
же можно разделить согласно следующим зна-
чениям: 1) действия с поддержанием результа-
та: 座る *сувару* «садиться», 覚える *обоэру*
«запоминать»; 2) действия с сохранением ре-
зультата: 降りる *ориру* «сходить с транспорта»,
壊れる *коварэру* «ломаться»; 3) действия, выра-
жающие необратимые изменения: 決まる *ки-*
мару «решаться», 知る *сиру* «знать».

Общим для данных глаголов является так
же значение результативности в форме на *-тэ*
иру: 鈴木は帰宅している。Судзуки-ва китаку
ситэ-иру. «Судзуки вернулся домой». Вместе
с тем, данным глаголам не характерно исполь-
зование форм, указывающих на стадию разви-
тия действия. Однако, некоторые глаголы, реа-
лизующие значение действия с поддержанием
результата, встречаются в форме *-сицудзукэру*
«продолжать делать что-либо». 田中は椅子に座
りつづけた。Танака-ва ису-ни суварицудзукэта.
«Танака продолжал сидеть на стуле».

Таким образом, глаголы длительного
действия делятся на две подгруппы в зависи-
мости от семантики глагола, выражающейся

в наличии или отсутствии изменения. Глаголам обеих подгрупп в форме на *-тэ иру* характерна реализация значения процессности. В некоторых случаях значение процессности может быть актуализировано посредством дополнительных лексических средств, придающих необходимое аспектуальное значение. В свою очередь, в связи с тем, что глаголы длительного действия подразумевают развитие на временном промежутке, с данными глаголами используются и формы, указывающие на стадию действия.

Глаголам мгновенного действия и мгновенного изменения не свойственно использование в формах, указывающих на стадию развития действия, однако в случае с глаголами, реализующими значение поддержания результата допускается использование формы — *сицудзукэру*, обозначающей продолжительность действия. В форме на *-тэ иру* рассматриваемые глаголы, как правило, указывают на перфектный характер высказывания.

Характерной чертой глаголов состояния является отсутствие начала, конца или развития действия ими выраженного на отрезке времени. Отмечается, что по этой причине глаголам состояния не свойственно употребление в аспектуальных формах. Данные глаголы делятся на следующие группы: 1) глаголы, преимущественно используемые в *-ру* форме; 2) глаголы, представленные как *-ру* формой, так и *-тэ иру* формой; 3) глаголы, преимущественно используемые в *-тэ иру* форме. К первой группе относятся глаголы бытия, потенциалис, экцессив. Глаголы второй группы употребляясь в обеих формах не меняют значения.

Глаголы третьей группы передают свойство субъекта, часто выраженное ономастопозитической лексикой.

В татарском языкознании проблема семантических классов глагола отражена в работах Ф.А. Ганиева (Ганиев 1984, 75-84), Ф.М. Хисамовой (Хисамова 2015, 166-167), В.Н. Хисамовой (Хисамова 2004, 166-176) и других.

Глаголам татарского языка с точки зрения семантики так же свойственно деление на группы. Помимо активных и стативных глаголов, выделяемых в японском языке, в татарском языке существует группа относительных глаголов. Так же как в японском языке, перечисленные семантические группы делятся на более конкретные подгруппы, отражающие богатство татарского глагола.

Так, к активным глаголам относят глаголы действия, мыслительной деятельности, глаголы движения, глаголы речи. Стативные глаголы представляют глаголы существования, изменения свойств субъекта, его эмоциональное и физическое состояние. Относительные глаголы указывают на взаимодействие субъекта с окружающими.

Нужно отметить, что в татарском языке в отличие от японского языка значение длительности действия относится к темпоральным, а не аспектуальным значениям и определяется в контексте. В качестве аспектуальных форм в татарском языке рассматриваются формы характера протекания действия. В целях проведения сравнительно-сопоставительного анализа, в настоящем исследовании мы ограничимся

формами, реализующими значение стадии развития действия и обратимся к темпоральным формам, указывающим на продолжительность действия.

Активные глаголы татарского языка так же можно разделить на подгруппы в зависимости от появления определенного изменения в результате выполнения действия, выраженного глаголом.

Глаголы *уйнарга* «играть», *яшарга* «жить», *чачак атырга* «цвести», *рахәтләнергә* «наслаждаться», *көлөргә* «смеяться» и т.д. указывают на процесс, не приводящий к изменениям. В японском языке глаголы данного семантического класса при использовании в аспектуальной форме *-тэ иру* подразумевают длительное действие. В татарском языке морфологическая структура глагола при выражении длительности действия не претерпевает изменений, однако для придания необходимого оттенка могут добавляться дополнительные лексические единицы, указывающие на временную протяженность действия: *Ул көне буе урамда уйнай.* «Он весь день играет на улице». Что касается аспектуальных значений этапов развития действия, как в татарском, так и в японском языках после основного глагола используются вспомогательные глаголы с соответствующими значениями: *Сирень чачак ата башлады.* «Сирень начала цвести». *ライラックが咲き始めた。* *Райракку-га сакихадзимэта.* В татарском языке основной глагол представлен в форме настоящего времени, в японском языке вспомогательный глагол прибавляется к корню основного глагола.

Активные глаголы татарского языка, реализующие значение действия, приводящего к изменениям, также представлены в меньшем количестве, чем глаголы подгруппы, описанной выше. 1) глаголы с сохранением результата изменения: *суынырга* «остывать», *болытланырга* «покрываться облаками», *бозланырга* «леденеть»; 2) глаголы, выражающие значение необратимых перемен: *төссезләнергә* «выцветать», *терелергә* «выздоровливать».

Глаголы данной подгруппы для передачи перфектного значения используются в форме прошедшего результативного на *-ган/-гән*: *Су суынган.* «Вода остыла». Данным глаголам в связи с имеющимся в них смысловым оттенком процессности свойственно использование в аспектуальных формах. Нужно отметить, в отличие от японского языка, в татарском языке с рассматриваемыми глаголами возможно использование формы, указывающей на завершение действия. Однако, вспомогательный глагол «заканчиваться» *бетергә* скорее раскрывает нюанс исчерпанности действия, прошедшего в состояние: *Аш суынып беткән.* «Суп остыл».

Моментальные глаголы в татарском языке так же можно разделить на глаголы моментального действия и глаголы моментального изменения. Глаголы моментального действия: *ачыш ясарга* «делать открытие», *үзгәрттергә* «менять», *үтерергә* «убивать», *төшереп калдырырга* «ронять». Глаголы моментального изменения: *истә калдырырга* «запоминать», *ватырга* «ломать». В японском языке глаголы данной группы в основном значении указывают на мгновенно совершающееся событие, им не

свойственно употребление форм со значением стадии развития действия. В аспектуальной форме на *-тэ иру* рассматриваемое событие переходит в результат. В татарском языке для передачи перфектного значения так же наблюдается использование формы на *-ган/-гән*, а использование вспомогательных глаголов со значением стадии развития действия может быть обусловлено передачей значения серии повторяющихся мгновенных действий: *Ул һәр бүлмәдә утны яндыра башлады*. «Он стал включать свет в каждой комнате». В японском языке глагол моментального действия *つける цукэру* «включать» не может использоваться в рассматриваемой аспектуальной форме.

Понятие стативных глаголов в японском и татарском языкознании отличается. Как упоминалось выше в татарском языке к стативным относят глаголы бытия, изменения свойств субъекта, эмоциональное и физическое состояние. Общество исследователей описательной грамматики японского языка, на материалы которого мы ссылаемся в настоящей статье, под стативными подразумевают глаголы, не выражающие действия. В татарском языке примерами подобных глаголов могут служить: *булырга* «быть», *торырга* «стоять», *аерылырга* «отличаться» и т.д. Некоторые относительные глаголы также могут быть рассмотрены в рамках данного семантического класса. В японском языке в связи отсутствием временных рамок действия, стативные глаголы не образуют аспектуальных форм, будь то значение длительности или степени развития действия. В татарском языке наблюдается использование вспомогательного глагола *башларга* «начинать»,

как показателя произошедшего изменения: *бүгенге замана ризыклары элеккегедән аерыла башлады*.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа выяснилось, что семантическим классам глаголов японского языка находятся соответствия в татарском языке. Вместе с тем, в татарском языке не наблюдается значительной корреляции между смысловой составляющей глагола и соответствующей грамматической формой. В свою очередь, в японском языке семантика глагола становится определяющим фактором в реализации рассмотренных аспектуальных значений. Видовая форма *-тэ иру* выражает значение длительности или результативности действия в зависимости от семантического класса глагола. Так, с глаголами длительного действия рассматриваемая форма актуализирует значение процессности, тогда как моментальные глаголы приобретают значение перфектности. В татарском языке данные значения не относятся к аспектуальным, но рассматриваются в рамках темпоральности.

Аспектуальное значение стадии развития действия, рассматриваемое в татарском языкознании внутри категории характера протекания действия, наблюдается в обоих языках и образуется путем присоединения к основному глаголу вспомогательных глаголов с соответствующим значением. В японском языке глаголы со значением «начинать», «заканчивать», «продолжать», как правило, присоединяются к глаголам длительного действия, тогда как в татарском языке наблюдается их использование с глаголами

каждого из рассматриваемых в настоящей статье семантических классов. У глаголов *бетергә* «заканчивать» или *бетәргә* «заканчиваться» помимо основного значения завершения действия существует дополнительное значение исчерпанности действия. В японском языке для реализации данного значения используется иная грамматическая форма.

На основе переводческого анализа кинодиалога можно сделать вывод, что переводчику недостаточно сохранить стиль и идею автора, его

Список литературы

1. Нитта Ёсио (仁田義雄) Грамматика современного японского языка: категории аспекта, времени, утверждения и отрицания. (現代日本語文法: アスペクト、テンス、肯否) Токио: Курошио шуппан, 2007. (на японском языке)
2. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. Кн. 1. Москва: Наталис, 2008.
3. Ганиев Ф.А. Семантические разряды глаголов татарского языка. Исследования по татарскому языкознанию. 1984. С.75-84.
4. Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Татар кит. нәшр., 2015.
5. Хисамова В. Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.
6. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. Москва: Наука, 1991.
7. Тумашева Д. Г. Татарский глагол: Опыт функционально-семантических исследований грамматических категорий: учебное пособие. Казань: Изд-во КГУ, 1986.
8. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань: Татарское книжное издательство, 1963.
9. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. Москва: Наука, 1965.
10. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Москва: ЯСК, 2004.

References

1. Nitta Yoshio (仁田義雄) Grammar of modern Japanese language: the categories of aspect, tense, affirmation and negation. (現代日本語文法: アスペクト、テンス、肯否) Tokyo: Kuroshio shuppan, 2007. (in Japanese)
2. Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I. Theoretical grammar of the Japanese language: in 2 books. Book. 1. Moscow: Natalis, 2008.
3. Ganiev F.A. Semantic discharges of verbs of the Tatar language. Studies in Tatar linguistics. 1984. S.75-84.
4. Khisamova F. M. Morphological studies of Tatar language: the textbook for University students. Kazan: Tatar book publishing house, 2015.
5. Khisamova V. N. The verbal system of the Tatar and English languages: a comparative analysis in the aspect of learning English on the basis of the native (Tatar) language. Kazan: Kazan University Publishing House, 2004.

6. Starostin S. A. The Altai problem and the origin of the Japanese language. Moscow: Science, 1991.
7. Tumasheva D. G. Tatar verb: Experience of functional-semantic studies of grammatical categories: textbook. Kazan: Publishing house of Kazan State University, 1986.
8. Ganiev F.A. Species characteristics of the verbs of the Tatar language. Kazan: Tatar book publishing house, 1963.
9. Yuldashev A.A. Analytical forms of the verb in Turkic languages. Moscow: Science, 1965.
10. Maslov Yu.S. Selected works. Aspectology. General linguistics. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2004.

Информация об авторе

Халиуллина Алина Айратовна,

Казанский федеральный университет

420008 Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

alina.khaliullina27@gmail.com

Information about the Author

Alina A. Khaliullina

Kazan Federal University

420008 Kremlevskaya st. 18, Kazan, Russia

alina.khaliullina27@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Separate-fused *liheci* words with component-motivated
semantics in modern Chinese

Раздельно-слитные слова *лихэцы* с компонентно-мотивированной
семантикой в современном китайском языке

Кисель Полина Олеговна

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия
14polink@mail.ru*

Kisel Polina Olegovna

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russia
14polink@mail.ru*

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-27-37](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-27-37)

АННОТАЦИЯ

В статье описываются семантические и синтагматические характеристики раздельно-слитных слов *лихэцы* с компонентно-мотивированной семантикой в современном китайском языке. Анализ корпусного материала позволил выявить широкий набор вставок атрибутивного характера в препозиции к именному компоненту данных единиц (существительные, именные группы, местоимения, прилагательные, счетные слова и т.д.). Далее в статье последовательно рассматривается специфика функционирования каждой вставки между компонентами глагольно-именной конструкции *лихэцы*. В результате показано, что ряд вставок способен разорвать семантическую спаянность бинорма и установить полноценные атрибутивные отношения с именным компонентом. Кроме того, описаны случаи включения в состав *лихэцы* лексических

ABSTRACT

The paper deals with a description of semantic and syntagmatic features of separable words *liheci* with component-motivated semantics in modern Chinese. A corpus-based analysis of language material showed a wide range of different elements before the nominal component of separable word *liheci* (nouns, noun phrases, pronouns, adjectives, measure-words, etc.). Further, functional characteristics of each inserted element before the nominal component of *liheci* are discussed. As a result, it was shown that a number of inserted elements break the semantic unity of the verb-object *liheci*. The cases of insertion lexical items naming the participants with different semantic roles in the structure of *liheci* are also discussed.

Keywords: Chinese, verb-object construction, separable words, *liheci*, nominal component

единиц, называющих обязательных и второстепенных участников ситуации с различными семантическими ролями.

Ключевые слова: китайский язык, глагольно-именная конструкция, раздельно-слитные слова, лихэцы, именной компонент

Для цитирования: Кисель П.О. Раздельно-слитные слова лихэцы с компонентно-мотивированной семантикой в современном китайском языке. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-27-37>

ВВЕДЕНИЕ

Раздельно-слитные, или расчленяемые, слова *лихэцы* 离合词 *lǐhécí* в современном китайском языке представляют собой весьма разнородный как в структурном, так и в семантическом отношении класс биномов. Значительную часть такого рода единиц составляют двусложные глаголы, построенные по глагольно-именной модели. Такие единицы зафиксированы в словаре и воспринимаются как лексемы, при этом их компоненты допускают и дистантное положение в речи за счет различных вставок как в постпозиции к глагольному компоненту, так и в препозиции к именному:

(1) 多久没睡过这么好的觉了。

<i>Duōjiǔ</i>	<i>méi</i>	<i>shuì-guò</i>	<i>zhème</i>
Давно	NEG	спать-EXP	такой
<i>hǎo</i>	<i>de</i>	<i>jiào</i>	<i>le</i>
хороший	ATTR	сон	MOD

‘Давно так хорошо не спал.’ (*лихэцы* 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’, букв.: ‘спать’ + ‘сон’).

For citation: Kisel P.O. Separable words *liheci* with component-motivated semantics in modern Chinese. // *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-27-37>

В данной статье мы используем фонетическую транскрипцию китайского термина 离合词 *lǐhécí* ‘лихэцы’, предложенного в учебнике Лу Чживэй «Словообразование китайского языка» (Лу 1957), и его русскоязычную кальку ‘раздельно-слитные слова’. В качестве терминологических синонимов в статье также употребляются такие варианты, как *раздельно-слитные/ разделяемые глаголы, расчленяемые слова, двусложные комплексы, глагольно-именные комплексы, биномы* и *двуслоги*, а также их комбинации.

Раздельно-слитные слова *лихэцы* представляют объект пристального внимания как лингвистов-теоретиков, так и лингвистов-практиков. Данные единицы входят в список наиболее трудно осваиваемых грамматических явлений китайского языка (Тань 2002, 494).

Одним из актуальных теоретических вопросов является вопрос об уровне принадлежности данных единиц. Проблема статуса

и номинации двусложных глагольно-именных комплексов в современном китайском языке затрагивалась в работах отечественных (Исаенко 1957), (Маматюк 1986), (Панфилов 2008), (Семенас 1992), китайских (Люй 1959), (Лу 1957), (Чжоу 2006), (Ван 2008) и западных (Чжао 2011), (Ли, Томпсон 1981), (Паккард 2004) лингвистов.

Что касается структурно-семантических характеристик и синтагматических свойств раздельно-слитных слов *лихэцы*, проявляющихся при их взаимодействии с различного рода вставками, то данные вопросы до сих пор специального освещения в китаистике фактически не получали. Между тем рассмотрение сочетаемостных свойств *лихэцы* при дистантном положении компонентов позволяет в том числе более глубоко взглянуть на проблему уровневой принадлежности данных единиц.

Образованные по данной структурной модели глагольно-именные *лихэцы* гетерогенны с точки зрения степени идиоматичности значения, или степени словарности. Словарность единицы может варьироваться. Согласно В.С. Панфилову, при минимальной словарности значение комплекса естественно вытекает из суммы значений компонентов, при этом ввиду частой встречаемости такая единица воспринимается как воспроизводимая. Средняя словарность означает, что сумма значений компонентов комплекса соответствует не значению, а его внутренней форме. Иными словами, значение единицы до определенной степени может быть подсказано ее внутренней формой

при отсутствии возможности обращения к словарю. При максимальной словарности значение комплекса невыводимо из значений компонентов и его невозможно получить без обращения к словарю (Панфилов 2008, 59).

Объектом данного исследования выступают раздельно-слитные слова *лихэцы* средней и минимальной степени словарности, предметом — семантические и синтагматические свойства данных единиц при дистантном функционировании компонентов в речи, создаваемом за счет оформления именного компонента, которое представляет собой открытый набор возможных вставок. Что касается оформления глагольного компонента *лихэцы*, то оно представлено закрытым списком аспектуальных суффиксов, глагольных счетных слов, элементов возможности/невозможности, результативных морфем и др. и в данной статье целенаправленно рассматриваться не будет. В основе работы лежат классификационный, описательный и индуктивный методы, исследование построено на всестороннем анализе имеющегося языкового материала. Эмпирической базой выступил Корпус китайского языка Пекинского университета (Center for Chinese Linguistics PKU).

Значение и/или внутренняя форма раздельно-слитных слов *лихэцы* минимальной и средней степеней словарности в большей или меньшей мере могут быть выведены из семантики их составляющих, в связи с чем такие единицы в рамках семантической классификации были обозначены нами как *лихэцы с компонентно-мотивированной семантикой*. В данной

статье будут рассмотрены сочетаемостные характеристики глагольно-именных биномов, в которых семантическим весом обладают оба компонента, поэтому комбинаторика *лихэцы* с «пустым» дополнением освещаться не будет.

В рамках класса раздельно-слитных единиц с компонентно-мотивированной семантикой можно выделить два подкласса, а именно: *лихэцы* со средней степенью словарности и *лихэцы* с минимальной степенью словарности.

У *лихэцы* со средней степенью словарности сумма значений компонентов составляет внутреннюю форму комплекса. К данной подгруппе относятся такие единицы, как: 化妆 *huàzhuāng* ‘наносить макияж’ (букв.: ‘изменять’ + ‘косметика, грим’), 见面 *jiànmiàn* ‘встречаться’ (букв.: ‘видеть’ + ‘лицо’), 担心 *dānxīn* ‘беспокоиться, тревожиться’ (букв.: ‘брать на себя, переносить’ + ‘мысль, чувство’), 伤心 *shāngxīn* ‘ранить душу, причинять страдания’ (букв.: ‘ранить’ + ‘сердце’) и т.п.

Кроме того, среди *лихэцы* со средней степенью словарности обнаруживаются и биномы, глагольные компоненты которых представляют собой единицы с весьма широким набором значений, и выбор конкретного значения обусловлен именем. Такие глагольные компоненты выступают своего рода «операторами»: их значения узконаправлены и зависят от именного компонента, с которым они семантически связаны: 生病 *shēngbìng* ‘заболеть’ (букв.: ‘порождать’ + ‘болезнь’), 生气 *shēngqì* ‘сердиться’ (букв.: ‘выделять, источать’ + ‘гнев’), 打针 *dǎzhēn* ‘делать укол’ (букв.: ‘бить’ + ‘укол’), 打仗 *dǎzhàng* ‘воевать, сражаться

ся’ (букв.: ‘устраивать, вести; атаковать’ + ‘бой, сражение’), 做梦 *zuòmèng* ‘видеть сон; мечтать’ (букв.: ‘делать, заниматься’ + ‘сон’), 做客 *zuòkè* ‘гостить’ (букв.: ‘быть, являться’ + ‘гость’) и т.п.

У *лихэцы* с минимальной степенью словарности значение комплекса естественно вытекает из суммы значений составляющих: 道歉 *dàoqiàn* ‘извиняться’ (букв.: ‘говорить’ + ‘извинение’), 得病 *débing* ‘заболеть’ (букв.: ‘получать’ + ‘болезнь’), 施肥 *shīféi* ‘удобрять’ (букв.: ‘применять’ + ‘удобрения’), 受伤 *shòushāng* ‘получить травму, ранение’ (букв.: ‘подвергаться, получать’ + ‘травма, рана’) и т.п.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПУСНОГО МАТЕРИАЛА

В ходе анализа корпусного материала были выявлены следующие синтагматические особенности раздельно-слитных слов *лихэцы* с компонентно-мотивированной семантикой:

а) Дистантное положение компонентов рассматриваемых раздельно-слитных слов может создаваться за счет постановки в препозиции к именному компоненту количественных групп (счетных слов, счетных комплексов, числительных и единиц других классов слов с количественной семантикой).

Универсальное счетное слово 个 *gè* ‘штука’ может выступать квантификатором действия, обозначенного *лихэцы*, как правило, указывая на однократность. Допустимость интерпретации разделяемого предиката как пре-

дельного при вставке счетного слова 个 *gè* ‘штука’ зависит от его акциональной принадлежности. Так, раздельно-слитные биномы, относящиеся к классу «Состояния», как, например, 担心 *dānxīn* ‘беспокоиться, тревожиться’ или 吃苦 *chīkǔ* ‘страдать, переносить трудности’ такой возможностью и, следовательно, соответствующей комбинаторикой не обладают:

(2) 你看看你那么干净, 进去化个妆再来吧。

<i>Nǐ</i>	<i>kàn~kàn</i>	<i>nǐ</i>
2SG	смотреть-смотреть	2SG
<i>nàme</i>	<i>gānjìng,</i>	<i>jìn-qù</i>
DEM	чистый,	входить-DIR
<i>huà</i>	<i>gè</i>	<i>zhuāng</i>
изменять	CLF	косметика
<i>zài</i>	<i>lái</i>	<i>ba</i>
<i>zài</i>	приходить	MOD

“Посмотри, какая ты бледная, иди накрасься и возвращайся”

(3) 打个针就能治好不少病。

<i>Dǎ</i>	<i>gè</i>	<i>zhēn</i>	<i>jiù</i>
Бить	CLF	укол	тотчас
<i>néng</i>	<i>zhì-hǎo</i>	<i>bù-shǎo</i>	<i>bìng</i>
мочь	лечить-RES	NEG-мало	болезнь

‘Сделав укол, можно вылечить многие болезни’

(4) 你一定帮我向他道个歉。

<i>Nǐ</i>	<i>yīdìng</i>	<i>bāng</i>	<i>wǒ</i>	<i>xiàng</i>
2SG	обязательно	помогать	1SG	PREP
<i>tā</i>	<i>dào</i>	<i>gè</i>	<i>qiàn</i>	
3SG.M	говорить	CLF	извинение	

‘Ты обязательно поможешь мне извиниться перед ним’

Именные компоненты некоторых раздельно-слитных биномов, не принимая в позиции счетное слово, могут сами по себе выступать в качестве квантификаторов действия, выражая однократность:

(5) 后来我和她又见了一面。

<i>Hòulái</i>	<i>wǒ</i>	<i>hé</i>	<i>tā</i>
Потом	1SG	COM	3SG.F
<i>yòu</i>	<i>jiàn-le</i>	<i>yī</i>	<i>miàn</i>
опять	видеть-PFV	один	лицо

‘В дальнейшем я вновь встретился с ней’

(6) 见面之后, 我吃了一惊。

<i>jiànmiàn</i>	<i>zhīhòu</i>	<i>wǒ</i>
Встречаться	после	1SG
<i>chī-le</i>	<i>yī</i>	<i>jīng</i>
есть-PFV	один	испуг

‘Я изумился той встрече’

Именной компонент, принимая в позиции числительное без счетного слова, кумулятивно с передачей квантификации ситуации может наделяться референциальным статусом (при поддержке лексического контекста):

(7) 一夜她做了一梦，梦见丈夫骑着一匹大白马。

Yī	yè	tā	
Целый	ночь	3SG.F	
zuò-le	yī	mèng,	
делать-PFV	один	сон	
mèng	jiàn	zhàngfū	
сон	видеть	муж	
qí-zhe	yī	pǐ	
ехать_верхом-	один	CLF	
DUR			
dà	bái	mǎ	
большой	белый	лошадь	

‘Всю ночь ей снился сон, как муж едет на белой лошади’

Именные компоненты рассматриваемых *лихэцы* допускают оформление счетным комплексом 一个 *yī gè* ‘один’, функционально сходным с неопределенным артиклем. Как отмечалось в учебнике автора Тань Аошуань (Тань 2002, 644), в современном китайском языке наблюдается устойчивое функционирование числительного 一 *yī* ‘один’ и счетного слова как показателя неопределенности. Получившие соответствующе оформление именные компоненты раздельно-слитных слов соотносятся с объектами или явлениями внеязыковой действительности, обретая неопределенный референциальный статус:

(8) 我经常做一个梦，在老家的阁楼看到一个白色的身影。

Wǒ	jīngcháng	zuò	yī
1SG	часто	делать-PFV	один

<i>gè</i>	<i>mèng</i>	<i>zài</i>	<i>lǎojiā</i>
CLF	сон	PRE	родной_дом
<i>de</i>	<i>gélóu</i>	<i>kàn-dào</i>	<i>yī</i>
ATTR	чердак	видеть-RES	один
<i>gè</i>	<i>báisè</i>	<i>de</i>	<i>shēnyǐng</i>
CLF	белый	ATTR	силуэт

‘Мне часто снится один и тот же сон, как на чердаке родного дома маячит какой-то белый силуэт’

(9) 所有王爷都看过，看过以后都得了一个小病。

<i>Suǒyǒu</i>	<i>wángyé dōu</i>	<i>kàn-guò,</i>	
Все	князь все	видеть-EXP	
<i>kàn-guò</i>	<i>yǐhòu dōu</i>	dé-le	
видеть-EXP	после все	получать-PFV	
<i>yī</i>	<i>gè</i>	<i>bìng</i>	
один	CLF	болезнь	

‘Князья видели это, а после все они чем-то заболели’

В корпусе современного китайского языка были обнаружены примеры вставки между компонентами *лихэцы* счетного слова 场 *cháng*, указывающего на целостный характер описываемой ситуации:

(10) 主子生了一场气。

<i>Zhǔzi</i>	<i>shēng-le</i>	<i>yī</i>	<i>chǎng qì</i>
Хозяин	источать-PFV	один	CLF гнев

‘Хозяин разозлился’

Случаи постановки квазисчетных слов иллюстрирует (11):

(11) 他的手臂上受了三处伤。

Tā de shǒubì-shàng shòu-le
3SG POSS рука-LOC подвергаться-PFV
sān chù shāng
три CLF рана

‘Он был ранен в руку в трех местах’

Допускается постановка именных групп с количественной семантикой, которые устанавливаются с именным компонентом атрибутивные отношения не только в формальном, но и в семантическом плане:

(12) 她吃了很多苦。

Tā chī-le hěnduō kǔ
3SG терпеть-PFV много горечь

‘Она многое пережила’

(13) 那么说你以前受过不少伤喽?

Nàme tā shuō nǐ yǐqián
Так говорить 2SG раньше
shòu-guò bu-shǎo shāng lóu?
получать-EXP NEG-мало рана MOD

‘Так значит, ты когда-то был сильно ранен?’ (букв.: ‘получил много ран’)

б) В корпусе были обнаружены примеры постановки вопросительных, указательных и неопределенных местоимений между компонентами раздельно-слитных слов с компонентно-мотивированной семантикой.

Указательная группа вида «указательное местоимение 这 *zhè*/ 那 *nà* + счетное слово 个 *gè*», как правило, функционирует как актуализатор определенной референции непосредственно именного компонента раздельно-слитного слова:

(14) 我们就是吃了这个亏。

Wǒmen jiùshì chī-le
1PL как_раз подвергаться-PFV
zhè ge kuī
DEM CLF убыток

‘Мы как раз понесли этот убыток’

(15) 只有研究, 怎样打好这个仗。

Zhǐyǒu yánjiū, zěnyàng
Только исследовать каким_образом
dǎ-hǎo zhè ge
устраивать-RES DEM CLF
zhàng
сражение

‘Нужно изучить, как успешно провести это сражение’

В корпусе также часто встречаются примеры со вставкой между компонентами раздельно-слитного бинома вопросительного местоимения 什么 *shénme* ‘что, какой’: в приведенных примерах (16-17) оно выступает актуализатором неопределенной референции именного компонента *лихэцы*, также устанавливая атрибутивные отношения непосредственно с ним:

(16) 我生什么病，他问了吗？

<i>Wǒ</i>	<i>shēng</i>	<i>shénme</i>
1PL	порождать	какой
<i>bìng,</i>	<i>tā</i>	<i>wèn-le</i>
болезнь	3SG.M	спрашивать-PFV
<i>ma?</i>		

Q

‘Он спросил, чем я болею?’

(17) 罗密欧好，你做了什么梦？

<i>Luómì'ōu</i>	<i>hǎo,</i>	<i>nǐ</i>
Ромео	хороший	2SG
<i>zuò-le</i>	<i>shénme</i>	<i>mèng?</i>
делать-PFV	какой	сон

‘Ромео, что тебе снилось?’

Встречаются и случаи, когда что *shénme* в препозиции к именному компоненту никак его не характеризует, выступая лишь формальным атрибутом. В примере (18) оно вносит модальный оттенок субъективного отношения говорящего:

(18) 你又愁那张支票吧？担什么心啊。

<i>Nǐ</i>	<i>yòu</i>	<i>chóu</i>
2SG	опять	беспокоиться
<i>nà</i>	<i>zhāng</i>	<i>zhīpiào</i>
DEM	CLF	чек
<i>ba?</i>	<i>Dān</i>	<i>shénme</i>
MOD	Брать_на_себя	какой
<i>xīn</i>	<i>a</i>	
чувство	MOD	

‘Ты опять переживаешь из-за того чека? Чего волноваться-то?’

В корпусе были также обнаружены примеры вставки местоимения 多少 *duōshǎo*

‘сколько’:

(19) 无论他们遇着什么事，吃了多少亏。。。’

<i>Wúlùn</i>	<i>tāmen</i>	<i>yù-zhe</i>
He_взирая_на	3PL	встречать-DUR
<i>shénme</i>	<i>shì,</i>	<i>chī-le</i>
какой	дело	подвергаться-PFV
<i>duōshǎo</i>	<i>kuī</i>	
сколько	убыток	

‘Неважно, с чем они столкнутся и сколько потерпят неудач...’

в) Дистантное положение компонентов раздельно-слитных слов с компонентно-мотивированной семантикой может создаваться за счет постановки в препозиции к именному компоненту именных групп, прилагательных и личных местоимений.

Вставки-прилагательные определенным образом характеризуют названный именным компонентом предмет, выступая атрибутом как в формальном, так и в семантическом плане:

(20) 对于晚熟的庄稼，你应该多浇水，施足肥。

<i>Duìyú</i>	<i>wǎnshú</i>	<i>de</i>
Относительно	позднеспелый	ATTR
<i>zhuāngjià,</i>	<i>nǐ</i>	<i>yīnggāi</i>
посевы,	2SG	следует
<i>duō</i>	<i>jiāo</i>	<i>shuǐ,</i>
много	поливать	вода,
<i>shì</i>	<i>zú</i>	<i>féi</i>
применять	достаточно	удобрение

‘Что касается позднеспелых культур, то тебе следует побольше их поливать и вносить достаточное количество удобрений’

(21) 两人受重伤，四人受轻伤。

Liǎng rén shòu zhòng

Два человек подвергаться тяжелый

shāng, sì rén shòu
травма, четыре человек подвергаться

qīng shāng
легкий травма

‘Два человека получили тяжелые травмы, четыре человека — легкие’

Вставка личных местоимений и именных групп синтаксически реализуется как определение к именному компоненту. Таким образом вводятся новые участники ситуации, заполняя семантические и/ или синтаксические валентности предиката. Несмотря на разнородность семантических ролей, техника ввода соответствующих лексических единиц одинакова: все эти слова синтаксически понижены до уровня атрибута именного компонента.

Помещение между компонентами *лихэцы* именных групп с темпоральной семантикой (участник с ролью Срок) иллюстрируют (22-23):

(22) 她生了三天的气。

<i>Tā</i>	<i>shēng-le</i>	<i>sān</i>
3SG.F	порождать-PFV	три
<i>tiān</i>	<i>de</i>	<i>qì</i>
день	ATTR	гнев

‘Она злилась три дня’

(23) 他们打了多年的仗。

<i>Tāmen</i>	<i>dǎ-le</i>	<i>duō</i>
3PL	вести-PFV	много
<i>nián</i>	<i>de</i>	<i>zhàng</i>
год	ATTR	сражение

‘Они вели многолетнюю войну’

Пример ввода участника с ролью Малеефактив иллюстрирует (24):

(24) 她不愿伤他的心。

<i>Tā</i>	<i>bù</i>	<i>yuàn</i>	<i>shāng</i>
3SG.F	NEG	желать	ранить
<i>tā</i>	<i>de</i>	<i>xīn</i>	
3SG.M	POSS	сердце	

‘Она не хотела разбить ему сердце’

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа корпусного материала было выявлено, что именной компонент *лихэцы* глагольно-именной модели с компонентно-мотивированной семантикой может быть оформлен в препозиции достаточно широким набором вставок. Допускается постановка прилагательных, существительных, именных групп, счетных слов, счетных комплексов, числительных и местоимений (личных, указательных, вопросительных, неопределенных), обладающих собственной спецификой функционирования в составе расчлененной конструкции.

При дистантном положении частей разделяемого бинорма и соответствующем оформлении (счетными комплексами, указательными группами, прилагательными, местоимениями) именные компоненты большинства рассмотренных раздельно-слитных слов могут обрести референциальный статус. В этом случае формальное расчленение влечет за собой разрыв семантической целостности комплекса и вставка устанавливает атрибутивные отношения с именем не только в формальном, но и в семантическом плане.

В ходе исследования была выявлена возможность функционирования именных компонентов *лихэцы* рассматриваемой группы в качестве квантификаторов действия при соответствующем оформлении числительным без счетного слова.

К синтагматическим особенностям раздельно-слитных биномов с компонентно-мотивированной семантикой также относится возможность включения в их состав компонентов, называющих участников ситуации с различными семантическими ролями.

Таким образом, данное исследование позволило описать наиболее характерные черты функционирования *лихэцы* с компонентно-мотивированной семантикой при взаимодействии с широким набором вставок в препозиции к именному компоненту.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ATTR — атрибутивизатор;
 CLF — счетное слово, классификатор;
 COM — комитатив;
 DEM — демонстратив;
 DIR — директив;
 DUR — дуратив;
 EXP — экспериентив;
 F — женский род;
 M — мужской род;
 MOD — модальная частица;
 LOC — локатив;
 NEG — отрицание;
 PFV — перфектив;
 PL — множественное число;
 POSS — посессив;
 PREP — предлог;
 RES — результативные модификаторы;
 SG — единственное число.

Список литературы

1. Лу Чживэй. (陆志伟) Словообразование китайского языка. (汉语的构词法) Пекин: Наука, 1957. (на кит.яз.)
2. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). Москва: Языки славянской культуры, 2002.
3. Исаенко Б.С. Опыт китайско-русского фонетического словаря. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.
4. Маматюк Ю.Д. Глагольно-именные комплексы в китайском языке (к проблеме уровневого разграничения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: ИВ РАН, 1986.
5. Панфилов В.С. Слово в китайском языке (прототипический подход). Вопросы языкознания. 2008; №2. С. 57-64.
6. Семенас А. Л. Лексикология современного китайского языка. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.
7. Люй Шусян. Вопрос о слове в китайском языке. Вопросы языкознания. 1959; №5. С. 12-20.
8. Чжоу Шанчжи. (周上之) Исследование раздельно-слитных слов *лихэцы* в китайском языке: особенности морфем, слов, словосочетаний. (汉语离合词研究 - 汉语语素, 词, 短语的特殊性) Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2006. (на кит.яз.)
9. Ван Хайфэн. (王海峰) Функциональное исследование раздельно-слитных единиц *лихэцы* в современном китайском языке: Дис. ... PhD. (现代汉语离合词离析形式功能研究: 博士研究生学位论文) Пекин: Пекинский университет языка и культуры, 2008. (на кит.яз.)

10. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Beijing: Commercial Press, 2011.
11. Li Ch., Thompson S. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press, 1981.
12. Packard J.L. The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach. Cambridge: Cambridge University press, 2004.
10. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Beijing: Commercial Press, 2011.
11. 11. Li Ch., Thompson S. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press, 1981.
12. Jerome L. Packard. The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach. Cambridge: Cambridge University press, 2004.

References

1. Lu Zhiwei. Word formation in Chinese. Beijing: Kexue chubanshe, 1957. (In Chinese)
2. Tan Aoshuan. Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of isolating language system (by example of the Chinese language). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. (In Russ.)
3. Isaenko B.S. Attempt of a Sino-Russian phonetic dictionary. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1957. (In Russ.)
4. Mamatyuk Yu. D. Verb-nominal complexes in Chinese (on the problem of level differentiation), Ph.D. Thesis. Moscow, 1986. (In Russ.)
5. Panfilov V.S. Word in Chinese (prototypical approach). Voprosy yazykoznaniiya, 2008; no 2, pp. 57–64. (In Russ.)
6. Semenas A.L. Lexicology of modern Chinese. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1992. (In Russ.)
7. Lü Shuxiang. The problem of the word in Chinese. Voprosy yazykoznaniiya, 1959; no 5, pp. 12–20. (In Russ.)
8. Zhou Shangzhi. The study on Chinese Separable Words — the particularity of Chinese morphemes, words and phrases. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2006. (In Chinese)
9. Wang Haifeng. The study of the form and function of separable words in modern Chinese, Ph. D. Thesis. Beijing, 2008. (In Chinese)

Сведения об авторе

Кисель Полина Олеговна,

Ассистент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11

Россия

14polink@mail.ru

Information about the author

Kisel Polina Olegovna,

Assistant

Department for Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa

St. Petersburg State University

199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., Build. 11

Russia

14polink@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Strategies of politeness in computer-mediated communications in public chats WECHAT

Стратегии вежливости в компьютерно-опосредованной связи в публичных чатах WECHAT

Глушкова Светлана Юрьевна¹

Аликберова Альфия Рафисовна

¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

svetaelina@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

Svetlana Y. Glushkova¹

Alfiya R. Alikberova

¹Kazan Federal University, Kazan, Russia

svetaelina@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

УДК 81.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-38-45](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-38-45)

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании описывается теория лица Браун и Левинсона, и основываясь на ней определяются стратегии вежливости, которые используются в групповых китайских чатах. Рассмотрев интернет-чаты, выявлены наиболее используемые позитивные и негативные стратегии вежливости. Язык, используемый в чат-коммуникации, отличается от взаимодействия лицом к лицу, в котором используются как лингвистические, так и паралингвистические сигналы. В процессе чат-коммуникации собеседникам следует придерживаться определенным набором основных правил, благодаря которым можно определить особенности онлайн-общения, позволяющие обеспечить общую вежливость в ходе коммуникации. Цель данного исследования заключается в том, чтобы рассмотреть различные стратегии вежливости в популярных публичных китайских чат-группах Wechat в целях

ABSTRACT

This study describes the theory of Brown and Levinson's faces, and based on it, defines politeness strategies that are used in-group Chinese chat rooms. Having reviewed the Internet chat groups, we have identified the most used positive and negative politeness strategies. The language used in chat communications is different from face-to-face interaction, which uses both linguistic and paralinguistic signals. In chat communications, the interviewees should use a set of basic rules that indicate what should or should not be done in online communication to ensure common politeness. The goal is to explore politeness strategies in popular Chinese public chat groups Wechat, to shed light on the feature of politeness in the context of short chat messages compared to personal communication within the framework of the theory of Brown and Levinson's faces. Our research focuses on the pragmatic aspects of interaction.

освещения вопроса особенности вежливости в контексте коротких чат-сообщений в сопоставлении с личным общением в рамках теории лица Брауна и Левинсона. Исследование сосредоточено на прагматических аспектах взаимодействия.

Ключевые слова: китайский язык, категория вежливости, групповой чат, коммуникация, теория лица.

Для цитирования: Глушкова С.Ю., Аликберова А.Р. Стратегии вежливости в компьютерно-опосредованной связи в китайских публичных чатах Wechat. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-38-45>

Компьютерно-опосредованная связь — это коммуникация между людьми, которая происходит при помощи передачи сообщений через сетевые компьютеры, включая электронную почту интернет-чат, системы электронных досок объявлений, видеоконференцсвязь и т. д.

Язык, используемый в чат-коммуникации, отличается от взаимодействия лицом к лицу, в котором используются как лингвистические, так и паралингвистические сигналы. Учеными было проведено большое количество различных исследований, которые были сосредоточены на изучении и анализе всевозможных аспектов чат-сообщений. Работы, которые делают акцент на прагматической стороне чат-сообщений, являются достаточно новым явлением, представляющим собой академический отход от излишнего внимания, направленного на влияние компьютерной среды на общение,

Keywords: Chinese, category of politeness, sinology, group chat, communication, face theory

For citation: Glushkova S.Yu., Alikberova A.R. Strategies of politeness in computer-mediated communications in Chinese public chats WeChat. // *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(3). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-38-45>

и позволяющим сфокусироваться на пользовательском разнообразии в этой области (Lorenzo -Dus, Blitvich, Bou-Franch, 2011).

В процессе чат-коммуникации собеседникам следует придерживаться определенным набором основных правил, благодаря которым можно определить особенности онлайн-общения, позволяющие обеспечить общую вежливость в ходе коммуникации. Цель данного исследования заключается в том, чтобы рассмотреть различные стратегии вежливости в популярных публичных китайских чат-группах Wechat в целях освещения вопроса особенности вежливости в контексте коротких чат-сообщений в сопоставлении с личным общением в рамках теории лица Брауна и Левинсона (Brown, & Levinson 1987).

Когда речь заходит о вежливости, необходимо отметить ее непосредственную связь с относящимся к эмоциональному и социальному смыслу лицом, который, в свою очередь, нужно признать другому. Именно это «лицо» занимает центральное место в осуществлении дискурсов собеседниками, оно также осуществляет межличностную функцию отведения или снижения социальных конфликтов через защиту своего лица.

ТЕОРИЯ «ЛИЦА» БРАУНА И ЛЕВИНСОНА

Из различных теорий и подходов к вежливости во взаимодействии теория лица Брауна и Левинсона по праву считается наиболее влиятельной и широко применимой теорией на практике. К данному исследованию будет применяться именно структура, разработанная Брауном и Левинсоном. В основе их концепции лица находится определение, которое было разработано Гоффманом. Данное определение представляет собой общедоступную суть интерактива. С позитивной составляющей социальной ценности можно рассматривать как само понятие лица, так и случаи его потери или сохранения, при этом данной социальной ценности можно добиться в процессе определенной социальной связи (Farall 2012). Браун и Левинсон (Brown, Levinson 1987) пошли дальше, предложив, чтобы у каждого рационального члена общества было свое лицо, которое можно разделить на негативное и позитивное лицо. Они заявляли, что потребность человека поддерживать лицо друг друга наиболее ярко подчеркивается именно тогда, когда люди находятся в угрожающем лице акте, то есть,

в речевом акте, который изначально представляет угрозу желанию слушателя или говорящего. Говорящие будут принимать попытки уменьшить угрозу с целью сохранения лица как своего, так и своего оппонента. Применение стратегий негативной или позитивной вежливости является одним из способов минимизировать угрозу.

Браун и Левинсон тем самым представили модель стратегий вежливости, которая состоит из позитивной и негативной вежливости. Положительное желание слушателя согласовывается со стратегией позитивной вежливости, в то время как стратегия негативной вежливости совпадает с отрицательным желанием слушателя.

Ниже мы приведем несколько примеров использования стратегий позитивной и негативной вежливости в чат общении.

1. СТРАТЕГИИ ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

1.1. *Использование внутригрупповых идентификационных маркеров солидарности*

Позитивное желание лица тесно связано с солидарностью, вовлеченностью и близостью с другими (Scollon, Scollon 1983), что выражается в использовании внутригрупповых терминов, таких как псевдонимы (например, Джейк), слова нежного обращения (например, «дорогая») или слова благодарности (т.е. «спасибо»). В чат общении собеседники в большинстве своем незнакомцы, и эти внутригрупповые термины заставляют их чувствовать, что они принадлежат к одной группе, и, таким образом, способствуют повышению социальной близости и солидарности между собеседниками и улучшению

позитивных межличностных отношений и атмосферы.

Например:

A: 有中秋节生日的小伙伴吗? 求认识呢, 我是九八年的 (Есть ли «маленькие друзья» с их днями рождения в день Праздника середины осени? Можем ли мы узнать друг друга? Я родился в 1998 году.)

B: 咱俩同一天呢?

(H: Мы оба родились в один день?)

Пример 1 взят из группы общения друзей, где большинство участников родились в 90-х годах и сейчас еще молоды. Говорящий хотел бы познакомиться с другими членами группы, используя маркер их возрастной идентичности 小伙伴 «xiǎohuǒbàn», которая часто используется в Интернете среди подростков или молодежи для дружелюбия и солидарности («xiǎo» в переводе с китайского означает «маленький, молодой» и «Huǒbàn» — это неопределенный адресный термин для «друга»). Затем слушатель ответил вопросом «zánliǎng» (мы двое), адресностью, включающей в себя как говорящего, так и слушателя, предполагая, что их социальная дистанция была сокращена, а позитивная потребность слушателя была учтена.

1.2. Compliment

В соответствии с Теорией речевого акта Остина (Остин 1962), комплимент появляется в классификации, как средство выражения сочувствия. Compliments обычно предназначены для того, чтобы другие чувствовали себя

хорошо, и выполняются для поддержания хороших межличностных отношений.

Например :

A: 上半年的时候辞了工作, 开始一场说走就走的旅行。穷不是一种状态, 而是一种心态 (Я ушел в отставку в первой половине года и отправился в поездку по прихоти.

Бедность — это не состояние жизни, а состояние ума).

B: 你现在做什么工作了哥们儿? 很欣赏你

(Чем ты сейчас занимаешься, приятель? Я действительно восхищаюсь тобой.)

В приведенном выше примере докладчик упомянул о своем уходе с работы и завершил поездку, к которой стремился. Затем слушатель проявил интерес к его жизни и спросил о его нынешней работе. Высоко оценивая решимость и смелость говорящего, слушатель сократил социальную дистанцию между ними и смягчил угрозу для говорящего, когда он спросил о его нынешней работе (этот вопрос считается нарушением конфиденциальности).

2. СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

2.1. Быть условно косвенным

Понятия косвенности и вежливости играют решающую роль в переговорах во время реализации речевых актов, таких как запросы. Согласно Брауну и Левинсону (Brown, Levinson 1987) и Личу (Leech 1983), более высокий уровень косвенности может привести к более высокому уровню вежливости. А Блум-Кулька (Blum-Kulka 1989). утверждал, что косвенность

состоит из двух типов: условная косвенность, которая концентрируется на условностях языка, включая пропозициональное содержание (буквальное значение), и прагмалингвистическая форма, используемая для обозначения иллюкутивной силы, и нетрадиционная косвенность, которая в большинстве случаев зависит от контекста и имеет тенденцию быть «открытым» как с точки зрения пропозиционального содержания, так и языковой формы, а также прагматической силы» (Brown, Levinson 1987, 42).

S:各位好心人，能救救我的父亲吗？

H:加油，你爸爸一定会好起来的

S:谢谢！希望可以帮忙转发扩散下，谢谢了！

(S: Люди добрые, не могли бы вы помочь мне с болезнью моего отца?)

(H: Не унывай! Твой отец наверняка поправится.)

(S: Спасибо. Надеюсь, вы могли бы передать и распространить это сообщение. Спасибо.)

В приведенном выше примере говорящий пытался получить помощь и пожертвование от незнакомцев (hǎoxīnrén: добросердечные люди) в групповом чате по поводу тяжелой болезни своего отца, говорящий задавал вопрос с помощью традиционного китайского лингвистического оборота (néng... ma? , néng касается способности слушателя, а «та» - это китайская модальная частица, демонстрирующая неопределенность и вопрос). Традиционно вежливая

лингвистическая форма уменьшает наложение запроса на негативное лицо слушателя.

2.2. Минимизировать навязывание

Браун и Левинсон определили степень навязывания как «определенный в культурном и ситуационном отношении рейтинг по степени, в которой они, как считается, препятствуют стремлению агента к самоопределению или одобрению (отрицательные и положительные потребности лица)» (Blum-Kulka 1989, 77). Холгравец и Янг (Holtgraves, Yang 1992). продемонстрировали четкую и позитивную связь между степенью навязывания и общей вежливостью используемого языка.

Слушатель описывает свою жизнь как иностранного студента в Южной Корее, публикуя много пока еще перевернутых фотографий:

K: 直播吗？话说把照片放正了看可以嘛？

H: 哦哦，算是直播。我下次注意哈

(K: Прямая трансляция? Я говорю, поставьте картинки правильно, пожалуйста?)

(H: Да, да, это что-то вроде прямой трансляции. В следующий раз я буду более осторожен.)

В примере 7 говорящий был немного раздражен, просматривая все перевернутые изображения, представленные слушателем, и, таким образом, просил слушателя загрузить правильные изображения, используя хеджирование (huàshuō: я говорю) и вопрос (китайская модальная частица «та», чтобы сформировать

вопрос). Говорящий далее уменьшил негативную угрозу для слушателя. Он принял запрос и пообещал избежать этого в следующий раз.

Мы привели только несколько примеров, но в результате нам удалось выделить следующие стратегии в чат-общении. Избежание оскорблений лица собеседника через поощрения близости, солидарности и сплоченности свойственны стратегии позитивной вежливости. Поскольку чат-общение в основном подразумевает физическую изолированность и визуальную анонимность собеседников, стратегии позитивной вежливости принимаются довольно часто с целью удовлетворения двух сторон коммуникации — говорящего и слушателя, что приводит к созданию довольно общительной среды. К основным стратегиям позитивной вежливости в китайских общедоступных чат-группах можно отнести маркеры идентичности в группе, солидарности, отстаивание общей позиции, которая включает позиции как говорящего, так и слушателя в своей деятельности, а также всевозможное уклонение от разногласий и избегание комплиментов.

Стратегии негативной вежливости, в свою очередь, направлены на негативное лицо слушателя и акцентируют внимание на необходимости избегать навязывания слушателю мнение говорящего. Условная косвенность, минимизация навязывания, проявление почтения, пессимизм, а также утверждение общего правила являются основными негативными вежливыми стратегиями в китайских общедоступных чат-группах.

В современном Китае Интернет-чат представляет собой общеизвестный синхронный режим связи «многие ко многим». Данное исследование для изучения и анализа различных стратегий вежливости, которые применяются общедоступных китайских чат-группах Wechat, ставит в основу теорию лица Брауна и Левинсона. В число стратегий вежливости входят стратегия позитивной и негативной вежливости, а также официальная и неофициальная стратегия. Данная работа позволяет глубже понять и изучить возможности формирования и поддержания вежливости и межличностной коммуникации в контексте анонимности и публичности не западного языка и культуры. В то время как приведенное исследование представляет собой лишь качественное исследование типичных стратегий вежливости в китайском общении, необходимо отметить, что более эмпирические исследования по разворачиванию этих стратегий будут содействовать дальнейшему изучению вежливости в процессе коммуникации с применением коротких чат сообщений.

Список литературы

1. Journal of Pragmatics. 2011. № 43, P. 2578-2593.
<http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2011.03.005> accessed:
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987
3. Blum-Kulka S. Playing it Safe: The Role of Conventionality in Indirectness. Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies.

Norwood: Ablex Publishing, 1989. P. 73-70

4. Farall K. Online Collectivism, Individualism, and Anonymity in East Asia. *Cyber-Surveillance in Everyday Life*. 2012. № 9, P. 424-440
5. Scollon R., Scollon S.B.K. (1983). *Face in Interethnic Communication. Language and Communication*. London: Longman, 1983. P. 156-188
6. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983.
7. Holtgraves T., Yang J. Interpersonal Underpinnings of Request Strategies: General Principles and Differences Due to Culture and Gender. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. № 62, P. 246-256. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.62.2.246> accessed:
8. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. NY: Anchor Books, 1967.
9. Gu Y. Politeness, Pragmatics and Culture. *Foreign Language Teaching and Research*. 1992. № 4(2). P???
10. Lakoff R. *The Logic of Politeness, or Minding Your P's and Q's*. Chicago Linguistics Society. 1973. №9, P. 292-305.
11. Tanskanen S. *Discourse in Cyberspace: Studying Computer-mediated Communication*. *Anglicana Turkuensia*. 1998. №16, P. 143-156.
12. Taleghani-Nikazm C. Politeness in Computer-Mediated Communication. *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. 2013.

References

1. *Journal of Pragmatics*. 2011. № 43, P. 2578-2593. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2011.03.005> accessed:
2. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987
3. Blum-Kulka S. *Playing it Safe: The Role of Conventionality in Indirectness. Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood: Ablex Publishing, 1989. P. 73-70
4. Farall K. Online Collectivism, Individualism, and Anonymity in East Asia. *Cyber-Surveillance in Everyday Life*. 2012. № 9, P. 424-440
5. Scollon R., Scollon S.B.K. (1983). *Face in Interethnic Communication. Language and Communication*. London: Longman, 1983. P. 156-188
6. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983.
7. Holtgraves T., Yang J. Interpersonal Underpinnings of Request Strategies: General Principles and Differences Due to Culture and Gender. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. № 62, P. 246-256. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.62.2.246> accessed:
8. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. NY: Anchor Books, 1967.
9. Gu Y. Politeness, Pragmatics and Culture.

- Foreign Language Teaching and Research.
1992. № 4(2). P???
10. Lakoff R. The Logic of Politeness, or Minding Your P's and Q's. Chicago Linguistics Society. 1973. №9, P. 292-305.
11. Tanskanen S. Discourse in Cyberspace: Studying Computer-mediated Communication. Anglica Turkuensia. 1998. №16, P. 143-156.
12. Taleghani-Nikazm C. Politeness in Computer-Mediated Communication. The Encyclopedia of Applied Linguistics. 2013.

Информация об авторе

Глушкова Светлана Юрьевна,

канд. филол. наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420015 Россия, Казань, Пушкина 1/55

svetaelina@gmail.com

Аликберова Альфия Рафисовна

канд. филол. наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420015 Россия, Казань, Пушкина 1/55

alfiakasimova@gmail.com

Information about the Author

Svetlana Y. Glushkova

Candidate of Philological Science, Associate Professor

Kazan (Volga region) Federal University

420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia

svetaelina@gmail.com

Alfiya R. Alikberova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Kazan (Volga region) Federal University

420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia

alfiakasimova@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.09.2022*

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

The role of Yang Zhu and his ideas in the system of the Chinese philosophy

Роль Ян Чжу и его идей в системе китайской философии

*Дашкин Геннадий Игоревич, Иванова
Татьяна Генриховна¹*

*¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия,*

*Автор ответственный за переписку: Дашкин
Геннадий Игоревич dashkin.gennadii@rambler.ru*

Gennadii I. Dashkin, Tatyana G. Ivanova ¹

*¹ Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

*Corresponding author: Dashkin Gennadii Igorevich
dashkin.gennadii@rambler.ru*

УДК 179 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-46-53](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-46-53)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена идеям мыслителя Древнего Китая Ян Чжу и его месту в философской традиции Китая. Несмотря на то, что его относят к представителям раннего даосизма, изречения Ян Чжу о человеческой жизни, природе и ценностях выглядят достаточно обособленно и уникально, во многом за счет синтеза основных даосских постулатов с понятиями гедонизма и эгоизма. Кроме того рассматривается восприятие основных ценностей, которыми должен обладать каждый человек в материальном мире. Несмотря на то, что отношение со стороны конфуцианцев и даже некоторых представителей даосизма к Ян Чжу было достаточно неоднозначным, его идеи нашли поддержку среди населения

ABSTRACT

The article is devoted to the ideas of the ancient Chinese thinker Yang Zhu and his place in the philosophical tradition of China. Despite the fact that he is attributed to the representatives of early Taoism, Yang Zhu's sayings about human life, nature and values look quite separate and unique, largely due to the synthesis of the main Taoist postulates with the concepts of hedonism and selfishness. In addition, the perception of the basic values of that every person in the material world should have is considered. Despite the fact that the attitude of Confucians and even some representatives of Taoism towards Yang Zhu was rather ambiguous, his ideas found support among the population of ancient China, largely due to the rejection of the hierarchical system and sayings that human life is

Древнего Китая во многом за счет отрицания иерархической системы и изречений о том, что человеческая жизнь уже предопределена. Человек не владеет ничем в этой жизни, так как не он определяет, когда ему родиться или умереть. Поэтому, прежде всего каждый в Поднебесной, по мнению Ян Чжу, должен сосредоточить свою жизнь на поддержание жизни в своем теле за счет путем наслаждений и удовольствий.

Ключевые слова: Древний Китай, философия, даосизм, янгизм, гедонизм, этический эгоизм, Ян Чжу.

Для цитирования: Дашкин Г.И., Иванова Т.Г. Роль Ян Чжу и его идей в системе китайской философии. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-46-53>

Личность Ян Чжу, как и его творчество до сих пор не находят единой интерпретации среди ученых. Во многом проблема заключается в отсутствии достаточного количестве данных, кроме того многие исследователи древнего Китая так и не могут отнести его творчество к какому-либо конкретному направлению. Но практически все сходятся во мнении, что Ян Чжу следует относить к ранним даоссам. Это определяется за счет того что, многие тезисы и понятия, которые у него встречаются, в той или иной степени пересекаются с понятиями недеяния, морали и истинного пути. Кроме того, про Ян Чжу упоминают многие известные философы и мыслители древнего Китая оценки которых разнятся, но главным остается тот фактор,

already predetermined. A person does not own anything in this life, since he does not determine when he will be born or die. Therefore, first of all, everyone in the Chinese Empire, according to Yang Zhu, should focus his life on maintaining life in his body through pleasures and enjoyments.

Keywords: Ancient China, philosophy, Taoism, yangism, hedonism, ethical egoism, Yang Zhu

For citation: Dashkin G.I., Ivanova T.G. The role of Yang Zhu and his ideas in the system of the Chinese philosophy. // *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (3). P. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-46-53>

что он оставил существенное наследие и определенное влияние на разные слои общества Китая тех времен.

Несмотря на то, что Ян Чжу, как и его прямые последователи и ученики не оставили самостоятельных произведений, именно в трактате «Ле-цзы» можно найти седьмую главу, которая разительно отличается от всего остального содержания, прежде всего своими идеями.

На основании того, что сохранилось с тех времен, следует отметить уникальное отношение Ян Чжу к человеческой жизни и земным наслаждениям. Именно жизнь человека и ее мораль, а также поиск истинно-правильного пути и отличает китайского философа от других

представителей даосской школы. Некоторые исследователи даже вывели для Ян Чжу свое философское направление, которое назвали «янизмом», что представляет из себя несколько видоизмененную форму даосизма с упором в гедонизм и эгоизм (Рыков 2019, 1). Более того, периодически творчество Ян Чжу сравнивают с творениями Аристиппа и Гегесия, которых относят к киренаикам, ставившими наслаждения в жизни превыше всего остального. Во многом это связано с тем, что китайский философ ставил жизнь конкретного человека превыше идей и ценностей народа и государства. Именно в отдыхе и созерцании земных благ состояла истинно-правильная жизнь. Согласно Ян Чжу, существует четыре основные причины, которые не дают человеку спокойно отдохнуть: «Первая — желание долголетия; вторая — жажда славы; третья — стремление получить чиновничью должность; четвертая — жажда богатства» (Ян Хин-Шун, 1973, 222). Именно это, по мнению Ян Чжу заставляет людей испытывать страх за свою жизнь и опасения не только перед материальными угрозами в виде других людей и обстоятельств, но и в качестве духов и демонов из потустороннего мира, которые искушают и разрушают духовную составляющую человеческого естества. Человек спасается от своей истинной природы путем накопления материальных ценностей и достижение целей, которые изначально не присущи ему. Таинство рождения и смерти — это то, что никогда не зависело от человека и не будет, так как не ему решать, когда появиться на свет, а когда окончить свои дни. И все то, что окружает его, вне зависимости от ценности и статуса,

является всего лишь незначительными деталями, которые не принесут спасения души и тела.

Ян Чжу отмечает, что именно тело — это главная составляющая всей жизни. Все остальное — лишь средство для поддержания жизненных сил и поддержки организма на пути к неизменному окончанию жизненного пути. Но человек не является владельцем своего тела, так же как он и не владеет всеми внешними вещами. Сохраняя себя и свое состояние в целостности, люди лишь способны поддерживать в себе жизнь. А когда люди начинают считать, что их собственное тело, равно как и все, чего они добились и что их окружает принадлежит только им, то это уже называется присваиванием и идет в противоречие с основополагающими постулатами жизни и смерти. Именно поэтому Ян Чжу и называет совершенномудрым человеком того, кто может: «Делить тела Поднебесной, со всеми; делить вещи Поднебесной со всеми» (Ян Хин-Шун, 1973, 222). Это и подводит к одному из основных понятий китайского философа, которое звучит, как «совершенство совершенства». Его суть в том, что человек должен осознать и принять тот факт, что в этой жизни он не распоряжается ни внутренним, ни внешним. А раз он равен со всеми, то все то, что он имеет, он должен разделить с другими абсолютно все, чем он владеет, дабы достигнуть состояния совершенномудрого и прожить до конца своих дней жизнью, которая будет сопряжена лишь с достижением удовольствий и наслаждения.

Достаточно большое значение в философской концепции Ян Чжу занимает и такое

понятие, как следование своей собственной судьбе и природе. Ведь когда человек рождается, то он не сразу начинает идти на поводу пороков. Стремление к долголетию, жажде славы и высоких должностей, алчности — все это, по мнению Ян Чжу, вступает в противоречие с истинной человеческой природой и заставляет человека пытаться изменить свою собственную судьбу.

И все же, китайский философ не говорит о том, что необходимо стать аскетом и уйти в паломничество. Напротив, Ян Чжу выделяет четыре основных фактора, которые человек может иметь в своей жизни. Это — богатый дом, изящные одежды, изысканные яства и прекрасные женщины. Достаточно интересным является тот факт, что использованные прилагательные относятся к степенным. Получается, что человек не может просто иметь обычный дом в своей жизни, ему нужно иметь именно богатый дом или изящные одежды. Однако, несмотря на странность подобного изречения, Ян Чжу отмечает, что: «Обладать этими вещами и домогаться от внешнего мира значит иметь ненасытный характер» (Ян Хин-Шун, 1973, 224). Это говорит о том, что самыми главными вещами в жизни должны быть те, которые приносят наслаждение самому человеку, а не кому-то другому. Только то, что будет поддерживать его тело во здравии и покое, а также позволит следовать собственной природе и судьбе. Здесь ярко проявляются черты, которые присущи гедонизму, то есть стремлению к наслаждениям в жизни. Человека не должно заботить то, что происходит в мире и его государстве. Прежде всего он должен жить для себя и своего тела, поддержи-

вая в нем жизнь, через такие удовольствия, как изысканная еда, изящные одежды, прекрасные женщины и богатый дом. Все это будет позволять человеку поддерживать свое тело в здравии вплоть до самого конца и, что тоже является немаловажным аспектом, быть свободным в своих мыслях, суждениях и действиях. Именно это и является одной из важных идей в философии Ян Чжу, которую критиковали представители других китайских философских школ.

При этом, очень важно будет не забывать о том, что гедонизм у Ян Чжу не выходит в крайнюю степень наслаждения, которая будет выражаться в нанесении себе телесных или иных повреждений. Потому что сам факт нанесения себе повреждений прямо противоречит основной идее философии жизни китайского философа. Тело священно и даже одним волосом нельзя жертвовать ради благих целей. Напротив, Ян Чжу говорит о том, что следует через наслаждения укреплять свое тело и поддерживать его в хорошем состоянии вплоть до самой смерти. Поэтому данная идея и будет расходиться, например, с тем же Гегесием, который считал, что нужно наслаждаться даже своими страданиями и находить в них удовольствие.

Когда человек пытается следовать воле государя, быть справедливым лишь для того, чтобы принести пользу другим людям, то это может приносить пользу народу и государству, но на жизнь одного человека будет оказывать самые разрушительные последствия. Потому что человек будет ставить желания других превыше своих собственных, а впоследствии может оказаться, что всю свою жизнь он

существовал лишь для других, но не для себя. А это лишь будет являться лишним показателем того, что человек пошел против своей природы и пытался бороться с судьбой, в надежде на то, что он встретит достойную старость и примет свою смерть. Однако смерть не будет рассуждать о достоинстве человека, она просто приходит и забирает тех, чье время уже пришло. Так почему же человек обязан жить для кого-то другого, но не для себя? Именно таким вопросом и задается Ян Чжу, который отмечает: «То, что делает все вещи разными, — это жизнь; то, что делает их одинаковыми, — это смерть...» (Ян Хин-Шун, 1973, 215). Таким образом, это лишний раз подтверждает, что как мы люди не пытались на протяжении всей своей жизни отличаться друг от друга, на смертном одре они все равно вновь будут равны.

Однако подобные мысли Ян Чжу не находили положительного отклика у конфуцианцев. Тот же Мэн-цзы говорил о том, что слова Ян Чжу являются достаточно популярными на территории Китая среди самых широких слоев населения. По мнению Мэн-цзы, философы, подобные Ян Чжу не дают развиваться конфуцианству и формируют у людей эгоистическую позицию, которая расходится с теорией о гуманности и долге перед государством и императором. Однако критика в адрес Ян Чжу следовала не только со стороны конфуцианцев, но и некоторых даосов, как например Чжуан-цзы, который вообще требовал «зажать рот Ян Чжу» (Чжуан-цзы 2016, 75). Но все это говорит о том, что в Древнем Китае, идеи Ян Чжу находили свой отклик среди населения, несмотря на некую эгоистичность и гедонизм, что, разу-

меется, возмущало, как представителей гуманистического конфуцианства, так и среди аскетично-возвышенных даосов. Однако, те или иные отсылки к мыслям и изречениям Ян Чжу, все равно можно найти в различных трактатах Древнего Китая, как, например, Дао-дэ цзин, Чжуан-цзы, Люй-ши Чунцю. Любопытным фактом можно назвать то, что имя Ян Чжу там опускается или видоизменяется, однако идеи о ценности собственного тела и жизни, которая превыше всего, безусловно, нашли свое отражение в данных философских канонах.

Стоит также уделить внимание такому понятию, как разумный или этический эгоизм Ян Чжу, о котором снова упоминает тот же Мэн-цзы: «Каждый сам за себя. Даже если бы он мог осчастливить мир, выдернув один единственный волосок, он бы не сделал этого» (Фэн Ю-лань 1998, 82). В данной ситуации речь идет об одном из ключевых понятий философии жизни у Ян Чжу, а именно о том, что не все то, чем ты готов пожертвовать, будет иметь значимость для другого человека или государства. Можно даже говорить о том, что китайский философ рационально относится к трате собственных внешних и внутренних ресурсах. Он осознает тот факт, что высокопарные слова и выражения, которые могут использоваться конфуцианцами, не несут практической значимости, как таковой и являются лишь словами. Говоря о том, что он отказывается пожертвовать своим волоском ради спасения Поднебесной, Ян Чжу лишь показал, что не видит в этом смысла, так как это не изменит порядка вещей. И даже когда Цинь-цзы, уточнил, что даже если бы это была гипотетическая необходимость, то

китайский философ лишь промолчал. Однако, Ян Чжу все равно дает объяснение подобному проявлению эгоизма своих суждений, говоря: «Если каждый откажется выдернуть даже один волосок, и каждый откажется взять Поднебесную, как награду, в Поднебесной будет идеальный порядок» (Фэн Ю-лань, 1988, 82). Возможно, это означает, что людям нет нужды стремиться к самопожертвованию и стремлению к большему. Вместо этого стоит просто сконцентрировать свою жизнь на получении наслаждений и удовольствий от жизни, которая однажды закончится. В противовес конфуцианским понятиям 礼 (ритуал), 仁 (гуманность), 义 (справедливость); Ян Чжу и его ученики ставили превыше всего принцип 为我, что можно интерпретировать как «все для себя». И это лишний раз подтверждает, что одним из ключевых понятий в философии Ян Чжу является сам человек и его собственное тело, а не иные устремления и нужды. Стоит отметить еще такой важный аспект, что часто имя Ян Чжу упоминается в древних трактатах рядом с именем Мо-цзы, что нашло свое отражение у Чжуан-цзы и Мэн-цзы. Подобная ситуация может навести на мысли о том, что учения янгистов и моистов похожи, однако стоит понимать, что Ян Чжу прежде всего концентрирует внимания и усилия человека на себе самом, на собственной личности, в то время, как у Мо-цзы говорится об альтруизме и идее всеобщей любви каждого к каждому, а также беспристрастной заботе и уважению, что было чуждым Ян Чжу с его стремлением к эгоистическому концепту.

На основании всего выше сказанного следует отметить, что тезисы, которые выдвигал

Ян Чжу произвели колоссальные потрясения и диссонанс для многих сторонников философских школ Китая по нескольким причинам. Несмотря на отсутствие достаточного количества источниковых данных по многим вопросам стоит отметить, что своей идеей о ценности человеческой жизни, которая во многом превосходит чувство долга и самопожертвования, китайский мыслитель видоизменял естественный взгляд на мир, переворачивая его, что для Китая того времени было невообразимо, особенно для тех же конфуцианцев. Обозначив выше основные концепции Ян Чжу отметим, что природная составляющая человека, ценность и наслаждение жизнью являются главными идеями философа. Однако в основных идеях Ян Чжу прослеживается ряд существенных противоречий. К примеру, для того чтобы человек действительно наслаждался жизнью ему необходимы, как изысканная еда, так и богатый дом. В то же время каждый человек должен довольствоваться тем, что имеет и не быть алчным, ведь жадность и корыстолюбие только погубит тело человека. Однако, что делать нищим у которых совершенно ничего нет? У них нет излишек, и они не смогут поделиться пищей или чем-то иным. В том случае, если постоянно выпрашивать излишки у богатых, не довольствуясь тем, что есть, будет ли это приемлемо, согласно Ян Чжу?

В то время как жизненная ценность, с усиленной ролью эгоизма превосходит чувство долга стоит задуматься и о защите государства. Данный вопрос китайский мыслитель не рассматривал, но если жизнь каждого представляет ценность, то как противостоять внешним

врагам? Своими идеями Ян Чжу хотел продемонстрировать ценность и значимость жизни, показать, что раз человек удостоился появиться на свет, никакая жертва себя во имя благих деяний ради кого-то не должна сбивать его с жизненного пути, который превыше всего ставит свое собственное эго. Таким образом следует отметить, что, несмотря на рациональный подход к истинной ценности жизни, данным идеям присущи противоречия и отсутствие более комплексных и разноплановых идей, которые помогли бы лучше раскрыть их суть и стать более востребованными для разных слоев населения, потеснив конфуцианцев и даоссов.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что личность и идеи Ян Чжу до сих пор остаются недостаточно исследованными в связи с недостатком источников и прочих данных. Однако, исходя из того, что доступно ученым и исследователями, можно сделать вывод, что Ян Чжу был достаточно самобытной фигурой в китайской философской традиции. Многие из его утверждений были упомянуты в Дао дэ-цзине, Чжуан-цзы, Люй-ши Чунь-цю и других классических канонах, хоть и не везде говорилось об их первоначальном авторе. Несмотря на то, что его относят к ранним даоссам, в его идеях присутствуют принципиально новые аспекты философии, которые не были свойственны другим мыслителям древнего Китая. Особенно это касается отношения к собственной жизни человека. Так называемый этический эгоизм и гедонизм повсеместно присутствуют практически в каждом изречении Ян Чжу, что особенно возмущало конфуцианцев. Свобода

и независимость, стремление к наслаждениям и удовольствиям для того, чтобы собственное тело не знало боли и разочарования — все это делают Ян Чжу одним из самых неординарных мыслителей Древнего Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыков С.Ю. Древнекитайский философский эгоизм, критика долга и пользы в учении Ян Чжу. Древнекитайская философия. 2017. <https://magisteria.ru/ancient-chinese-philosophy/yang-zhu> (дата обращения: 16.08.2022)
2. Ян Хин Шун (сост.). Древнекитайская философия. Т.2. Ян Чжу. Москва: Мысль. 1973
3. Чжуан-цзы. Чжуанцзы. СПб.: Пальмира. 2016.
4. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. СПб: Евразия. 1998.

REFERENCES

1. Rykov S.Yu. Ancient Chinese philosophical egoism, criticism of duty and benefit in the teachings of Yang Zhu. Ancient Chinese philosophy. 2017. <https://magisteria.ru/ancient-chinese-philosophy/yang-zhu> (Accessed: 16.08.2022). (in Russ)
2. Yan Hin Sun (edit.). Ancient Chinese philosophy. T.2. Yang Zhu. Moscow: Mysl'. 1973. (In Russ)
3. Zhuang-zi. Zhuangzi. SPb.: Palmira.2016.
4. Fung Yu-lan. A short history of Chinese philosophy. SPb.: Eurasia. 1998.

Сведения об авторах

Дашкин Геннадий Игоревич

Докторант 3 курса

Хунаньский педагогический университет,
преподаватель

Казанский федеральный университет
420015 Россия, Казань, ул. Пушкина, 1/55
dashkin.gennadii@rambler.ru

Иванова Татьяна Генриховна

Студент 3 курса

Казанский федеральный университет
420111 Россия, Казань, ул. Лево-Булачная, 44
tanyaaivanova@rambler.ru

Information about the authors

Gennadii I. Dashkin

3rd year doctoral student

Hunan Normal University,
lecturer

Kazan (Volga region) Federal University
420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia
dashkin.gennadii@rambler.ru

Tatyana G. Ivanova

3rd year student

Kazan Federal University
420111 Russia, Kazan, st. Levo-Bulachnaya, 44
tanyaaivanova@rambler.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.09.2022*

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Formation and development of Chinese foreign investment legislation

Становление и развитие китайского законодательства об иностранных инвестициях

Жилкибаев Санат Нурболович¹

¹ Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва, Россия

prozrach@mail.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-8079-9075>

Sanat N. Zhilkibaev¹

¹Financial University under the Government of the
Russian Federation, Moscow, Russia

prozrach@mail.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-8079-9075>

УДК 94; 340.15; 340.5 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-54-69](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-54-69)

АННОТАЦИЯ

В статье проводится историко-правовой анализ возникновения и развития законодательства об иностранных инвестициях в Китае на протяжении всей истории. Автор использует системный метод научного познания, используя все виды научных источников на русском, английском и китайском языках.

В эпоху классического Китая роль иностранных инвестиций была почти на нулевом уровне в силу экономической автаркии и роли центра мировой экономики. Развивающийся западный индустриальный капитализм насильно открыл мировой экономике отсталый и ослабленный Китай и сделал его полуколонией за счет открытых портов, иностранных концессий и селтльментов. Победа буржуазно-демократической Синьхайской революции не привела к изменению неравноправных отно-

ABSTRACT

The article provides a historical and legal analysis of the emergence and development of foreign investment legislation in China throughout history. The author uses a systematic method of scientific knowledge, using all kinds of scientific sources in Russian, English and Chinese.

In the era of classical China, the role of foreign investment was almost at a zero level due to economic autarky and the role of the center of the world economy. Developing Western industrial capitalism forcibly opened backward and weakened China to the world economy and made it a semi-colony through open ports, foreign concessions and settlementP. The victory of the bourgeois-democratic Xinhai Revolution did not lead to a change in unequal relations with foreign investors, increasing political tension in the country.

шений с иностранными инвесторами, усилив политическую напряженность в стране.

Это положение радикально разрушили китайские коммунисты в начале 1950-х гг., начав взаимовыгодное и равноправное сотрудничество с соцстранами, которое разрушилось в силу политических причин в начале 1960-х гг., приведя страну к закрытости. Глубокий экономический и политический кризис КНР в конце 1970-х гг. привел к необходимости постепенного открытия страны миру от нескольких ОЭЗ до всеобщей открытости.

Эпоха «политики реформ и открытости» имела грандиозный экономический и социальный успех, прежде всего, в силу эффективной политики привлечения и накопления иностранных инвестиций, приводя китайское государство и право в состояние перманентного реформирования и самосовершенствования.

Современное законодательство КНР об иностранных инвестициях переходит от классической советской правовой системы к современной смешанной правовой модели, соединяющей традиционное конфуцианско-легистскую правовую мысль, марксистскую правовую систему и современную континентальную правовую семью с имплементациями некоторых норм и правовых институтов международного и англо-саксонского права в целях привлечения и накопления инновационных иностранных инвестиций.

Это происходит исключительно в силу политэкономического детерминизма международной экономической депрессии, междуна-

This situation was radically destroyed by the Chinese Communists in the early 1950s, starting mutually beneficial and equal cooperation with the socialist countries, which collapsed due to political reasons in the early 1960s, leading the country to closenesP. The deep economic and political crisis of the PRC in the late 1970P. led to the need for a gradual opening of the country to the world from several SEZs to universal opennessP.

The era of the «policy of reform and opening up» was a tremendous economic and social success, primarily due to the effective policy of attracting and accumulating foreign investment, bringing the Chinese state and law into a state of permanent reform and self-improvement.

The modern legislation of the PRC on foreign investment is moving from the classical Soviet legal system to a modern mixed legal model that combines traditional Confucian-legist legal thought, the Marxist legal system and the modern continental legal family with the implementation of some norms and legal institutions of international and Anglo-Saxon law in order to attract and accumulation of innovative foreign investmentP.

This is happening solely due to the political economic determinism of the international economic depression, international tensions and internal problems of the transition from an industrial to a digital economy with the growth of socio-economic issueP. These lessons will undoubtedly be useful to the domestic manager and legislator.

Keywords: China, PRC, history, international relations, world economy, law, foreign investment

родной напряженности и внутренних проблем перехода от индустриальной к цифровой экономике при росте социально-экономической проблематики. Данные уроки, несомненно, будут полезны отечественному управленцу и законодателю.

Ключевые слова: Китай, КНР, история, международные отношения, мировая экономика, право, иностранные инвестиции.

Для цитирования: Жилкибаев С.Н. Становление и развитие китайского законодательства об иностранных инвестициях. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). <https://doi.org/>

Привлечение и накопление иностранных инвестиций в качестве одного из драйверов развития экономики очень важны для РФ, также, как и для КНР, как двух крупных развивающихся стран. Степень поучительности сравнительно-исторического и сравнительно-правового исследования повышается при сравнении результатов нескольких десятков лет экономических реформ, а особенно актуально в условиях высокой степени важности двустороннего политического и экономического сотрудничества наших стран.

Общеизвестно, что право, как социальный институт, в Китае традиционно имело сугубо подчиненный характер диктату экономики и политики государства (т.н. «азиатский способ производства») (Куманин 1990, 13-14; Давид Р. Жоффре-Спинози 2019, 396-414; Цвайгерт, Кётц 2019, 288-294; Chuan, Leyton 2016, 147).

For citation: Zhilkibaev P.N. Formation and development of Chinese legislation on foreign investment. // *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(3). (In Russ.) <https://doi.org/>

Экономически страна в имперский период долгое время фактически не нуждалась в иностранных инвестициях вследствие достижения экономической автаркии. Внешняя торговля занималась исключительно распределением небольших излишков внутреннего производства в обмен на драгоценные металлы. На фоне данной гегемонии в восточно-азиатском регионе и самоуспокоения Китай стал начинать проводить политику «закрытых дверей» в XVII-XVIII вв (Лин 2016, 43-77).

Однако рост капитализма и индустриализация стран Запада в XVII-XIX вв. на фоне закрытости и отсталости китайской империи привел страну к насильственному «вскрытию» в статусе полуколонии во второй половине XIX в.

Роль иностранного капитала стала гегемонистской и быстро разрушила этатистско-феодалные экономические порядки Китая,

создавая основы капиталистического экономического строя периферийного характера.

Китайское государство в интересах сохранения ограниченного суверенитета было вынуждено признать и поощрять иностранных инвесторов, законодательно сопровождая (на базе рецепции романо-германской правовой семьи) (Избранные труды Юридического факультета в Харбине 2017, 219-225).

Бурная первая половина XX века: революционное свержение монархии, установление буржуазно-демократической Китайской республики, гражданские войны и Вторая Мировая Война не могли помочь утверждению обычного общественного порядка. Однако импорт иностранного капитала в страну продолжался. Это совмещалось со стратегией экономической модернизации Китая правящей националистической партии Гоминьдан. Гражданское и Торговое законодательство Республики Китай (базируясь на правовом опыте Германии и Японии) непрерывно совершенствовалось, образовав в итоге развитую систему права, призванную облегчить переход страны к экономической модернизации, что подтвердил опыт Тайваня (Избранные труды Юридического факультета в Харбине 2017, 219-258, 449-453).

С основания Китайской Народной Республики в 1949 г. силами коммунистов начинается новая эра китайского общества, экономики, государства и права.

На первом этапе (1949—1957 гг.) был заложен фундамент новой государственно-правовой системы. Было отменено старое зако-

нодательство и заменено китаизированной копией советского права сталинского периода, обеспечивая индустриализацию. Однако настоящего комплекса гражданского и хозяйственного законодательства в те годы так и не было создано, хотя и было подготовлено несколько законопроектов (Инако 1978, 91-92, 112-119, 123, 126; Куманин 1990, 31-32; Правовые аспекты модернизации в КНР 190, 78; Ван 2010, 71, 75-77.).

К 1951 г. все предприятия с инвестициями западных капиталистических государств в силу политических причин участия в «Холодной войне» были национализированы.

Продолжалось экономическое сотрудничество только с СССР и странами социализма, с чьей помощью в КНР за 1950-е гг. была построена индустриальная база. Но и это закончилось в начале 1960-х гг. в силу неразрешимых политических противоречий лидеров КНР и СССР, которые вылились в международную напряженность и вооруженные конфликты (Гельбрас 2019, 23-98).

Второй этап (1958-1976 гг.): период разрушительный репрессивных массовый политических кампаний, особенно «Великая пролетарская культурная революция» разрушила государственно-правовую систему, как «буржуазный пережиток», что привело к ситуации «правового вакуума», а экономика была в состоянии хаоса в условиях внешней закрытости (Инако 1978, 265-266).

Третий этап (1976-2001 гг.): страна взяла курс на «политику реформ и открытости», соединяя элементы плановой и рыночной

экономики при массовом привлечении иностранных инвестиций. Последнее началось с четырех «Особых экономических зон» (ОЭЗ), что потом переросло в открытие всех китайских портов для внешней торговли и учреждение «зон свободной торговли» (ЗСТ). При этом восстановление государства и права считалось основополагающей задачей: к 2010 г. должна была сформирована социалистическая правовая система, в которой будет установлена «социалистическое верховенство закона» (Куманин 1990, 53; Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики 2018, 63-84).

В силу абсолюта экономического восстановления и модернизации большую долю новых нормативных правовых актов составили нормативные правовые акты в области гражданского и хозяйственного права. Конституция КНР поэтапно закрепила законный и равноправный характер иностранных инвестиций и частной собственности (Правовые аспекты модернизации в КНР 1990, 3-4; Пащенко 1997, 31-32. Zhang 2019, 3-37; Wang 2019, 40-72).

Основной гражданский закон эпохи «Общие положения гражданского права КНР» 1986 г. установил общие положения правового регулирования всех личных имущественных и неимущественных отношений, включая правоотношения, осложнённые иностранным элементом, закрепляя законный режим частной экономической и общественной деятельности.

Закон КНР «О внешнеэкономических контрактах» 1985 г. вводил законный режим и специальное регулирование внешнеэкономиче-

ской деятельности, сохраняющий высокую роль государственного контроля/надзора (Chuan, Leyton 2016, 135).

Регулирование правового статуса предприятий с иностранным капиталом содержалось в трех институционально-видовых законах, где был установлен специальный правовой режим, ограничивающий правосубъектность относительно национальных предприятий.

Кроме того существовали законодательно установленные ограничения на иностранное инвестирование в определенные отрасли: поощряемые, ограниченные и запрещаемые (Бажанов 2015, 73-75.).

В общем процедура создания предприятия с иностранным капиталом: утверждение инвестиционного проекта, проведение учредительного собрания и подписания учредительных документов предприятия с иностранными инвестициями, получения лицензии, выбор и резервирование наименования предприятия, утверждение создания предприятия, государственная регистрация предприятия, регистрационные процедуры (Бажанов 2015, 65-81; 100 вопросов о российском и китайском праве 2016, 350-354).

На предприятия с иностранным капиталом полностью распространялось китайское законодательство, касающееся ведения предпринимательской деятельности, страхования бизнеса, бухгалтерского учета и отчетности, налогообложения, труда и социального страхования, валютного, таможенного контроля и другое.

Реорганизация, продление срока деятельности или ликвидация предприятия могли произойти только после разрешения утверждающего госоргана при исполнении всех обязательств или в уведомительном порядке при ведении поощряемой деятельности и соответствующей государственной регистрации (Правовые основы бизнеса в Китае 2018, 176-201).

В силу углубления экономических и административных реформ 1990-х гг. на основе рецепции германского права был разработан китайский корпоративный закон, установивший современную систему компаний, как основную организационно-правовую форму крупного частного и государственного капитала (Godwin Andrew 2013, 285-309).

Четвертый этап (2001—2010 гг.), связан с вступлением в 2001 г. КНР в ВТО, что послужило толчком к глубоким изменениям в социально-экономической и в законодательной сфере страны (Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики 2018, 85-90).

Последней разновидностью организационно-правовой формы иностранных инвестиций стали товарищества, как организационно-правовая форма различных профессиональных сообществ по оказанию специальных массовых услуг (юриспруденция, бухгалтер, кадровая работа, социальные услуги и др.).

Пятый этап (2011 г. — по н.в.) связан с системным развитием права и достижением верховенства закона (Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики 2018, 91-126). Он выделяется принятием Закона КНР

«Об иностранных инвестициях» в 2019 г. (Чжу 2019, 43-46; Ляо Фань 2020, 140-149; Сун 2019, 5-13) и поэтапным принятием Гражданского Кодекса КНР: в 2017 г. были приняты новая «Общая часть гражданского права» и серьезно модернизированы остальные институциональные законы, с последующим принятием полноценного Гражданского Кодекса КНР к 2020 г.

Анализ законодательства показывает прогрессивные тенденции развития законодательства на уполномочивание иностранных инвесторов национального правового статуса (с возможностью преференциального (льготного) режима с единым негативным списком) — ранее был режим наибольшего благоприятствования; при широком понимании иностранных инвестиций (без её количественного и качественного показателей) и иностранного инвестора при современной корпоративной правосубъектности иностранных инвестиций в КНР в лице компаний и товариществ плюс филиалы и представительства иностранных компаний.

Повышается степень либерализации, открытости, управляемости, сервисности и правовой защиты иностранных инвестиций в КНР согласно международным стандартам. Полномочия государственного управления (контроля/надзора и менеджмента с помощью экономических методов) иностранными инвестициями достаточно обще и расплывчато распределены с немалой автономией региональных и местных властей.

Таким образом, экономическая автаркия классической китайской цивилизации привела к внешнеэкономической закрытости и отсутствию

законодательства о ВЭД при наличии развитой легистской правовой мысли, а современный Китай в течение долгого периода политической и экономической смут, переходного периода от плановой к рыночной экономике при большой роли иностранных инвестиций и в силу гармоничного смешения китайского традиционного права, советской и романо-германской (континентальной) правовых семей — в итоге, установил развитые системы гражданского, экономического, корпоративного и инвестиционного права КНР, удовлетворяющие требования экономического и государственного развития.

Таким образом, в рамках историко-правового понимания сущности иностранных инвестиций подчеркивается международный и национальный политэкономический детерминизм положительного или негативного общественного восприятия, понимания сущности, привилегированного/благоприятственного или ограничивающего/запрещающего правового регулирования и административного управления внешнеэкономической деятельности, существенно преобразующих и выделяющих предпринимательские правоотношения, осложненные иностранным элементом в ранг специфической разновидности правоотношений, что подтверждается историко-правовым опытом Китая.

При этом в отсутствие единого системного закона, регулирующего иностранные инвестиции, и, в целом, гражданского законодательства Китая в течение сорока лет (из которых тридцать лет были эпохой позитивной мирси-

стемной экономической динамики) смог достичь максимума полезного эффекта от них. Принятие новейшего системного закона «Об иностранных инвестициях» произошло исключительно в негативных условиях глубоко изменившейся мировой политики и экономики (взаимоотношения КНР и США). Это приводит к тому, что проблемы привлечения и накопления иностранных инвестиций лежат не только и не столько в области права, сколько в области политики, культуры, но, в основном, экономики.

Список источников

1. Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система Китайской народной Республики. Москва: Наука, 1990.
2. Давид Р. Жоффре-Спинози Р. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 2019.
3. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: В 2 т.: Т. 1. Основы. Москва: Международные отношения, 2019.
4. Пащенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. Москва: Спарк, 1997.
5. Клинов А.С. К вопросу о влиянии социально-экономического фактора на гражданское право Китайской Народной Республики. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5. Ч. 2. С. 68-75.
6. Правовые основы бизнеса в Китае: коллективная монография / отв. ред. А.Е. Молотников, В. Шань. Москва: Издательство РКЮО, 2018.
7. Chuan F., Leyton P., Simon T.W. China's changing legal system: lawyers and judges on

- civil and criminal law. New York: Palgrave Macmillan US, 2016.
8. Поляк Г. Б. История мировой экономики: учебник. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
 9. Кагарлицкий Б. Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации: монография. Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
 10. История Китая. Под ред. В.В. Адамчик, М.В. Адамчик, А.Н. Бадан и др. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2007.
 11. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 6. Династия Цин (1644-1911). Отв. ред. О.Е. Непомнин. Москва: Наука, 2014.
 12. Лин Дж. Й. Демистификация китайской экономики: монография. Москва: Мысль, 2016.
 13. Избранные труды Юридического факультета в Харбине: коллективная монография. Отв. ред. А.Е. Молотников. Москва: РКЮО, 2017.
 14. Лю Цз. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Российский университет дружбы народов. - Москва, 2010.
 15. Gu M. Understanding Chinese Company Law. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2017.
 16. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 7. Китайская Республика (1912-1949). Отв. ред. Н.Л. Мамаева. Москва: Наука, 2013.
 17. Вестаф О. А. Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года. Москва: Центрполиграф, 2014.
 18. Алексеенко, А.П., Вэй Ч. Тенденции развития корпоративного права КНР. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 2. С. 23–30.
 19. Инако Ц. Право и политика современного Китая (1949-1975 гг.): монография. Москва: Прогресс, 1978.
 20. Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс): монография. Отв. ред. Л.М. Гудошников. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
 21. Ван Чж. Влияние советского права на право КНР. Государство и право. 2010. № 4. С. 71- 80.
 22. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 8. Китайская Народная Республика (1949–1976). Отв. ред. Ю.М. Галенович. Москва: Наука, 2017.
 23. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. Москва: Квадрига, 2019.
 24. Трощинский П.В. Правовая система Китая. Москва: ИДВ РАН, 2016.
 25. Трощинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949-2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). Москва: Издательский дом ВКН, 2018.
 26. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 9. Реформы и модернизация (1976–2009). Отв. ред. А.В. Виноградов. Москва: Наука, 2016.
 27. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим: коллективная монография. Москва: Новое издательство, 2016.

28. Чжан Л. Развитие китайской гражданско-правовой науки в период после начала политики реформ и открытости. Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 1. С. 98-101.
29. Liu M. The New Chinese Foreign Investment Law and Its Implication on Foreign InvestorP. Northwestern Journal of International Law & Business. 2018. No 38. P. 285-306.
30. Zhang W. Forty Themes of the Innovation and Development of Chinese Legal Research in the Reform and Opening Up Era. Frontiers of Law in China. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 3-37.
31. Wang L. The Modernization of Chinese Civil Law Over Four DecadeP. // Frontiers of Law in China. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 40-72.
32. Конституция Китайской Народной Республики: Основной закон КНР: [от 4 декабря 1982 г. (в ред. от 15 марта 2018 г.)]. http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения 13.10.2019.)
33. «О совместных кооперационных предприятиях китайского и иностранного капитала»: Закон КНР от 13 апреля 1988 г. (в ред. от 4 ноября 2017 г.) http://chinalaw.center/civil_law/china_sino-foreign_cooperation_enterprise_law_revised_2017_russian/ (дата обращения 30.10.2019.)
34. «О совместных паевых предприятиях китайского и иностранного капитала»: Закон КНР от 1 июля 1979 г. (в ред. от 3 сентября 2016 г.) https://chinalaw.center/civil_law/china_sino-foreign_joint_equity_enterprise_law_revised_2016_russian/ (дата обращения 30.10.2019.)
35. «О предприятиях иностранного капитала»: Закон КНР от 12 апреля 1986 г. (в ред. от 3 сентября 2016 г.) https://chinalaw.center/civil_law/china_foreign_investment_enterprise_law_revised_2016_russian/ (дата обращения 30.10.2019.)
36. Vai I.L., Tian X T. Law for Foreign Business and Investment in China Oxford, New York: Routledge, 2009.
37. Shan W. The Legal Framework of EU-China Investment Relations: A Critical Appraisal. Oxford, Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005.
38. Бажанов П.В. Ведение бизнеса в Китае: правовые аспекты. Выпуск 1: Обзор правовой среды для бизнеса: книга для юристов, сопровождающих бизнес. Москва: Инфотропик Медиа, 2015.
39. 100 вопросов о российском и китайском праве: Краткое сравнительно-правовое исследование гражданского и торгового права: коллективная монография. Под ред. З. Бужинская Е.В., Васильев А.С., Губарева А.В. [и др.]; под ред. С.А. Степанова, Ю. Фейтао. – Москва: Проспект. Екатеринбург: Институт частного права, 2016.
40. Чжао Л., Ербахаев Е.А., Ербахаев С.А. О понятии, признаках и классификации юридических лиц в гражданском праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию образования ФНПР и 110-летию профсоюзного движения. Бурятский филиал Академии труда и социальных отношений. Москва: ИИЦ «АТиСО», 2016. С. 153-167.

41. Godwin A. The Internal Logic Behind the Evolution of Company Law in China – Do Legal Origins Matter? Australian Journal of Asian Law. 2013. Vol. 14. No. 2. Article 5. P. 1-21.
42. Hawes C. Interpreting the PRC Company Law through the lens of Chinese political and corporate culture. University of New South Wales Law Journal. 2007. Volume 30(3). P. 813-823.
43. Tomasic R.A. Company Law Implementation in the PRC – The Rule of Law in the Shadow of the State. Journal of Corporate Law StudieP. 2015. № 15(2). P. 285-309.
44. «О компаниях»: закон КНР от 29.12.1993 (в ред. от 26.10.2018) (中华人民共和国公司法 (2018年修正本)). <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=404755&Query=%E5%85%AC%E5%8F%B8&IsExact=&PageIndex=1> (дата обращения 30.06.2020.) (на кит.яз).
45. Ли Сюй. Имплементация права ВТО в законодательстве Китайской Народной Республики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 Казанский (Приволжский федеральный университет. - Казань, 2018.
46. У Ц. Проблемы соотношения международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР: публично-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. - Казань, 2008.
47. Huang H. The Regulation of Foreign Investment in Post-WTO China: a Political Economy AnalysisP. Columbia Journal of Asian Law. 2009. Vol. 23. No 1. P. 187-218.
48. Qin J.Ya. The Impact of WTO Accession on China's Legal System: Trade, Investment and Beyond. Wayne State University Law School Legal Studies Research Paper SerieP. 2007. No. 07-15. P. 1-31.
49. Ли Лин. (李玲) Исследование правил ВТО и совершенствование законодательства Китая об иностранных инвестициях. (论 WTO规则与中国外资法的完善): дисс. ... магистра права; Цзилиньский университет. Чанчунь, 2009. (на кит.яз).
50. «О товариществах»: закон КНР от 23 февраля 1997 г. (в ред. от 27 августа 2006 г.) (中华人民共和国合伙企业法 (2006年修订本)). <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=333104&Query=%E5%90%88%E4%BC%99%E4%BC%81%E4%B8%9A&IsExact=1> (дата обращения 30.10.2016.) (на кит.яз).
51. «Меры регулирования создания в КНР товариществ иностранными предприятиями или физическими лицами»: Постановление Госсовета КНР № 567 от 25.11.2009 (в ред. от 29.11.2010) (утратил силу) (外国企业或者个人在中国境内设立合伙企业管理办法) // chinalaw.gov.cn <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=333945&Query=%E5%A4%96%E5%9B%BD%E4%BC%81%E4%B8%9A&IsExact=> (дата обращения 13.06.2020.) (на кит.яз).
52. Гражданский Кодекс КНР: закон КНР от 28 мая 2020 г. (中华人民共和国民法典) Синьхуа Новости (新华社) http://www.xinhuanet.com/politics/2020-06/01/c_1126061072.htm (дата обращения 01.06.2020) (на кит.яз).

53. Анисимцев Н.В. Новый этап подготовки Гражданского кодекса КНР. Азия и Африка сегодня. 2017. № 11 (724). С. 21-27.
54. Фоков А.П. Кодификация гражданского законодательства в Китайской народной республике (общие положения): история и современность. Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, № 2 (77). С. 128-135.
55. Ван Чж. Революции и кодификация китайского гражданского законодательства. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 3 С. 422–432.
56. Ван Чж. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае. // Lex russica. 2020. Т. 73. № 3. С. 135—139.
57. Чжан Л. Пятый вариант проекта Гражданского кодекса КНР: новые положения общей части. Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 90-93.
58. Скворцов О. Ю. Идеология реформы инвестиционного права в Китае. Lex Russica. 2019. №11 (156). С. 146-154.
59. Чжан Л. Реформа инвестиционного законодательства и проект Закона КНР «Об иностранных инвестициях». Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. С. 154-156.
60. Ахмадова М.А. Гражданско-правовой механизм регулирования инвестиционной деятельности в странах БРИКС: на примере Индии, Китая и ЮАР: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 Российский университет дружбы народов. Москва, 2019.
61. Foreign Investment Law of the People's Republic of China («Об иностранных инвестициях»: Закон КНР от 15 марта 2019 г.). http://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_4872_0_7.html (дата обращения 10.10.2019.)
62. Правила реализации Закона КНР «Об иностранных инвестициях»: Постановление Госсовета КНР № 723 от 12.12.2019 (中华人民共和国外商投资法实施条例) // Госсовет КНР (国务院部门网站) http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (дата обращения 10.06.2020.) (на кит.яз).
63. New legislation preps China as an attractive investment destination. London: Ernst & Young Global Limited, 2019. — 16 p.
64. Чжу Ниннин (朱宁宁) История закона об иностранных инвестициях (外商投资法出台背景). Обзорный доклад. (全景报道). 2019. № 10. Р. 43-46. (на кит.яз).
65. Ляо Фань (廖凡). «Закон об иностранных инвестициях»: история вопроса, инновации и перспективы (《外商投资法》: 背景、创新与展望). Журнал Сямыньского университета (Искусство и социальные науки). (厦门大学学报 (哲学社会科学版)) 2020. № 3. Р. 140-149. (на кит.яз).
66. Сун Сяоянь (宋晓燕). Реформа системы иностранных инвестиций Китая: от «трех законов» иностранных инвестиций к «закону об иностранных инвестициях» (中国外商投资制度改革: 从外资“三法”到《外商投资法》). Журнал Шанхайского университета международного бизнеса и экономики (上海对外经贸大学学报) 2019. Vol. 26. № 4. Р. 5-13. (на кит.яз).

References

1. Kumanin E. V. Legal policy and legal system of the People's Republic of China: monograph. Moscow: Nauka, 1990. (In RusP.).
2. David R., ZHoffre-Spinozi R. Basic legal systems of our time. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. (In RusP.).
3. Cvajgert K., Kyotc, H. Comparative private law: In 2 T.: T. 1. FundamentalP. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. (In RusP.).
4. Pashchenko E.G. Economic reform in the PRC and civil law. Moscow: Spark, 1997. (In RusP.).
5. Klinov A.P. On the issue of the influence of the socio-economic factor on the civil law of the People's Republic of China. Historical and socio-educational thought. 2017. T. 9. № 5. CH. 2. P. 68-75. (In RusP.).
6. Legal foundations of business in China. Manage edit. A.E. Molotnikov, V. SHan'. Moscow: Izdatel'stvo RKYUO, 2018. (In RusP.).
7. China's changing legal system: lawyers and judges on civil and criminal law. / Chuan Feng, Leyton P. Nelson, and Thomas W. Simon. New York: Palgrave Macmillan US, 2016.
8. Polyak G. B. History of the world economy: textbook. Moscow: YUNITI-DANA, 2012. (In RusP.).
9. Kagarlickij B.Yu. From empires to imperialism. State and the emergence of bourgeois civilization: a monograph. Moscow: Izd. dom GoP. un-ta — Vysshej shkoly ekonomiki, 2010. (In RusP.).
10. History of China. Edit. by V.V. Adamchik, M.V, Adamchik, A.N. Badan i dr. Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2007. (In RusP.).
11. History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 volumeP. T. 6. The Qing Dynasty (1644-1911). Edit. by O.E. Nepomnin. Moscow: Nauka, 2014. (In RusP.).
12. Lin Dz. Demystification of the Chinese economy: a monograph. Moscow: Mysl'. 2016. (In RusP.).
13. Selected works of the Faculty of Law in Harbin: collective monograph. Edit. by A.E. Molotnikov. Moscow: RKYUO, 2017. (In RusP.).
14. Lyu Czyun' Pin. Codification of civil legislation in the People's Republic of China: avtoreferat diP. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03 Rossijskij universitet druzhby narodov. - Moscow, 2010. (In RusP.).
15. Gu Minkang. Understanding Chinese Company Law. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2017.
16. History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumeP. T. 7. Republic of China (1912-1949). Edit. by N.L. Mamaeva. Moscow: Nauka, 2013. (In RusP.).
17. Vestad O. A. Restless empire. China and the world since 1750. Moscow: Centrpoligraf, 2014. (In RusP.).
18. Alekseenko A.P., Vej CHenyuan'. Trends in the development of corporate law in China. Territory of new opportunitieP. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 2. P. 23–30. (In RusP.).
19. Inako Cuneo. Law and Politics of Modern China (1949-1975). Moscow: Progress, 1978. (In RusP.).
20. Legal aspects of modernization in the PRC

- (economics and scientific and technological progress): monograph. Edit. by L.M. Gudoshnikov. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1990. (In RusP.).
21. Van Chzhihua. The influence of Soviet law on the law of the People's Republic of China. State and Law. 2010. № 4. P. 71- 80. (In RusP.).
 22. History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 volumeP. Vol. 8. People's Republic of China (1949–1976). Edit. by YU.M. Galenovich. Moscow: Nauka, 2017. (In RusP.).
 23. Gel'bras V.G. Economy of the People's Republic of China. Moscow: Kvadriga, 2019. (In RusP.).
 24. Troshchinskij P.V. The legal system of China Moscow: IDV RAN, 2016. (In RusP.).
 25. Troshchinskij P.V. Evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949–2018): historical and legal aspect (with a list of current laws of the PRC). Moscow: Izdatel'skij dom VKN, 2018. (In RusP.).
 26. History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 volumeP. T. 9. Reforms and modernization (1976–2009). Edit. by A.V. Vinogradov. Moscow: Nauka, 2016. (In RusP.).
 27. Kouz Ronal'd, Van, Nin. How China Became Capitalist: A Collective Monograph. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2016. (In RusP.).
 28. Chzhan Lyanvej. The development of Chinese civil law science in the period after the start of the policy of reform and opening up. Problems of economics and legal practice. 2017. № 1. P. 98-101. (In RusP.).
 29. Liu Meichen. The New Chinese Foreign Investment Law and Its Implication on Foreign InvestorP. Northwestern Journal of International Law & Business. 2018. No 38. P. 285-306.
 30. Zhang Wenxian. Forty Themes of the Innovation and Development of Chinese Legal Research in the Reform and Opening Up Era. Frontiers of Law in China. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 3-37.
 31. Wang Liming. The Modernization of Chinese Civil Law Over Four DecadeP. Frontiers of Law in China. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 40-72.
 32. Constitution of the People's Republic of China. CNR law, December 4, 1982 [December 4, 1982 (edit March 15 2018)]. http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (accessed: 13.10.2019.) (In Chin.)
 33. «On Joint Cooperation Enterprises of Chinese and Foreign Capital»: CNR law, April 13, 1988 (Edit November 4, 2017) http://chinalaw.center/civil_law/china_sino-foreign_cooperation_enterprise_law_revised_2017_russian/ (accessed:30.10.2019.) (In RusP.).
 34. «On joint share enterprises of Chinese and foreign capital»: CNR law, July 1, 1979 (Edit. September 3, 2016) https://chinalaw.center/civil_law/china_sino-foreign_joint_equity_enterprise_law_revised_2016_russian/ (accessed:30.10.2019.) (In RusP.).
 35. «On joint share enterprises of Chinese and foreign capital»: CNR law, April 12, 1986 (Edit September 3, 2016) https://chinalaw.center/civil_law/

- chi-na_foreign_investment_enterprise_law_revised_2016_russian/ (accessed:30.10.2019.) (In RusP.).
36. Vai Io Lo, Xiaowen Tian. Law for Foreign Business and Investment in China. Oxford, New York: Routledge, 2009.
37. Shan Wenhua. The Legal Framework of EU-China Investment Relations: A Critical Appraisal. Oxford, Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005.
38. Bazhanov P.V. Doing business in China: legal aspectP. Issue 1: An overview of the legal environment for business: a book for lawyers accompanying businesP. Moscow: Infotropik Media, 2015. (In RusP.).
39. 100 questions about Russian and Chinese law: A brief comparative legal study of civil and commercial law: a collective monograph. Edit. by Z. Buzhinskaya E.V., Vasil'ev A.P., Gubareva A.V. Moscow: Prospekt. Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2016. (In RusP.).
40. Chzhao Ligo, Erbahaev, E.A., Erbahaev, P.A. On the concept, features and classification of legal entities in the civil law of the Russian Federation and the People's Republic of China. Economics, politics, law: yesterday, today, tomorrow. The role of trade unions: a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 25th anniversary of the FNPR and the 110th anniversary of the trade union movement. Buryat branch of the Academy of Labor and Social RelationP. Moscow: IIC «ATiSO», 2016. P. 153-167. (In RusP.).
41. Godwin Andrew. The Internal Logic Behind the Evolution of Company Law in China – Do Legal Origins Matter? Australian Journal of Asian Law. 2013. Vol. 14. No. 2. Article 5. P. 1-21.
42. Hawes Colin. Interpreting the PRC Company Law through the lens of Chinese political and corporate culture. University of New South Wales Law Journal. 2007. Volume 30(3). P. 813-823.
43. Tomasic Roman A. Company Law Implementation in the PRC – The Rule of Law in the Shadow of the State. Journal of Corporate Law StudieP. 2015. № 15(2). P. 285-309.
44. «On Companies»: CNR law, 1993.12.29 (Edit 2018.10.26) (中华人民共和国公司法 (2018年修正本) <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=404755&Query=%E5%85%AC%E5%8F%B8&IsExact=&PageIndex=1> (accessed: 30.06.2020.) (In Chin.)
45. Li Syuj. Implementation of WTO law in the legislation of the People's Republic of China: avtoreferat diP. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.10 Kazanskij (Privolzhskij federal'nyj universitet. Kazan, 2018. (In RusP.).
46. U Cyuan'lej. Problems of correlation of international legal and national regulation of foreign investments in the PRC: public law aspect: avtoreferat diP. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.10 Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina. Kazan, 2008. (In RusP.).
47. Huang Hui. The Regulation of Foreign Investment in Post-WTO China: a Political Economy AnalysisP. Columbia Journal of Asian Law. 2009. Vol. 23. No 1. P. 187-218.
48. Qin Julia Ya. The Impact of WTO Accession on China's Legal System: Trade, Investment and Beyond. Wayne State University Law School Legal Studies Research Paper SerieP. 2007.

- No. 07-15. P. 1-31.
49. Li Lin. (李玲) Researching WTO rules and improving China's foreign investment law. (论WTO规则与中国外资法的完善): disP. ... magistra prava; Jilin university. Changchun, 2009. (In Chin.)
 50. «On Partnerships»: CNR law, February 23, 1997 (Edit August 27, 2006) (中华人民共和国合伙企业法 (2006年修订本) <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=333104&Query=%E5%90%88%E4%BC%99%E4%BC%81%E4%B8%9A&IsExact=1> (accessed:30.10.2016.) (In Chin.)
 51. « Measures to Regulate the Establishment of Partnerships in the PRC by Foreign Enterprises or Individuals »: decision of the State Council of the People's Republic of China № 567 25.11.2009 (Edit 29.11.2010) (外国企业或者个人在中国境内设立合伙企业管理办法) <http://search.chinalaw.gov.cn/law/searchTitleDetail?LawID=333945&Query=%E5%A4%96%E5%9B%BD%E4%BC%81%E4%B8%9A&IsExact=1> (accessed:13.06.2020.) (In Chin.)
 52. PRC Civil Code: CNR law 2020.05.28 (中华人民共和国民法典) // Sin'hua Novosti (新华社) http://www.xinhuanet.com/politics/2020-06/01/c_1126061072.htm (accessed: 01.06.2020) (In Chin.)
 53. Anisimcev N.V. A new stage in the preparation of the Civil Code of the People's Republic of China. Asia and Africa today. 2017. № 11 (724). P. 21-27. (In RusP.).
 54. Fokov A.P. Codification of civil legislation in the People's Republic of China (general provisions): history and modernity. Proceedings of the South-Western State University. 2018. T. 22, № 2 (77). P. 128-135. (In RusP.).
 55. Van Chzhihua. Revolutions and codification of Chinese civil law. Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2018. T. 9. № 3 P. 422–432. (In RusP.).
 56. Van Chzhihua. The path of codification of civil law in China. Lex russica. 2020. T. 73. № 3. P. 135—139. (In RusP.).
 57. Chzhan Lyanvej. Fifth version of the Draft Civil Code of the People's Republic of China: new provisions of the general part. Gaps in Russian legislation. 2017. № 2. P. 90-93. (In RusP.).
 58. Skvorcov O. YU. The ideology of investment law reform in China. Lex Russica. 2019. №11 (156). P. 146-154. (In RusP.).
 59. Chzhan Lyanvej. Investment Law Reform and Draft Law of the People's Republic of China on Foreign Investment. Problems of economics and legal practice. 2017. № 2. P. 154-156. (In RusP.).
 60. Ahmadova M.A. Civil law mechanism for regulating investment activity in the BRICS countries: on the example of India, China and South Africa: avtoreferat diP. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03 Rossijskij universitet druzhby narodov. Moskva, 2019. (In RusP.).
 61. Foreign Investment Law of the People's Republic of China («Ob inostrannyh investiciyah»: CNR law, 2019.03.15 http://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_4872_0_7.html (accessed 10.10.2019.)
 62. Implementation Rules of the Law of the PRC on Foreign Investment: Postanovlenie Gosso-

veta KNR № 723 ot 12.12.2019 (中华人民共和国外商投资法实施条例). State Council PRC (国务院部门网站) http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (accessed:10.06.2020.) (In Chin.)

63. New legislation preps China as an attractive investment destination. London: Ernst & Young Global Limited, 2019.
64. Zhu Ningning (朱宁宁) History of Foreign Investment Law. (外商投资法出台背景). Overview report. (全景报道). 2019. № 10. P. 43-46. (In Chin.)
65. Liao Fan (廖凡). «Foreign Investment Law»: Background, Innovations and Perspectives (《外商投资法》: 背景、创新与展望). Journal of Xiamen University (厦门大学学报 (哲学社会科学版)) 2020. № 3. P. 140-149. (In Chin.)
66. Song Xiaoyan (宋晓燕). China's Foreign Investment System Reform: From the «Three Laws» of Foreign Investment to the «Foreign Investment Law» (中国外商投资制度改革: 从外资“三法”到《外商投资法》). Journal of Shanghai University of International Business and Economics (上海对外经贸大学学报) 2019. Vol. 26. № 4. P. 5-13. (In Chin.)

Информация об авторе

Жилкибаев Санат Нурболович,

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

prozrach@mail.ru

Information about the author

Sanat N. Zhilkibaev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
prozrach@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.09.2022*

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Language reforms as a part of the nation-building process in Early Republican Turkey

Языковые реформы в раннереспубликанской Турции как часть процесса национального строительства

Жигульская Дарья Владимировна

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

dvzhigulskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3163-4308>

Daria V. Zhigulskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

dvzhigulskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3163-4308>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-54-69](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-54-69)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена языковой политике раннереспубликанской Турции. Этот вопрос приобрел особую актуальность в свете переоценки роли кемалистских реформ после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г.

Хронологические рамки статьи ограничиваются эпохой высокого кемализма (1923-1938 гг.). В этот период внимание республиканской элиты сконцентрировалось на переосмыслении и реорганизации национальной жизни, в том числе турецкого языка. Ключевым условием для достижения национального единства и политической стабильности власти считали языковую гомогенизацию.

Так, целью статьи является анализ влияния конкретных реформ, в частности, перехода

ABSTRACT

The article is devoted to the language policy of early republican Turkey. This issue has gained particular relevance in light of the re-evaluation of the role of the Kemalist reforms after the Justice and Development Party (JDP) came to power in Turkey in 2002.

The chronological scope of the article is limited to the era of high Kemalism (1923-1938). During this period, the attention of the republican elite focused on rethinking and reorganizing national life, including the Turkish language. The authorities considered language homogenization to be a key condition for achieving national unity and political stability.

Thus, the purpose of this article is to assess the impact of specific reforms, in particular, the transition to the Latin-script alphabet in 1928 and

на латинизированный алфавит в 1928 г. и учреждения Турецкого лингвистического общества (тур. Türk Dil Kurumu) в 1932 г., а также создания Солнечной языковой теории (тур. Güneş Dil Teorisi) в 1936 г. на формирование современной национальной идентичности в Турции.

Статья базируется на турецких источниках и литературе, а также обращается к западным исследованиям, посвященным реформам турецкого языка. Методологической основой работы являются принципы объективности и историзма.

В результате выявляются причины реформ в сфере языка, которые заключались не только в повышении уровня грамотности, экономической модернизации, но и в уничтожении культурного и политического наследия Османской империи и, таким образом, легитимизации власти нового анкарского правительства. Делается вывод о том, что языковая политика в Турции конца 1920-х – 1930-х гг. остается одним из наиболее показательных и успешных примеров влияния языка на формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: Турция, языковые реформы М.К. Ататюрка, кемализм, турецкий национализм, идентичность.

Для цитирования: Жигульская Д. В., Языковые реформы в раннереспубликанской Турции как часть процесса национального строительства. *Современные востоковедческие исследования*. 2022. 4 (3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-54-69>

the establishment of the Turkish Language Society (Turk. Türk Dil Kurumu) in 1932, as well as the creation of the Sun Language Theory (Turk. Güneş Dil Teorisi) in 1936 on the formation of a modern national identity in Turkey.

The article is based on Turkish sources and literature, as well as on Western studies on the reform of the Turkish language. The methodology of this work comprises principles of objectivity and historicism.

As a result, the reasons for the reforms in the field of language are revealed, which consisted not only in raising the level of literacy, economic modernization, but also in the destruction of the cultural and political heritage of the Ottoman Empire and, thus, legitimizing the power of the new Ankara government. It is concluded that the language policy in Turkey in the late 1920s – 1930s remains one of the most illustrative and successful examples of the influence of language on the formation of national identity.

Keywords: Turkey, language reforms of M.K. Atatürk, Kemalism, Turkish nationalism, identity

For citation: Zhigulskaia D. V., Language Reforms as a Part of the Nation-Building Process in Early Republican Turkey. // *Modern oriental studies*. 2022. 4 (3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-54-69>

Язык является ключевым аспектом национальной идентичности, а его использование в качестве консолидирующего инструмента общества существенно повлияло на формирование социально-политического ландшафта современного мира. Использование языка как символа единства определенной социальной группы не новый феномен, а *лингвистический национализм* давно вышел на первый план социополитического дискурса в условиях развития концепции национального государства (Spolsky 2005, 254-272).

В регионе Ближнего Востока подъем национального самосознания достиг своего пика преимущественно после Первой мировой войны и падения династических Османской и Каджарской империй. После окончания национально-освободительной войны и подписания Лозаннского договора в июле 1923 г. вновь образованная Турецкая Республика и кемалистский режим во главе с М.К. Ататюрком стали выступать в качестве защитников молодой турецкой нации. Конституция 1924 г. провозглашала турецкий язык «официальным языком Турецкого Государства» (Türkiye Anayasası 1924). Несмотря на то, что в основе турецкой государственности был заложен принцип территориального национализма, и граждане республики именовались турками, в действительности, *тюркскость* (тур. Türklük) стала восприниматься как лингвистическая категория (Gülalp 1996, 94).

Стоит отметить, что споры вокруг языкового вопроса начались еще до эпохи кемализма.

Аргументы в пользу «упрощения» языка, выдвигавшиеся в начале 1920-х гг., в некоторой степени напоминают дискуссии конца XIX в., в которых акцент делался на социальную составляющую: таким образом они не имели ярко выраженной политической или идеологической окраски. Так, например, Д. Кушнер отмечает, что «главной заботой этих прений было превращение языка в универсальное средство литературы и письма» (Kushner 1977, 59).

После основания Турецкой Республики языковой вопрос был поставлен в политические, идеологические и националистические рамки. Иными словами, политическая элита изменила вектор развития языка таким образом, что он стал неразрывно связан с вопросами государственного строительства, положения меньшинств, гражданских прав, национального единства и вестернизации. Справедливо утверждать, что *вопрос о национальном языке* стал одним из приоритетных в контексте формирования современной гражданской идентичности. При этом *османский язык* в глазах республиканских модернистов являлся воплощением многолетнего иностранного влияния на турецкую культуру, своеобразной синтетической амальгамой тюркского, арабского и персидского языков, воспринимался в качестве пережитка прошлого, от которого стоило непременно избавиться (Çolak 2004, 67-70). Впоследствии *кемалистские реформы в области языка* заняли важное место в процессе модернизации республиканской Турции. *Среди них, прежде всего, стоит отметить переход на*

латинизированный алфавит в 1928 г., учреждение Турецкого лингвистического общества (тур. *Türk Dil Kurumu*) в 1932 г., а также создание Солнечной языковой теории (тур. *Güneş Dil Teorisi*) в 1936 г., которые далее будут последовательно рассмотрены в статье.

Предложения перейти на латинизированный алфавит в Турции обсуждались еще в 1923 и 1924 гг., но были «решительно отвергнуты» оппозиционно настроенными «консервативными и религиозными кругами» (Lewis 2002, 277). Одновременно с этим процессом в 1926 г. в СССР были разработаны новые алфавиты для тюркских республик на основе латиницы. Это усилило поддержку идеи перехода на латиницу в Турции. Примечательно, что как только в Турции был принят новый алфавит, в центрально-азиатских республиках СССР стали использовать кириллицу (Lewis 2002, 443).

23 мая 1928 г. была создана языковая комиссия (тур. *Dil Encümeni*), которая сразу же была разделена на две части: первую, которую возглавил М.К. Ататюрк, отвечала за реформу алфавита, вторая — за вопросы грамматики. В результате работы первой группы, которая продолжалась 6 недель, был создан латинизированный алфавит (Lewis 1999, 32-33). В то время как некоторые члены комиссии выступали за постепенную имплементацию реформы, используя одновременно два алфавита в переходный период от 5 до 15 лет, М.К. Ататюрк настаивал на её неприменном внедрении, сделав публичное заявление во время торжественного мероприятия Народно-республиканской партии (НРП) в стамбульском

парке Гюльхане 9 августа 1928 г. (Lewis 1999, 34-36). Позже парламент принял соответствующий закон 1 ноября 1928 г.

Одной из основных практических целей перехода с арабской на латинскую графику можно считать стремление увеличить долю грамотного населения страны. Вместе с тем эту инициативу стоит расценивать как попытку занять место в европейской цивилизации путем создания *евроцентричного образа* современной Турции. Республиканская элита верила в то, что Османская империя «породила стереотипное мышление» (Atay 1932). Такой подход наглядно прослеживается в заявлении М.К. Ататюрка: «пока на турецком языке пишут слева направо, он не в состоянии должным образом отразить идеалы европейской цивилизации. Арабский алфавит формировал психологический фон для восточного менталитета, который был настоящим врагом республики» (Çolak 2004, 73).

Языковые реформы были продолжены в 1930-х гг. с учреждением Турецкого лингвистического общества (тур. *Türk Dil Kurumu*) (первоначальное название *Türk Dili Tetkik Cemiyeti*) 12 июля 1932 г., одной из задач которого значилась пурификация языка от иностранного влияния с целью создания «неиспорченного» турецкого языка (тур. *öz Türkçe*) (Çolak 2004, 70-75). Деятельность организации стремилась к созданию гомогенной турецкой нации, а программа языковых реформ сыграла важную роль в консолидации общества и пропаганде турецкого национализма.

Первый лингвистический конгресс состоялся 26 сентября 1932 г. в Стамбуле во дворце Долмабахче, на котором Ататюрк заявил: «турецкая нация, которая хочет защитить свою страну и укрепить независимость, также должна спасти свой язык от осады иностранных языков» (ТДК 1988, 196).

К 1934 г. Турецкое лингвистическое общество выработало порядка 30 000 замен для более чем 7 000 арабских и персидских слов, а кампания «Гражданин, говори по-турецки!» (тур. Vatandaş, Türkçe Konuş!) запрещала использование слов нетурецкого происхождения в общественной сфере. Однако здесь примечателен факт, что арабские и персидские заимствования часто заменялись на слова европейского происхождения, в особенности, французские (Çolak 2004, 80-84). Так, к концу 1950-х гг. доля европейских заимствований составляла порядка 30% лексики нового турецкого языка (Lewis 1999, 45).

Закон о фамилиях, принятый в июне 1934 г., также оказал серьезное влияние на формирование языковой среды того времени: отныне разрешалось использование фамилий исключительно турецкого происхождения (Ertop 1963, 84).

Нередко можно встретить утверждения, что с латинизацией алфавита новое поколение турок было оторвано от османской литературной традиции и социополитического дискурса (Heyd 1954, 20). Стоит отметить, что использование арабского алфавита было запрещено во всех сферах общественной жизни за исключением мечетей и мест, связанных с религией (Çaymaz, Szurek 2007, 2-3). Кроме того, призыв

мусульман к молитве — азан — также был переведен на турецкий язык, эта практика применялась до 1950 г. (Aytürk 2004, 1-25).

Таким образом новая лингвистическая норма полностью заменила османский дискурс секулярной, этноцентричной и националистической общественно-политической мыслью. Республиканская элита была наделена возможностью конструирования собственного нарратива дореспубликанского наследия Турции, закрепляя внутри турецкого общества кемалистскую идеологию национализма с присущей ей эгоцентризмом. Весьма примечательно, что государственные служащие должны были сдавать письменный экзамен и подтверждать таким образом свое владение латинизированным алфавитом. В определенном смысле реформа алфавита позволила осуществлять административный контроль и выявлять тех, кто не разделял новые идеалы республики (Çaymaz, Szurek 2007, 13).

В распространении националистического идеала серьезную роль на себя взяли также *национальные школы* (тур. Millet Mektepleri). К 1936 г. функции национальных школ перешли к *народным домам* (тур. Halk Evleri). К этому времени они выпустили 2 500 000 дипломов о грамотности. Уровень грамотности при этом повысился с 10 до 20% среди 16-миллионного населения Турции того времени (Mango 1999, 466-467).

В 1936 г. после долгих месяцев работы ученых на свет появилась псевдонаучная *Солнечная языковая теория* (тур. Güneş Dil Teorisi), согласно которой все современные индоевро-

пейские и семитские языки в действительности происходили от турецкого (Çolak 2004, 77). Эта теория подчеркивала культурное превосходство и способствовала консолидации независимой турецкой нации. Принято считать, что М.К. Ататюрк поддерживал эту теорию и её распространение среди кругов интеллигенции. И только после неприятия практически всем международным научным лингвистическим сообществом этой теории от неё отказались (Lewis 1999, 65-70).

Несмотря на полную научную несостоятельность теории, она примечательна тем, что наглядным образом демонстрирует идеалы националистов ранней республики. *Теория способствовала утверждению идеи национальной независимости Турции и провозглашала культурное превосходство над всеми народами, под влиянием которых ранее находились турки.* Схожей теорией, но уже в сфере исторических наук, которая была призвана узаконить историческое прошлое турок, послужил *Турецкий исторический тезис* (тур. Türk Tarih Tezi). Отныне богатая история народов Анатолии, таких как, например, хетты и лидийцы, формировала основу современной турецкой цивилизации. Путем многочисленных археологических изысканий устанавливалась культурная связь между современными турками и древними анатолийцами, таким образом, предоставляя историческую легитимность их территориальным претензиям (Lewis 1999, 77).

Итак, на примере Турции видно, что языки, как составная часть культуры, в процессе конструирования национальной идентичности

традиционно подвергаются трансформации и/или пурификации, их развивают или запрещают. Официализация языка, создание системы образования и бюрократического аппарата на национальном языке призваны обеспечить *лингвистическую гегемонию национального нарратива, а также способствовать отмене любых социальных и политических категоризаций, отличных от национальной.*

Можно заключить, что сегодня в Турции обсуждение роли и значения кемалистских реформ вновь приобретает актуальность. В частности, после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. вопросу османского наследия стали уделять особое внимание (White 2013, 50). Несмотря на возрастающий скептицизм и критику некоторых раннереспубликанских преобразований, реформы турецкого языка конца 1920-х – 1930-х гг. остаются одним из наиболее показательных и успешных примеров продуманной и весьма искусственной лингвистической трансформации.

Список литературы

1. Spolsky B. Language in its Social Context. *Journal of Baltic Studies. Special Issue: Baltic Sociolinguistic Review.* 2005; Vol. 36. No. 3. P. 254-272.
2. Türkiye Anayasası 1924. Teşkilâtı Esasiye Kanunu. *Constitution of 1924. The Basic Law of Organization.* 20/4/1340 (1924). № 491. <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: accessed 09.08.2022) (на тур. яз.)

3. Güllalp H. *Islamism and Kurdish Nationalism: Rival Adversaries of Kemalism in Turkey*, in Sonn T. (ed.), *Islam and the Question of Minorities*. University of South Florida: Scholars Press, 1996. P. 347-351.
4. Kushner D. *The Rise of Turkish Nationalism*. London: Frank Cass, 1977. 126 p.
5. Çolak Y. Language Policy and Official Ideology in Early Republican Turkey. *Middle Eastern Studies*. 2004; Vol. 40, no. 6. P. 67-91.
6. Lewis B. *The Emergence of Modern Turkey*, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2002. 568 p.
7. Lewis G. *The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 208 p.
8. Atay F.R. Yazı, dil, kafa. Hakimiyet-i Milliye, 2 Ekim 1932. *Atay, F. R. Writing, language, mind. Hakimiyet-i Milliye*, October 2, 1932. (на тур.яз)
9. *Dil Yazıları I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yay.* Ankara: Turkish Language Institute Publication, 1988. 745 p. (на тур. яз)
10. Ertop K. Atatürk Devriminde Türk Dili, in Atatürk ve Türk Dili. Ankara: TDK, 1963. P. 53-102
11. Heyd U. *Language Reform in Modern Turkey. Oriental Notes and Studies*. Jerusalem: The Israel Oriental Society. 1954, 116 p.
12. Caymaz B., Szurek B. La révolution au pied de la lettre. L'invention de «l'alphabet turc». *European Journal of Turkish Studies*. 2007. Vol. 6. No. 6. P. 1-75 (на фр. яз)
13. Aytürk İ. Turkish Linguists Against the West: The Origins of Linguistic Nationalism in Atatürk's Turkey. *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40. No. 6. P. 1-25.
14. Mango A. *Atatürk*. London: John Murray, 1999. 666 p.
15. White J. *Islam and the Nation. Muslim Nationalism and the New Turk*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2013. 271 p.

References

1. Spolsky B. Language in its Social Context. *Journal of Baltic Studies. Special Issue: Baltic Sociolinguistic Review*. 2005; Vol. 36. No. 3. P. 254-272.
2. Türkiye Anayasası 1924. Teşkilâtı Esasiye Kanunu. *Constitution of 1924. The Basic Law of Organization*. 20/4/1340 (1924). № 491. <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: accessed 09.08.2022)
3. Güllalp H. *Islamism and Kurdish Nationalism: Rival Adversaries of Kemalism in Turkey*, in Sonn T. (ed.), *Islam and the Question of Minorities*. University of South Florida: Scholars Press, 1996. P. 347-351. (in Turk)
4. Kushner D. *The Rise of Turkish Nationalism*. London: Frank Cass, 1977. 126 p.
5. Çolak Y. Language Policy and Official Ideology in Early Republican Turkey. *Middle Eastern Studies*. 2004; Vol. 40, no. 6. P. 67-91.

6. Lewis B. *The Emergence of Modern Turkey*, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2002. 568 p.
7. Lewis G. *The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 208 p.
8. Atay F.R. Yazı, dil, kafa. *Hakimiyet-i Milliye*, 2 Ekim 1932. *Atay, F. R. Writing, language, mind. Hakimiyet-i Milliye*, October 2, 1932. (in Turk)
9. *Dil Yazıları I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yay.* Ankara: Turkish Language Institute Publication, 1988. 745 p. (in Turk)
10. Ertop K. Atatürk Devriminde Türk Dili, in *Atatürk ve Türk Dili*. Ankara: TDK, 1963. P. 53-102
11. Heyd U. *Language Reform in Modern Turkey. Oriental Notes and Studies*. Jerusalem: The Israel Oriental Society. 1954, 116 p.
12. Caymaz B., Szurek B. La révolution au pied de la lettre. L'invention de «l'alphabet turc». *European Journal of Turkish Studies*. 2007. Vol. 6. No. 6. P. 1-75 (in French)
13. Aytürk İ. Turkish Linguists Against the West: The Origins of Linguistic Nationalism in Atatürk's Turkey. *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40. No. 6. P. 1-25.
14. Mango A. *Atatürk*. London: John Murray, 1999. 666 p.
15. White J. *Islam and the Nation. Muslim Nationalism and the New Turk*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2013. 271 p.

Сведения об авторе

Жигульская Дарья Владимировна,

К.и.н., доцент ФГП МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

С.н.с. Института востоковедения РАН

107031, Москва, улица Рождественка, д. 12

e-mail: dvzhigulskaya@gmail.com

Information about the author

Daria V. Zhigulskaya

Candidate of Historical Sciences,

Assoc. Prof. Faculty of Global Studies

Lomonosov Moscow State University

119991, Moscow, Leninskiye Gory 1

Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS

107031, Moscow, Rozhdestvenka Street 12

e-mail: dvzhigulskaya@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Great Britain's society in Wei Yuan's treatise «Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms»

Общество Великобритании в трактате Вэй Юаня «Иллюстрированное описание иноземных государств»

Козлова Екатерина Андреевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

eakozlova_9@edu.hse.ru

[https://orcid.org/_____](https://orcid.org/)

Ekaterina A. Kozlova

National Research University «Higher School

of Economics», Moscow, Russia

Corresponding author: eakozlova_9@edu.hse.ru

[https://orcid.org/_____](https://orcid.org/)

УДК 945 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-78-87](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-78-87)

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию восприятия и характеристики общества Великобритании в историко-географическом трактате цинского географа и историка Вэй Юаня (魏源1794-1856) «Иллюстрированное описание иноземных государств» (海國圖志, «Хайго тучжи», 1847-1852). Автором статьи был выполнен перевод и анализ части источника (фрагменты глав (цзюаней) 51, 52, 53); в тексте дана характеристика ключевых особенностей британского социума в первой половине XIX в., нашедших свое отражение в источнике. Кроме того, автором также было приведено сопоставление определенных деталей общества Великобритании с китайскими реалиями того времени, в том числе в таких областях,

ABSTRACT

The presented article is devoted to the study of the perception and characteristics of British society reflected in the historical and geographical treatise of the Qing scholar Wei Yuan (魏源1794-1856) «Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms» (海國圖志, «Haigo tuzhi», 1847-1852). The author of the article translated and analyzed part of the source (fragments of scrolls 51, 52, 53); the article describes the key features of the life and traditions of the British society in the first part of XIX century, reflected in the source. Some details of Britain society of that time are compared with the Chinese realities of that time, including attitude to family and marriage, education system, features of teaching, etc.

как отношение к семье и браку, образование, особенности преподавания и др.

Ключевые слова: Китай, Великобритания, Вэй Юань, имагология, «Иллюстрированное описание иноземных государств», Опиумные войны.

Для цитирования: Козлова Е.А. Общество Великобритании в трактате Вэй Юаня «Иллюстрированное описание иноземных государств». *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-78-87>

Исследования в области имагологии начиная со второй половины XX в. становятся все более и более распространенными среди ученых гуманитарной направленности. Изучение представлений жителей одних стран о других является не только важным вкладом в понимание менталитета изучаемого общества, но и способствует лучшему пониманию развития международных отношений исследуемой эпохи. Рассматривая Китай середины XIX века, представляется интересным проанализировать то, как жители империи Цин представляли себе своего основного противника в ходе Опиумных войн (1840–1842, 1856–1860) — Великобританию. В данной статье автором предпринята попытка подобного анализа на материале важнейшего трактата рассматриваемой эпохи — «Иллюстрированного описания иноземных государств» (海國圖志, «Хайго тучжи», ХГТЧ) цинского ученого Вэй Юаня (魏源 1794–1856). Великобритания в трактате посвящено четыре главы (50–53); представлена информация обо

Keywords: China, Wei Yuan, «Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms», Great Britain, imagology, the Opium wars.

For citation: Kozlova E.A. Great Britain's society in Wei Yuan's treatise «Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms». // *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(3). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-78-87>

всех сферах жизни британского общества — от истории и географии до направлений в живописи и достижений в науке и техники. Для проведения исследования автором были выбраны фрагменты текста, посвященные обществу Великобритании.

1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Представляется интересным заметить то, что, говоря о чертах характера, свойственных народу, населяющему Британские острова, Вэй Юань отделяет жителей частей Великобритании друг от друга (в то время как ранее, описывая материальную культуру британцев, этот аспект зачастую не был прояснен). Так, например, жители острова Эрлань (то есть ирландцы), которых выше автор описал как невожатанных в отношении алкоголя, в другом фрагменте текста описаны как «щедрые и горячие». Шотландцы же, напротив, «грубы и непокорны», что, с точки зрения автора, возможно связано с климатом, поскольку до этого в тексте

представлен обширное описание скудной почвы и суровой погоды Шотландии. Тем не менее, в другом фрагменте текста автор высоко оценивает их способность вести дела и торговлю. При этом о характере валлийцев и собственно англичан ничего не сказано. Обобщая, автор пишет следующее: «Британцы храбры, редко болеют, ценят верность долгу». Тем не менее, важно подчеркнуть, что, отмечая разницу в менталитете, Вэй Юань не делает подробных различий в материальной культуре разных частей страны.

Автор отмечает следующие правила этикета британцев: «народ этой страны при встрече снимает шляпу в знак уважения, из уважения сами собой почтительно встают»; «благоговейно встают на колени и совершают земные поклоны только [молясь] Верховному владыке; даже если увидят короля, все равно не кланяются».

Касательно поклона главе государства (в Китае — императору) можно вспомнить эпизод с пребыванием при дворе императора Цяньлуна (1735–1796) британского посольства, которое возглавлял Джон Маккартни в 1792–1794 гг. Правительство Великобритании возлагало большие надежды на миссию Маккартни, поскольку планировало в числе прочего установить дипломатические отношения и добиться расширения торговых зон в Китае. Ради этой цели на Маккартни была возложена достаточно необычная для европейской традиции задача: совершить обряд 叩頭 коутоу (или же 三跪九叩 саньгуй цзюкоу). В ходе обряда посланник обязан был три раза встать на колени и 9 раз коснуться лбом пола перед императором — это

было старинной традицией и обязательным условием, которым должны были следовать дипломатические представители, прибывавшие в Китай, чтобы иметь возможность аудиенции с императором.

Следует вспомнить, что понятие ли (禮, «обряд», «ритуал») и приверженность этой категории — одно из центральных во всей китайской философии и, главным образом, в конфуцианстве. В эпоху Цин оно стало на официальном уровне главенствующим учением империи, а формула Конфуция «преодолеть себя и вернуться к ритуалу» с акцентом на второй части становится одним из основных лозунгов эпохи (Рысаков 2011, 141). Таким образом, можно сделать вывод о том, что ритуалы и обряды для китайского общества были важной и обязательной частью жизни.

Но, как правило, и европейцы, и русские (Ф. И. Байков, Ю. А. Головкин), попадая ко двору императоров, всячески уклонялись от коутоу и предпочитали отказаться от возможности личной аудиенции. Несмотря на то, что Маккартни все же пошел на выдвинутое условие, миссия провалилась. Император воспринимал этот обряд буквально, понимая под ним не дипломатическую вежливость, а прямое выражение верности и покорности. В другом случае, позднее, в 1816 году, при императоре Цзяцине (1796–1820) уже другой британский посланник, лорд Амхёрст, был выслан из Китая за отказ исполнить этот ритуал.

Таким образом, рассмотрев два эпизода взаимоотношений Китая и Великобритании, можно сказать, что для китайцев могла быть не

понятна мотивация британцев не кланяться императору (или, в случае Великобритании — королю или королеве), поскольку в Китае обряд коутоу являлся частью традиционного уклада жизни.

Интересно, что автор не упоминает обычай британцев пожимать руки при приветствии и прощании. Для Китая того времени подобный обычай являлся нонсенсом, поскольку прикосновения и телесный контакт возбуждались. Так, например, существовало несколько ритуалов приветствия, которые включали в себя различные жесты и поклоны, но не допускали касания другого человека (Вань Дань 2019, 4). В Китае рукопожатия в качестве приветствия стали повседневной частью этикета только после Синьхайской революции (1911–1912), когда китайское общество стало стремительно вестернизироваться.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ

Автор трактата сообщает о том, что в Великобритании есть три «разряда»: первый — знать, второй — ученые мужи, третий — простонародье. Вне зависимости от разряда все они отправляются служить. Далее, вероятно, следует понимать как военную, так и гражданскую службу, поскольку британская армия комплектовалась на добровольной основе. При этом солдатами были представители городской и сельской бедноты, а офицерами — мужчины благородного происхождения. При этом среди солдат была велика доля ирландского населения, о которых Вэй Юань далее пишет следую-

щее: «их [ирландцев] мужчины вступают в строй и становятся бойцами, упорно сражаются [с Британией] и никогда не отступают». Под сражениями с Великобританией следует понимать Ирландское восстание 1798 года, в ходе которого ирландцы пытались по примеру Соединенных Штатов Америки освободиться от власти англичан. Таким образом, можно предположить, что у Вэй Юаня имелись определенные знания о национальном вопросе в Великобритании.

В демографическом плане автор сообщает о том, что женщин больше, чем мужчин, а в отношении последних предлагается довольно интересное описание занятости:

«На каждые 100 человек трое из 10 — крестьяне, из 25 крестьян пятеро — землевладельцы; [на каждые 100 человек] шахтеров 1 из 10, заводских рабочих — 1 из 10, торговцев — двое из 10, остальные — вероучители, диаконы, лекари, военные, матросы». Можно заметить, что британское общество представлено как несколько более сложная социальная структура, чем три разряда, о которых было сказано ранее. К середине XIX века в стране уже произошла промышленная революция, активно формировались новые социальные группы (в частности, рабочие — шахтеры, заводские работники и др.)

Вэй Юань также указывает на то, что страна густонаселена, и некоторые жители вынуждены переезжать в США искать работу.

О шотландцах сказано, что они изо дня в день занимаются грабежом. Упоминание

грабежей, определенно, формирует негативное восприятие этого этноса, вкупе с уже упоминавшейся грубостью и непокорностью, однако стоит помнить, что свою информацию Вэй Юань зачастую получал из проанглийски настроенных источников, созданных миссионерами.

В Ирландии ситуация несколько другая: «Столица Ирландии — Дублин, жителей — 200 000 человек, народ не любит торговать, лишь занимаются возделыванием земли, прилежно обучаются». На наш взгляд, в этом фрагменте можно заметить противоречие между населением Дублина и желанием заниматься сельским хозяйством: при таком уровне населенности это маловероятно, а потому, возможно, здесь в данные Вэй Юаня могла вкрасться ошибка.

Можно также заметить, что с XVII века ткацкая промышленность Ирландии испытывала давление Англии и постепенно в стране стал преобладать исключительно аграрный сектор (Райнерт 2016, 129), что и отмечает Вэй Юань.

3. ОПИСАНИЕ ЖЕНЩИН В ТРАКТАТЕ И ОТНОШЕНИЕ К БРАКУ

Как уже упоминалось, говоря о демографическом составе населения Великобритании, Вэй Юань пишет о том, что женщин в стране больше, чем мужчин (не приводя какое-либо обоснование или статистику). В целом, говоря об описании женщин, можно сказать, что в тексте трактата британки выглядят довольно эмансипированными и более свободными в правах, чем это было в реальности (Андрианова, Рокина 2017, 6): «брак [закljučаются] непременно по собственной во-

ле мужчины и женщины»; «женясь, не прибегают к услугам свахи»; «женщина сама решает, будет ли вступать в брак, о согласии же сообщает родителям», «Отец и мать, [распределяя] имущество, сыновьям и дочерям [выделяют] равную долю; нельзя [отдавать] сыновьям больше и дочерям меньше». Автор также упоминает о том, что женщины обучаются искусству, литературе, вышиванию, пению и танцам, руководят школами для детей. В то же время он пишет о том, что в стране много публичных женщин. Можно предположить, что таким образом автор выказывает пренебрежение подобной свободе женщин, поскольку на момент написания трактата Китай являлся глубоко патриархальной страной, а уже упоминавшийся обычай бинтования ног делал невозможным какую-либо активную деятельность для женщины (Синецкая 2019, 89). Более того, автор пишет о том, что существуют праздники, на которые девушки из богатых и знатных семей обязаны приходить наряженными, петь, танцевать, получая удовольствие от этого. На наш взгляд, такая черта британского общества для Китая того времени могла представлять собой абсолютный нонсенс, поскольку граница «дозволенного» для женщин была обозначена (Синецкая 2019, 79), и говорить об удовольствии или развлечениях в контексте китайских женщин того времени довольно сложно.

Автор упоминает о запрете многоженства и содержании наложниц, объясняя это постулатом христианства: «Поскольку изначально Верховный Владыка создал только одного мужчину и только одну женщину, по этой причине нельзя брать в жены двух женщин, а также

разводиться с женой». Указывается, что незаконнорождённые дети «обязательно воспитываются»: вероятно, имелось в виду то, что они воспитываются наравне с другими детьми в семье.

В тексте упоминается заключение помолвки, после которой, как сообщает Вэй Юань, молодым позволено общаться друг с другом, дабы узнать характер друг друга. В некотором смысле этот аспект похож на ситуацию в Китае: как правило, до свадьбы молодожены ни разу не виделись (Синецкая 2019, 108). Далее автор сообщает следующее: «Только тогда собирают друзей и родных обеих семей, едут в молитвенный зал, приглашают наставника в делах веры, молятся Верховному владыке, после чего становятся супругами». Жена самолично должна со всем имуществом, собственностью, драгоценностями переехать в дом своего мужа, сохранять верность ему всю жизнь». Здесь можно отметить традицию собирать невесте приданое к свадьбе, которая существовала и в Китае.

Интересно следующее замечание автора трактата: «Часто мужчины никогда не женятся на протяжении всей своей жизни, а женщины никогда не выходят замуж». Вероятно, в данном случае речь не обязательно идет о монахах и монахинях, обязанных соблюдать целибат, автор вполне мог писать о холостяках и старых девах. Тем не менее, данная черта британского общества также представляется несколько гиперболлизированной («часто»), поскольку добровольный отказ от брака в китайском обществе был бы неприемлемым и даже небольшое

количество таких людей могло восприниматься как повсеместно распространенное явление. Следует отметить, что в Китае традиционно существовал культ продолжения рода (Синецкая 2019, 267), большое значение придавалось почитанию культа предков, а сыновняя почтительность, 孝 сяо, является одной из основных категорий конфуцианства. Можно также вспомнить сюжет известного китайского романа XVII века «Цветы сливы в золотой вазе»: главный герой, погрязший в пороках и грехах, несмотря на наличие шестерых жен, наказан тем, что у него нет наследника, а единственный выживший сын, в конце концов, рождается у благочестивой и доброй Юэнян»¹. В то же время в Великобритании, например, существовала целая прослойка образованных девушек из небогатых семей, вынужденных работать гувернантками в богатых домах, обучая детей, в частности, иностранным языкам, и некоторые из них оставались незамужними до конца жизни. На наш взгляд, в этом отрывке текста можно увидеть, насколько различным были взгляды на семью в Великобритании и Китае, поскольку работающая девушка в Китае даже в начале XX века была бы позором семьи (Синецкая 2019, 102).

Примечательно при этом также то, что у нас нет сведений о том, что сам Вэй Юань был женат и у него были дети. Известно, однако, что в конце жизни он полностью посвятил себя буддизму (Leonard 1984, 30).

¹ Цветы сливы в золотой вазе. https://librebook.me/cvety_slivy_v_zolotoi_vaze__ili_czin_pin_mei (дата обращения 10.06.2022)

4. ОБРАЗОВАНИЕ

В тексте трактата образование в Великобритании описывается как всеобщее (доступное как для мужчин, так и для женщин), а также нет упоминаний о каких-либо ограничениях по происхождению: в государстве «все без различий мужчины и женщины изучают искусство и литературу, владеют поэзией и живописью, вместе с тем искусно вышивают». В Китае же женщины не могли учиться в школах и академиях, получали только домашнее образование и не допускались до сдачи экзаменов (Мао 1998, 43-45). В то же время, говоря о женском образовании, нужно отметить, что в Китае уже в эпоху Сун (960–1279) появились первые квалифицированные врачи-женщины, поскольку мужчинам не разрешалось осматривать знатных пациенток². В это же время в Англии женщины добились возможность получения высшего медицинского образования только во второй половине XIX века усилиями суфражисток.

Обязательным и финансируемым государством британское образование стало только во второй половине XIX века, поэтому автор упоминает о том, что часть учеников платят сами, другие получают пожертвования (то есть стипендии на обучение), а за некоторых платит государство.

Представляется интересным сравнить то, что Вэй Юань пишет об образовании в Великобритании, с той информацией, которой мы располагаем об образовании в Китае. Автор отмечает, что мальчики и девочки начинают учиться с пяти лет (в Китае обычно с семи), изучают «Священный канон», историю Велико-

британии и др. После достижения 14–15 лет они могли выбрать одно из следующих занятий на всю жизнь: государственная служба, земледелие, медицина, ремесло или торговля. В современном автору Китае в сфере образования не уделяли должного внимания естественно-научным и инженерным отраслям знания, делая акцент на конфуцианских канонах и классике. Скорее всего, поэтому в описании британского образования они тоже не упоминаются. Автор упоминает о том, что государственных школ существовало 38 тысяч, однако, как и в Китае, помимо государственных школ существовали и частные пансионы.

Весьма необычно то, что до автора трактата, судя по всему, дошла информация о британских университетах, в частности об Оксфорде. В следующем замечании: «В университетах этой [страны] хранится 60 000 книг, обильными кушаньями кормят [студентов, которые] непременно должны овладеть искусствами». Здесь можно заметить намек на довольно известные библиотеку и трапезную одного из ведущих университетов Великобритании.

На наш взгляд, также интересно то, что автор оставляет заметки об обучении конкретным профессиям:

Правоведение

Юристы и медики — единственные, кому (по данным Вэй Юаня) необходимо сдать экзамен перед началом деятельности («Их стряпчие изучают законы и статуты, затем сдают экзамены»). Это обстоятельство несколько роднит обучение британских стряпчих с китайской тра-

дицией. Во-первых, китайская традиция предполагала заучивание учениками пласта текстов. Во-вторых, автор пишет следующее: «[Изучение] уложения о наказаниях и математики — подобно [китайскому опыту обучения]».

Вероучение

Вэй Юань уделяет внимание и обучению священнослужителей, вероятно, потому что это был один из основных слоев европейцев, прибывающих в Китай: «[Они] непременно изучают наречие трех-четырех государств, постигают каноны и способны [заниматься] литературным творчеством, овладевают системой летоисчисления, постигают произведения астрономических наблюдений, после чего могут наставлять [других] людей». Возможно, он имел в виду миссионеров, которые хорошо владели иностранными языками и умели хорошо излагать на письме мысли, поскольку, опираясь на их труды, автор трактата смог существенно расширить свою источниковедческую базу.

Медицина

На наш взгляд, это наиболее интересный раздел, поскольку китайская традиционная медицина довольно сильно отличается от европейской. Она испытала сильное влияние даосизма, в числе основных её положений были, в частности, тезис о единых для природы и человека законах природы, а также о человеческом теле как о макрокосме. Так, например, в Китае были очень слабо развиты хирургия и анатомия, долгое время существовал запрет на вскрытие тел умерших, поэтому Вэй Юань

подробно описывает занятия студентов анатомией: «Те студенты, которые изучают медицину, помимо больницы, также имеют помещение, где хранятся человеческие тела, кости, конечности и корпус, мускулы и сосуды всего тела; побуждают входящих в помещение наблюдать [за телами], чтобы, узнав причину заболевания, [они] применяли лекарство верным способом». Практиковать врачи, как и стряпчие, могли только после сдачи экзаменов.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом можно сказать, что, во-первых, упоминая некоторые черты характера жителей Британских островов, Вэй Юань разделяет между собой жителей Шотландии и Ирландии, наделяя их, тем не менее, не самыми положительными характеристиками. Во-вторых, в тексте есть информация о «разрядах» британского общества, присутствует краткая сводка о количестве занятых в различных отраслях. В-третьих, британки описаны несколько преувеличенно эмансипированными и свободными в правах, что резко контрастировало с положением женщин в Китае, особенно в том, что касалось незамужних женщин и холостяков. Британские браки в тексте Вэй Юаня также довольно сильно отличались от системы, которая существовала в Китае. Наконец, автором дано обширное описание образовательной системы Великобритании с отдельными замечаниями, касающимися обучения различным профессиям. По итогам исследования, приведенного в статье, было показано, что анализ характеристик британского общества, отраженных в трактате Вэй Юаня, позволяет в сравнении

лучше понять особенности жизни и менталитета китайцев того времени, что играет важную роль в комплексном анализе общественных процессов в Китае 1-ой половины XIX века.

Список литературы

1. Вэй Юань. (魏源) Иллюстрированное описание иноземных государств. Свиток 51. (海国图志。卷51).
<https://zh.m.wikisource.org/wiki/海國圖志/卷051> (дата обращения: 10.03.2021) (на кит.яз.).
2. Рысаков А.С. Основные тенденции в конфуцианстве эпохи Цин. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011; Т.12 (1). С. 133-144.
3. Ван Дань. Эволюция китайского этикета приветствия до Синьхайской революции. Общество: философия, история, культура. 2019; №8 (64). С. 1-7.
4. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. В. Автономовой; под ред. В. С. Автономова. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
5. Андрианова В.А., Рокина Г.В. «Плохая Англия» – обратная сторона викторианского общества второй половины XIX века. Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017; №.3 (11). С. 5-17.
6. Синецкая Э.А. Путешествие китайской женщины на Запад или феминизм в Ки-

тае. Москва: Институт Востоковедения РАН; Нестор-История, 2019.

7. Leonard J.K. Wei Yuan and China's rediscovery of the maritime world. London: The Council on East Asian Studies at Harvard University, 1984.
8. Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. Москва: Вост. лит., 2009.

References

1. Wei Yuan. (魏源) Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms. Scroll 51. (海国图志。卷51).
<https://zh.m.wikisource.org/wiki/海國圖志/卷051> (accessed: 10.03.2021) (In Chin.).
2. Rysakov A.S. Major trends in Qing era Confucianism. Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. 2011; Vol.12. (1). pp. 133-144. (In Russ.)
3. Wang Dan. The evolution of Chinese greeting etiquette before the Xinhai Revolution. Society: philosophy, history, culture. 2019; No.8 (64). pp. 1-7. (In Russ.)
4. Reinert E.S. How rich countries got rich... And why poor countries stay poor / trans. from English by N. V. Avtonomova; ed. by V. S. Avtonomov. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. (In Russ.)
5. Andrianova V.A., Rokina G.V. «Bad England» is the flip side of Victorian society in the second half of the 19th century. Vestnik of Mari State

- University. Series "Historical Sciences. Legal Sciences". 2017; No.3 (11). pp. 5-17. (In Russ.)
6. Sinetskaya E.A. The Journey of a Chinese Woman to the West or Feminism in China. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS; Nestor-Istoriya, 2019. (In Russ.)
 7. Leonard J.K. Wei Yuan and China's rediscovery of the maritime world. London: The Council on East Asian Studies at Harvard University, 1984.
 8. Spiritual culture of China: an encyclopedia. In 5 vols. Vol. 5. Science, technical and military thought health care and education / ed. by M. L. Titarenko, A. I. Kobzev, A. E. Lukyanov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. (In Russ.)

Информация об авторе

Козлова Екатерина Андреевна

Студентка 4 курса Факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

eakozlova_9@edu.hse.ru

Information about the Author

Ekaterina A. Kozlova

4th year student of the Faculty of World Economy and World Politics

National Research University Higher School of Economics

eakozlova_9@edu.hse.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

The image of Wu Ze-tian (624-705) as an "incompetent ruler" in the "Old Book [on the] Tang" and "New Book [on the] Tang"

Образ У Цзэ-тянь (624–705) как «плохого правителя» в «Старой книге [об эпохе] Тан» и «Новой книге [об эпохе] Тан»

Скрыпник Екатерина Сергеевна

Институт востоковедения РАН

Автор, ответственный за переписку:

esskrypnik@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2707-3085>

Ekaterina S. Skrypnik

Russian Academy of Sciences

Corresponding author: glaylaa@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3832-0934>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-88-107](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-88-107)

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ глав «Основных записей» (Бэнь цзи 本紀) «Старой книги [об эпохе] Тан» (Цзю Тан шу 舊唐書) и «Новой книги [об эпохе] Тан» (Синь Тан шу 新唐書), а также фрагментов «Биографий императриц [и наложниц]-фэй», посвящённых единственной женщине-императору Китая У Цзэ-тянь; делается вывод о соответствии образа императрицы характерному для традиционной китайской историографии стереотипу «плохого правителя». Рассматривается письмо знаменитого поэта и государственного деятеля эпохи Тан Ло Бинь-вана 駱賓王 (626–?), содержащее осуждение деятельности У Цзэ-тянь; на его примере показывается, что отдельные элементы данного стереотипа использовались уже современниками правительницы, критично

ABSTRACT

In this work we analyze the chapters of the "Basic Records" (Ben ji 本紀) of the "Old Book [of] Tang" (Jiu Tang shu 舊唐書) and the "New Book [of] Tang" (Xin Tang shu 新唐書), as well as fragments of the "Biographies of Empresses [and] Concubines", dedicated to the only female emperor of China, Wu Ze-tian; I make the conclusion that the image of the empress corresponds to the traditional Chinese historiographic stereotype of a "bad ruler". I also examine the letter of the famous poet Lo Bin-wang 駱賓王 (626–?) which condemns the activities of Wu Ze-tian; this letter shows that certain elements of a "bad ruler" stereotype were used by the contemporaries of the empress. In this study I used textological methods, including the method of structural analysis of texts in classical Chinese, and the comparative method to identify

настроенными к ней. При работе с текстами использовались текстологические методы, в том числе метод структурного анализа текстов на вэньяне; благодаря использованию сравнительного метода удалось выявить общее и особенное в образах У Цзэ-тянь, созданных авторами обеих «Книг [об эпохе] Тан».

Ключевые слова: У Цзэ-тянь, У Чжао, Цзю Тан шу, Синь Тан шу, эпоха Тан, Великое Чжоу

Для цитирования: Скрыпник Е.С. Образ У Цзэ-тянь (624–705) как «плохого правителя» в «Старой книге [об эпохе] Тан» и «Новой книге [об эпохе] Тан». *Современные востоковедческие исследования.* 2022; 4 (3). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-88-107>

Одним из наиболее ярких персонажей средневековой китайской истории является императрица У Чжао 武曌 (624–705), более известная в историографии как У Цзэ-тянь 武則天. Она стала первой и единственной женщиной, обладавшей титулом императора *хуан-ди* 皇帝 и основавшей новое государство — Великое Чжоу (Да Чжоу 大周, 690–705).

Известно, что мнение представителей образованного слоя традиционного китайского общества по поводу успехов У Цзэ-тянь на стезе государственного управления не отличалось позитивностью. Это неудивительно — ведь традиционная китайская культура не предпо-

the general and the special in the images of Wu Ze-tian, created by the authors of *Jiu Tang Shu* and *Xin Tang Shu*.

Keywords: Wu Ze-tian, Wu Zhao, *Jiu Tang Shu*, *Xin Tang Shu*, Tang dynasty, the Great Zhou

For citation: Skrypnik E.S. The image of Wu Ze-tian (624-705) as an "incompetent ruler" in the "Old Book [on the] Tang" and "New Book [on the] Tang". // *Modern oriental studies.* 2022; 4 (3). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-88-107>

лагала для женщины возможности обретения реальной политической власти¹. В этой связи особый интерес представляет отношение к особенностям правления и личным качествам У Цзэ-тянь конфуцианских учёных-историографов, создателей «Старой книги [об эпохе] Тан» (*Цзю Тан шу* 舊唐書; далее — *ЦТШ*) и «Новой книги [об эпохе] Тан» (*Синь Тан шу* 新唐書; далее — *СТШ*)², и по сей день остающихся одними из основных источников по изучению данного периода истории Китая. Мы посмотрим, соответствует ли образ У Цзэ-тянь в «Книгах [об эпохе] Тан» (далее — *ТШ*) характерному для традиционной китайской историографии стереотипу «плохого правителя» — антипода идеального

¹ Тем не менее в истории Китая есть немало примеров, когда во главе государства стояла женщина, правившая в качестве регента от лица малолетнего (как правило) наследника престола. Среди наиболее известных — императрицы Люйхоу 呂后 (Люй Чжи 呂雉, 241–180 до н. э., прав. 188–180 гг. до н. э.) и Цы-си 慈禧 (1835–1908).

² Входят в число «двадцати четырёх историй» (эр ши сы ши 二十四史). *ЦТШ* была завершена к 945 г., составитель — Лю Сюй 劉煦 (887–946); *СТШ* была составлена в 1045–1060 гг. группой учёных под общей редакцией Оуяна Сю 歐陽修 (1007–1072) и Сун Ци 宋祁 (998–1061).

правителя, «правителя просвещающего» (*мин цзюнь* 明君).

Основные составляющие данного стереотипа были выделены американским китаистом А. Ф. Райтом (A. F. Wright). Рассуждая о негативных образах монархов, зафиксированных в традиционной китайской историографии, исследователь указывает, что репрезентативным в этом смысле является образ последнего правителя Шан 商 (XIV–XI вв. до н. э.) Чжоу Синя 紂辛 (XI в. до н. э.) (Wright 1960, p. 61). На основании изучения биографий Чжоу Синя, содержащихся в «Каноне записей» (*Шу цзин* 書經)³ и «Исторических записках» (*Ши цзи* 史記)⁴, исследователь выделяет следующие характеристики, присущие «плохому правителю» (*bad ruler*): пренебрежительное отношение к министрам и чиновникам; благосклонность к льстецам и коррумпированным чиновникам; бесщадность по отношению к страданиям народа; необоснованное и несвоевременное взимание налогов; суровые законы и жестокие наказания; пренебрежительное отношение к законам справедливым; пьянство; пристрастие к дорогим вещам; возведение экстравагантных сооружений; лень, стремление предаваться удовольствиям вместо того, чтобы заниматься государственными делами; похоть, сексуальные излишества; оргии, неподобающее сексуальное поведение; садизм; увлечение неподобающей музыкой; фаворитизм; неподобающее поведение по отношению к родителям, братьям, супругам,

родственникам по материнской и отцовской линиям; недостаток церемониального уважения к Небу, духам и предкам; пристрастие к колдовству или "еретическим" религиозным практикам (Wright 1960, p. 62).

Нам кажется интересным рассмотреть биографию императрицы У на предмет соответствия образу *bad ruler* в отрыве от половой принадлежности У Цзэ-тянь. Для решения этой задачи мы рассмотрим главы «Основных записей» (*Бэнь цзи* 本紀, далее — *Записи*) обеих «Книг [об эпохе] Тан», а также посвящённый У Цзэ-тянь фрагмент главы «Биографии императриц [и наложниц-]фэй» (Далее — *Биографии*) из *СТШ*.

1. Пренебрежительное и оскорбительное отношение к министрам и чиновникам

Посвящённая У Цзэ-тянь глава *Записей ЦТШ* не содержит информации о том, чтобы У Цзэ-тянь оскорбляла своих министров, тем не менее там наличествует множество упоминаний о том, как тот или иной сановник был сослан или убит. Если же обратиться к биографиям пострадавших сановников, можно заметить, что большинство из них подверглось репрессиям именно за то, что осмелилось высказывать императрице недовольство ее политикой. Рассмотрим в качестве примера сообщения о смерти танских министров Пэй Яня и Вэй Сюань-туна в *Записях*:

Был убит *нэй-ши*⁵ Пэй Янь (Лю 1975, с. 117).

³ Филип Один из важнейших письменных памятников Древнего Китая.

⁴ Сводный исторический труд, охватывающий период с легендарной древности до II в. до н. э. Составлен знаменитым историографом Сы-ма Цянем 司馬遷 (145–87 ? до н. э.).

⁵ Нэй-ши 內史 («внутренний чиновник») – с 684 г. то же, что чжун-шу-лин 中書令 («начальник над срединными документами») – глава Приказа срединных документов Чжун-шу-шэн 中書省. Занимался проработкой, изданием и провозглашением указов императора (Рыбаков 2009, с. 250; Оуян 1975, с. 1210–1214).

На-янь⁶ Вэй Сюань-тун был пожалован смертью дома (Оуян 1975, с. 117).

Биографии же Пэй Яня и Вэй Сюань-туна более подробно говорят об этих событиях:

[Вэй] Сюань-тун искони с Пэй Янем завязали [дружеский] союз ... Однако с жестоким чиновником Чжоу Сином⁷ [они] не [были в] согласии. В начале [годов правления под девизом] Юн-чан⁸ [были] вовлечены Чжоу Сином [в неприятности], [Чжоу Син] сказал, [что будто бы] Сюань-тун молвил: «Тай-хоу⁹ уже стара! Надобно восстановить [на троне] августейшего преемника»¹⁰. Тай-хоу услышала это, разгневалась, тогда пожаловала [Сюань-туна] смертью дома (Лю 1975, с. 2853).

Таким образом, Вэй Сюань-тун был оговорён министром Чжоу Сином. О том, что Пэй Янь также был казнён, в этом фрагменте не говорится, да и в целом создаётся впечатление, что вина сановника заключалась лишь в дружбе с неосторожным Вэй Сюань-туном. Однако далее авторы хроник дополняют рассказ коммен-

тарием, из которого становится понятно, что на самом деле разгневало императрицу:

... [Пэй Янь] напрасно увещевал [У Цзэ-тянь] в донесениях, бывало ли, чтобы [подобное] помогло делу? (Лю 1975, с. 2857–2858)

Таким образом, в случае если У Цзэ-тянь чувствовала, что упреки чиновника представляют для неё опасность, она тем или иным способом избавлялась от него, понижая в должности, отправляя в ссылку либо приговаривая к казни. *Записи ЦТШ* содержат лишь краткие упоминания об этом, а более полные сведения можно найти в биографиях конкретных чиновников.

Записи СТШ также лаконично сообщают нам о многочисленных убийствах министров. Что же до биографии У Цзэ-тянь, то она несколько более репрезентативно показывает отношение правительницы к своим сановникам. Так, в период мятежа Сюй Цзин-е¹¹ У-хоу высказалась следующим образом:

⁶ На-янь 納言 («подносящий речи») – в 684–705 гг. то же, что ши-чжун 侍中 («служитель середины») – глава Привратного приказа (Мэнь-ся-шэн 門下省), выполнявшего функции императорской канцелярии (Рыбаков, 2009, с. 239–248; Оуян, 1975, с. 1205–1210).

⁷ Чжоу Син 周興 (?–691) – танский сановник, входивший в число т. н. «жестоких чиновников» ку-ли 酷吏.

⁸ 01.01.689–17.12.689.

⁹ Тай-хоу 太后 «Вдовствующая императрица» – мать царствующего императора (Рыбаков 2009, с. 286).

¹⁰ Чжун-цзун (Ли Чжэ), находившийся под влиянием своей супруги, императрицы Вэй, пытался поставить на важные государственные должности её родственников, что категорически не устраивало У Цзэ-тянь. Получив поддержку ряда министров, в том числе Пэй Яня, У Цзэ-тянь лишила императора престола и поставила на его место другого своего сына, слабохарактерного Ли Даня 李旦 (662–716, прав. 684–690, 710–712). Во время описываемых событий опальный Ли Чжэ именовался «императорским преемником».

¹¹ Сюй Цзин-е 徐敬業 (636–684) – танский сановник; в 684 г. поднял восстание, целью которого было восстановление на престоле бывшего императора Ли Чжэ. Вскоре восстание было подавлено, а Сюй Цзин-е – обезглавлен (Оуян 1975, с. 3822–3824).

Ныне из тех, кто возглавляет воинов, все генералы да министры — отчего [же] вижу, что [если нужно] опереться в этом [на вас — вы] пугаетесь?! К тому же получившим оставленное [предсмертное повеление императора] старым подданным и прямым слугам [разве] трудно сдержать появление подобным Пэй Яню? Потомственные генералы [разве] способны примкнуть к забывшим [о небесном] предопределении, подобным Сюй Цзин-е? Бывалые генералы, искусные в бою, [разве] подобны Чэнь У-тину¹²? Те, все выдающиеся люди, не принесли пользы Нам, [потому] Мы [стали] способны умертвить их. Вы, господа, талантом превосходите тех блох, делать так, [как они], не верно. Почтительно служите Нам делами — и не оставите [после себя] Поднебесной [повода для] насмешек (Оуян 1975, с. 3479).

Подобное отношение императрицы к своим министрам сложно назвать уважительным — напротив, она стремится утратить и унижить их. Таким образом, данный элемент образа «плохого правителя», определённо, был, с точки зрения авторов летописей, присущ У Цзэ-тянь.

2. Благоклонность к льстецам и коррумпированным чиновникам

Записи ЦТШ не содержат конкретных указаний на то, что У Цзэ-тянь благоволила коррумпированным чиновникам и льстецам. Более того, там даже есть факты, оповещающие нас о том, что императрица стремилась бороться с коррупцией, например:

*Фэн-гэ ши-лан*¹³ Чжан Си¹⁴ сел [в тюрьму за] взяточничество, [а после был] сослан [в] Сюньчжоу¹⁵ [8, 1975, с. 130].

То же можно сказать и о *Записях СТШ*. Биография же императрицы утверждает, что У Цзэ-тянь хоть и преследовала тех, кто каким-то образом навредил ей, но к службе привлекала также добродетельных и честных. С другой стороны, там наличествует и такая впечатляющая история:

Имелся запечатанный [доклад] Высочайшему о делах, [в котором] говорилось о замышляющих измену из сосланных в Линнань¹⁶. *Тай-хоу* командировала временно [занимающего должность] *ю тай цзянь-ча юй-ши*¹⁷ Вань Го-цзюня¹⁸ немедленно подавить [их], по [этому поводу]

¹² Чэнь У-тин 程務挺 (?–684) – танский военачальник. Казнён в 684 г. за поддержку Пэй Яня.

¹³ Фэн-гэ ши-лан 鳳閣侍郎 «служитель-придворный Фениксовых палат» — в 684–705 гг. то же, что чжун-шу ши-лан 中書侍郎 («служитель-придворный [Приказа] срединных документов») — помощник руководителей Приказа срединных документов.

¹⁴ Чжан Си 張錫 (?–?) — танский сановник и литератор.

¹⁵ В совр. пров. Гуандун.

¹⁶ Линнань 嶺南 (досл. «к югу от хребтов») — область к югу от Пяти хребтов (Юэчэнлин 越城嶺, Дупанлин 都龐嶺, Мэнчжулин 萌渚嶺, Цитяньлин 騎田嶺, Даюйлин 大庾嶺), охватывающая территории совр. пров. Хайнань и Гуандун, Гуанси-чжуанского АР, частично – пров. Хунань и Цзянси.

¹⁷ Цзянь-ча юй-ши 監察御史 «инспектирующий-расследующий державный чиновник» — чиновник Платформы державных чиновников Юй-ши-тай 御史臺, задачей которого была проверка на местах деятельности начальников административных единиц, военных чиновников, разбор судебных дел и т. д. (Оуян 1975, с. 1239).

¹⁸ Ван Го-цзюнь (7 в.) – танский сановник, один из «жестоких чиновников» (Лю 1975, с. 4845).

навести справки, обрести подлинные [сведения] и немедленно рассудить о решении. Го-цзюнь добрался до Гуанчжоу, в полной мере призвал ссыльных людей, искажил [императорский] декрет, [будто бы] жаловавший [им] самоубийство, все навзрыд плакали, не подчинялись, Го-цзюнь погнал их к речной излуине, чтобы [они] не обрели [спасение], ускользнув; в один день умертвил 300 с лишним [человек]. И вот клеветнически доложил о [том, что] ссыльные таят обиду, просил [разрешить] полностью искоренить это. Тогда *тай-хоу* командировала *ю вэй-и фу бин цао цань-цзюня*¹⁹ Лю Гуан-е²⁰, *сы-син пин-ши*²¹ Ван Дэ-шоу, *юань нань мянь цзянь чэна*²² Бао Сы-гуна, *шан-нянь чжи-чжана*²³ Ван Дачжэня, *ю вэй-и бин фу бин цао цань-цзюня*²⁴ Цюй Чжэнь-юня, все [они] временно [заняли должности] *цзянь-ча юй-ши*, раздельно направились в Цзяньнань²⁵,

Цяньчжун²⁶, Аньнань²⁷ и подобные шесть округов, чтобы допросить [и] расследовать, чтобы [в случае положительной оценки] продвинуть Го-цзюня [на должность] *цзо-тай сы-юй-ши*²⁸. Гуан-е и подобные также надеялись [обрести] заслуги [перед] Высочайшим, единственно опасались малого [количества] убитых людей. Тех, кого убил Гуан-е, насчитывалось 900 человек, Дэ-шоу убил 700 человек, а остальные, [кроме] них, — не менее 500 человек. *Тай-хоу* только [спустя] долгое [время] провела об их несправедливых обидах, приказала вернуть тех, кого убили посланцы шести округов, их семьям. Го-цзюнь и подобные также, следуя друг за другом, умерли, все увидели, что были [конкретные] твари, которые совершили [эти] зверства! (Оуян 1975, с. 3482).

¹⁹ Ю вэй-и фу бин-цао цань-цзюнь 右衛翊府兵曹參軍 «участвующий [в решении] военных [вопросов] армейского департамента управы левой гвардии, покрывающей [защищающими] крыльями» — военный чиновник (Чжао 1999, с. 28).

²⁰ Лю Гуан-е, Ван Дэ-шоу, Бао Сы-гун, Ван Да-чжэнь, Цюй Чжэнь-юнь — танские сановники. В ЦТШ и СТШ упоминаются в числе «жестоких чиновников» (Лю 1975, с. 4837–4863).

²¹ Сы-син пин-ши 司刑評事 «оценивающий дела из [Ведомства] управления наказаниями» — в 684–705 гг. то же, что «оценивающий дела из [Ведомства] великого упорядочения» Да-ли пин-ши 大理評事 — служащий, задачей которого было проведение расследования на местах (Лю 1975, с. 1862).

²² Юань-нянь-мянь-цзянь чэн 苑南面監丞 «помощник [из] Инспекции по южной стороне парков» — чиновник Инспекции по четырём сторонам парков Юань-сы-мянь-цзянь 苑四面監, занимавшейся вопросами поддержания в хорошем состоянии парков и садов, расположенных вне столицы по четырём сторонам света (Рыбаков 2009, с. 328; Оуян 1975, с. 1262).

²³ Шан-нянь чжи-чжан 尚輦直長 «непосредственный старший [по делам] высочайших экипажей» — чиновник Бюро высочайших экипажей Шан-нянь-цзюй 尚輦局. Ведомство занималось средствами передвижения, которыми император пользовался для перемещений по «дворцовому городу» гун-чэн 宮城, а также веерами, зонтами и опахалами (Рыбаков 2009, с. 273; Оуян 1975, с. 1220).

²⁴ Ю вэй-и фу бин-цао цань-цзюнь 右衛翊府兵曹參軍 «участвующий [в решении] военных [вопросов] армейского департамента управы левой гвардии, покрывающей [защищающими] крыльями» — военный чиновник (Чжао 1999, с. 28).

²⁵ В совр. пров. Сычуань.

²⁶ В центральной части совр. пров. Гуйчжоу.

²⁷ В северной части совр. Вьетнама.

²⁸ Цзо-тай сы-юй-ши 左臺侍御史 («служащий державный чиновник левой платформы») — служащий левой ветви Платформы державных чиновников. Разделение Платформы державных чиновников на две ветви было осуществлено в 684 г.

Данная история, во-первых, намекает, что У Цзэ-тянь с завидным постоянством ставила на важные должности тех, чьи личные качества не только не соответствовали этим должностям, но и в целом были недопустимы для добродетельных чиновников. Обращает на себя внимание и уверенность посланников в кровожадности императрицы и желании умертвить как можно большее число людей. Тем не менее, узнав о несправедливо пострадавших, У Цзэ-тянь наказала виновников. Таким образом, можно сделать вывод о том, что пристрастие к негодным служащим было, с точки зрения авторов *СТШ*, скорее не характерно для У Цзэ-тянь.

3. Бессердечность по отношению к страданиям народа.

В *Записях ЦТШ* упоминаний о таких прецедентах обнаружить не удалось. Биография же У Цзэ-тянь в *СТШ* рассказывает нам об инициативе правительницы, которая, с точки зрения летописцев, должна была повысить её популярность среди населения:

Императрица желала внешне проявить мягкость-снисходительность, украсть сердца людей, чтобы обернуть их на свою [сторону], тогда доложила императору: «Сегодня множество сановников принимает половину жалования, у простолюдинов учитывают «рты [и] монеты»²⁹, чтобы содержать пограничные войска,

боюсь ситуации с незаконной торговлей в четырёх сторонах, прошу сразу же прекратить это» (Оуян 1975, с. 3477).

Есть и другие примеры — так, императрица приказала установить специальные урны для писем, так что с тех пор все желающие могли представить императрице как свои идеи о государственном управлении, так и пожаловаться на несправедливое отношение со стороны чиновников (Оуян 1975, с. 3478). Таким образом, в равнодушии к страданиям народа авторы хроник правительницу не упрекают.

4. Необоснованное и несвоевременное взимание налогов и трудовых повинностей

Единственное сообщение в *Записях ЦТШ*, которое можно отнести к этому пункту, говорит следующее:

Лян-ван У Сань-сы³⁰ убедил возглавляющих всех инородцев вождей и старейшин подать доклад [императору] с просьбой [в] великих [объёмах] собрать налоги, [чтобы] в Дунду³¹ [из] меди [и] железа изваять «Небесную ось», за воротами Дуаньмэнь установить [«Небесную ось» с] восхвалениями, чтобы записать прославляющую соответствующие эталонам заслуги [и] деяния Высочайшего (Лю 1975, с. 123)³².

²⁹ Т. е. облагают подушным налогом.

³⁰ У Сань-сы 武三思 (?-707) – племянник У Цзэ-тянь, принимавший активное участие в политической деятельности не только в период правления императрицы, но и после её отстранения и смерти. (Лю 1975, с. 4734–4736).

³¹ Т. е. в Лояне.

³² По мнению итальянского исследователя А. Форте, «Небесная ось», расположенная за пределами «дворцового города», представляла собой элемент комплекса «Пресветлого зала» - Минтана, политического, административного, идеологического центра империи. Расположенная за воротами Дуаньмэнь, где её могли видеть люди, входившие в город, «Небесная ось» являлась своеобразным символом космополитичности основанной У Цзэ-тянь империи [163, 1988, с. 242]. Подробно о Минтане У Цзэ-тянь см. [Скрыпник 2021].

В то же время другие главы *ЦТШ* и *СТШ* содержат упоминания о том, как У Цзэ-тянь повелела взимать дополнительные налоги с буддийских монахов и монахинь, чтобы установить на горе Байсыма³³ статую Будды. Однако этот план не был реализован — императрица вняла увещаниям своих министров. По всей видимости, авторы хроник полагали, что при всех своих недостатках У Цзэ-тянь (или её сановники) хотя время от времени и собирала дополнительные налоги, но в целом в этом отношении не злоупотребляла властью.

5. Суровые законы и жестокие наказания

Хотя *Записи ЦТШ* изобилуют сообщениями о казнях и ссылках, причем не только самих виновных в преступлениях, но и их семей, все они касаются не народа, а осмелившихся критиковать правительницу чиновников (о чём уже говорилось в п.1), а также представителей рода Ли, многие из которых в разное время подверглись репрессиям со стороны У Цзэ-тянь. Это иллюстрирует, например, следующий фрагмент:

С этого времени все *ваны* из императорского рода один за другим [стали] теми, кого истребляли, и уничтожить [их] вот-вот [должны были] до конца. [Те] их сыновья и внуки, [что были] малолетними, все были сосланы за хребты³⁴, были казнены семьи их родных и сообщников числом в сотню с лишним семей (Лю 1975, с. 119).

Записи и Биографии СТШ предоставляют нам похожие сведения о репрессиях, достигнувших род Ли. Суровость наказаний, таким образом, коснулась не народа в целом, а аристократов, представлявших опасность для У Цзэ-тянь как императора, поэтому вряд ли можно назвать излишнюю жестокость наказаний характеристикой правления У-хоу.

6. Пренебрежение справедливыми законами

Комментарий составителей *ЦТШ*, завершающий главу об У Цзэ-тянь, утверждает о периоде нахождения императрицы у власти следующее:

Внезапно пришло к [тому, что] безвинные оказывались в западне, вытягивались [за] шею [и] тотчас [подвергались] казни (Лю 1975, с. 133).

Биография императрицы из *СТШ* ещё более красочно рассказывает нам об этом:

... тайно дозволила свирепства и вред, уничтожала, разрубала, убивала, [повергала в] трепет Поднебесную. ... [если] имелись те, кто [был] недовольным, подобным [носившему] траур, подозрительным, боязливым, непременно угрожающие законы попадали по ним. *Хоу* и *ваны* императорской фамилии и их сановники, [твёрдые, подобно] рыбным костям, генералы и министры, — [их] шеи скопом сразу отсекались, кровавой киновари [было на целые] тюремные

³³ Байсыма 白司馬 — то же, что гора Баймашань 白馬山 (в пров. Шаньси).

³⁴ Т. е. за «Пять хребтов», в южные районы.

дворы, семьи не могли себя охранить. (Оуян 1975, с. 3481).

Здесь, таким образом, также присутствует описание репрессий, однако указывается, что большинству из них подвергались члены правящего рода Ли, а также поддерживавшие их сановники. Тем не менее на вопрос об игнорировании императрицей справедливых законов историографы, по всей видимости, отвечают утвердительно.

7. Пьянство

Упоминаний о том, что императрица предавалась этому пороку, нам обнаружить не удалось.

8. Пристрастие к редким и дорогим вещам

Хотя на внешнее и внутреннее убранство сооружений государственного масштаба императрица не жалела средств, *Записи ТШ* не содержат упоминаний о личном пристрастии У Цзэ-тянь к предметам роскоши.

9. Изысканные и экстравагантные строения

К таковым, безусловно, можно отнести «Пресветлый зал», а также мавзолей Цяньлин 乾陵, построенный У Цзэ-тянь для её почившего супруга Ли Чжи, в котором впоследствии была похоронена и сама императрица. В хрониках кратко говорится о том, что У Цзэ-тянь перед смертью пожелала обрести последнее пристанище в Цяньлине. Мавзолей сохранился до наших дней — и считается одним из самых масштабных и впечатляющих китайских погребальных комплексов³⁵. Здесь же мы приведём

другой пример — создание «Небесной оси», которая была возведена будто бы по инициативе вождей некитайских племён в целях восхваления добродетелей императрицы. Более подробно эта история описана в биографии У Цзэ-тянь в *СТШ*.

Её устройство походило [на] колонну, по мере в высоту [составила] 105 *чи*, [было] 8 сторон, стороны по отдельности шириной 5 *чи*, переплавленное железо по образу горы стало её основанием, [она была] воздвужена на медного дракона, выгравированные в камне дивные звери окружали её. На верхушке колонны был облачный узор, выдавалась большая жемчужина, высотой в *чжан*, в обхват три их. Создали четырех морских змеев, мерой в *чжан* [и] два *чи*, чтобы поддерживать жемчужину. Её основание-гора [было] окружностью в 170 *чи*, мерой 2 *чжана*. Без [точных] раздумий использовали 2 млн *цзиней* меди [и] железа. Тогда подробно выгравировали у неё наверху [имена] известных родов множества сановников, вождей инородцев (Оуян 1975, с. 3483).

Таким образом, авторы хроник добавляют к описанию правления У Цзэ-тянь свидетельства о возведении ею огромных и дорогих сооружений.

10. Лень, стремление предаваться удовольствиям вместо того, чтобы заниматься государственными делами

Все проблемы рода Ли, кажется, возникли из-за того, что У Цзэ-тянь слишком активно

³⁵ Подробно о мавзолее см. [Скрыпник 2018].

стремилась не к удовольствиям, а к активному участию в государственном управлении. Хотя в последние годы жизни императрица периодически отстранялась от дел (Оуян 1975, с. 3474), связано это было не с ленью, а с плохим состоянием здоровья. Таким образом, это негативное качество, по всей видимости, не было характерно для императрицы.

11. Похоть, сексуальные излишества

Создатели *ЦТШ* во фрагменте, завершающем *Записи*, заявляют, что У Цзэ-тянь вела себя как ревнивая и развратная женщина:

Это беспутство, о, глубокое! И в то же время — это постоянное состояние порочных людей [и] ревнивых женщин (Лю 1975, с. 133).

Создатели *СТШ*, в свою очередь, оставляют этот вопрос без внимания³⁶.

12. Оргии, неподобающее сексуальное поведение

Таких указаний *Записи* и *Биографии* «Книг [об эпохе] Тан» не содержат.

13. Садизм

Комментарий авторов *ЦТШ* к посвящённой У Цзэ-тянь *Записи* утверждает, что императрица совершила следующие проступки:

Душила горло, оборвала [жизнь] своего ребёнка, завёрнутого в одеяльце; раскрошила мясо, раздробила кости [императрицы — хозяйки покоев, стены которых] обмазаны перечной [смесью]³⁷ (Лю 1975, с. 133).

Здесь содержится отсылка к одному из наиболее известных эпизодов, связанных с жизнью У Цзэ-тянь, — рассказу о том, как она, будучи ещё только наложницей императора, будто бы убила свою дочь и возложила вину за это на супругу Ли Чжи — императрицу Ван (Ван *хуан-хоу* 王皇后, ? — 655), после чего Ли Чжи принял решение разжаловать императрицу Ван и сделать своей супругой У Цзэ-тянь. Последняя заточила опальную императрицу и ещё одну бывшую конкурентку — наложницу Сяо *шу-фэй*³⁸ — в крошечное помещение. Однажды император, периодически вспоминая о своих бывших любимцах, зашёл туда. Ужаснувшись положению, в котором содержались бывшая императрица и Сяо *шу-фэй*, Ли Чжи пообещал помочь им. Вот что об этом рассказывает биография императрицы Ван из *СТШ*:

У-хоу узнала [об] этом, вскоре приказала бить палками двоих человек, [императрицу и *шу-фэй*], сто [раз], отрезать их кисти-ступни, свести сзади [руки], бросить в чан с [винной] закваской,

³⁶ Отметим, тем не менее, что представления о порочности У Цзэ-тянь прочно укрепились в сознании последующих поколений, что дополнило и без того малопривлекательный образ правительницы.

³⁷ Иносказательное название покоев супруги императора. Перечное дерево входило в состав смеси, которой обмазывались их стены (Ханьюй Да Цыдянь 1989, с. 1101).

³⁸ Шу-фэй 淑妃 «высокоморальная наложница» — титул наложницы императора, одной из трёх наложниц категории «госпожа» фу-жэнь 夫人 (Оуян 1975, с. 1225). Сяо шу-фэй — одна из фавориток Ли Чжи.

сказала: «Приказываю, [чтобы] кости двух женщин захмелели!» Через несколько дней [они] умерли, обезглавили их трупы (Оуян 1975, с. 3473–3474).

Авторы *ТШ*, таким образом, обвиняют правительницу в жестокости и бессердечности, при этом авторы *ЦТШ* лишь намекают на эти события, тогда как создатели *СТШ* в красках их живописуют, пусть и не в тексте *Записей*. Отметим также, что упомянутая история, очевидно, призвана указать на сходство между У Цзэ-тянь и ханьской императрицей Люй — «Исторические записки» повествуют о том, как та приказала отрубить руки и ноги наложнице Ци 戚, ослепить её, заставить выпить вызывающее немоту снадобье, после чего поместить в яму с нечистотами и именовать «человеком-свиньёй» (*жэньчжи* 人彘) (Сы-ма 1999, с. 280).

14. Увлечение неподобающей музыкой

Подобных упреков в соответствующих главах хроник обнаружить не удалось.

15. Фаворитизм

В случае с императрицей У следует говорить не о роковой женщине (каковой в отношении рода Ли и государства Тан оказалась она сама), а о роковом мужчине. Среди фаворитов У Цзэ-тянь более всего известны трое — Сюэ Хуай-и 薛懷義 и братья Чжан 張. Познакомимся с ними подробнее.

Сюэ Хуай-и

Хотя *Записи СТШ* не содержат данных об

увлечении У Цзэ-тянь этим человеком, он наряду с братьями Чжан фигурирует в списке «внутренних любимцев» (*нэй чун* 內寵) императрицы, озвученных пытавшимся призвать правительницу отказаться от покровительства фаворитам министров У Цзэ-тянь (Лю 1975, с. 2706). 183 *цзюань ЦТШ* содержит биографию Сюэ Хуай-и, в которой отмечается, что изначально его звали Фэн Сяо-бао 馮小寶, он торговал рисовым отваром на улицах Лояна, обладал физической силой и внушительным телосложением, чем и привлёк внимание приёмной дочери У Цзэ-тянь, принцессы Цянь-цзин *гунчжу* 千金公主. Последняя и рассказала правительнице о Фэн Сяо-бао. Он понравился У Цзэ-тянь; чтобы иметь возможность приходить во дворец в любое время, Фэн Сяо-бао пришлось стать буддийским монахом. Позже У Цзэ-тянь даровала ему фамилию Сюэ 薛, мотивировав это тем, что он якобы состоял в родстве с Сюэ Шао 薛紹 — мужем родной дочери У Цзэ-тянь. Сюэ Хуай-и участвовал в создании идеологической основы для воцарения У Цзэ-тянь в качестве императора — текста комментария к «Сутре о великом облаке»³⁹, а также руководил возведением «Пресветлого зала». Позже он стал проявлять своеволие, чем вызвал гнев У Цзэ-тянь, которая приказала убить бывшего любимца (Лю 1975, с. 4741–4743).

Записи СТШ упоминают Сюэ Хуай-и в контексте назначения его на некоторые государственные должности. Более подробно об отношениях Сюэ Хуай-и и У Цзэ-тянь можно прочесть в биографии императрицы, хотя содержа-

³⁹ В данном комментарии текст сутры был перетолкован и фактически превратился в предсказание грядущего воцарения У Цзэ-тянь.

щиеся там данные в целом повторяют биографию фаворита из *ЦТШ*. Также там наличествует утверждение, что впоследствии императрица заинтересовалась лекарем Шэнь Нань-цю 沈南璆, однако подробных сведений об этом человеке в *ТШ* нет.

Братья Чжан

Другими любимцами У Цзэ-тянь были братья Чжан — Чжан И-чжи 張易之 (? - 705) и Чжан Чан-цзун 張昌宗 (? - 705). *Записи ЦТШ* содержат неоднократные свидетельства привязанности императрицы к этим людям. Так, авторы хроник рассказывают, что специально для фаворитов императрицы была создана администрация, должность служащих которой позволяла им находиться в непосредственной близости к У Цзэ-тянь:

Сначала для любимца-сановника Чжан И-чжи с его младшим братом Чан-цзуном установили [должности] чиновников-служащих управы «Оседлавших журавля», [после] прибегли к замене [названия ведомства] на управу «Служащих в [императорских] покоях», [оно] размещалось под [управлением] *юй-ши да-фу*⁴⁰ (Лю 1975, с. 128).

Сами же братья с лёгкостью обрекли на гибель не только знаменитого политического деятеля и военачальника Вэй Юань-чжуна (?-707) (Лю 1975, с. 130), но и внука императрицы Ли Чун-жуна:

...Чун-жунь⁴¹ стал [жертвой] клеветнических построений И-чжи, [ему] было

приказано умертвить себя (Лю 1975, с. 130).

Нет ничего удивительного в том, что деятельность братьев Чжан переполнила чашу терпения сановников, — в 705 г. был совершен государственный переворот, фавориты — убиты, а Ли Чжэ, первый из отстраненных У Цзэ-тянь от власти правителей, — восстановлен на престоле в качестве императора.

Записи СТШ сообщают нам лишь о факте убийства братьев Чжан и реставрации Тан. В биографии же У Цзэ-тянь из *СТШ* более подробно рассказывается о создании особой администрации для братьев Чжан, а также приводятся сведения о её структуре (Оуян 1975, с. 3484).

Таким образом, тема пристрастия императрицы к фаворитам довольно подробно освещена авторами обеих *ТШ*, а самое пристрастие вкуче с вседозволенностью самих фаворитов называется создателями хроник причиной краха У Цзэ-тянь и последовавшей за этим реставрации Тан.

16. Неподобающее поведение по отношению к родителям

Хроники не содержат упоминаний о подобном поведении императрицы по отношению к родителям (отец императрицы У Ши-хо 武士獲 (559–635), впрочем, умер ещё до возвышения дочери). Более того, заинтересованная в возвышении собственного рода У Цзэ-тянь даровала родителям, а также старшим предкам множество титулов, постоянно повышая их статус⁴².

⁴⁰ Юй-ши да-фу 御史大夫 «великий муж державных чиновников» — глава Платформы державных чиновников.

⁴¹ Ли Чун-чжао 李重照 (Ли Чун-жунь 李重潤, 682–701) — старший сын Ли Чжэ.

⁴² См., напр., (Оуян 1975, с. 3475).

17. Неподобающее поведение по отношению к братьям

В *Записях* обеих *ТШ* нет упоминаний о подобных прецедентах. Биография У Цзэ-тянь из *СТШ*, однако, содержит историю, касающуюся в первую очередь матери императрицы, но некоторым образом характеризующую и саму У Цзэ-тянь. Сюжет заключается в следующем: сводные братья У Цзэ-тянь недостаточно почтительно обращались с госпожой Ян — своей мачехой и матерью будущей императрицы. После возвышения У Цзэ-тянь госпожа Ян была пожалована высоким титулом. Братья У Цзэ-тянь намекнули на то, титул был дарован ей вовсе не за заслуги. Госпожа Ян подговорила дочь просить императора о понижении сводных братьев, что и было сделано (Оуян 1975, с. 3476). Хотя данный фрагмент в первую очередь говорит нам о мстительности и злопамятности не самой У Цзэ-тянь, а её матери, нельзя не отметить, что императрица без какого бы то ни было сопротивления удовлетворила просьбу госпожи Ян, что привело к печальным последствиям для сводных братьев У Цзэ-тянь. Поэтому, как нам кажется, эту историю можно считать примером не вполне подходящего отношения императрицы к своим старшим родственникам. Продолжение истории, впрочем, касается характеристик уже самой императрицы, а также отношения её не только к братьям, но и к сёстрам:

[Старшая сестра У Цзэ-тянь,] Хань-го [*фу-жэнь*], выходила-входила в запретные срединные [покои]⁴², одна её дочь была [известной в] государстве прелестницей, император всегда любил её. [Когда] Хань-го скончалась, [её] дочь [была] пожалована титулом Вэй-го *фу-жэнь*, желала приготовлениями к [должности] категории *пинь*⁴³ принести трудности императрице, [это] пока не было решено. Императрица в душе сильно завидовала [ей], собрала [жертвоприношение]-*фэн*⁴⁵ на [горе] Тай-шань, [сводные братья императрицы] Вэй-лян, Хуэй-юнь в качестве [провинциальных правителей] *юэ-му* прибыли, [чтобы участвовать в] собрании, [а после] проследовали-возвратились в столичный округ. Императрица отравила-убила Вэй-го, обратила вину на Вэй-ляна и прочих, всех их убила, [их] род нарекла *Фу*⁴⁶, а сыну Хань-го Му-чжи [велела] принести жертвоприношения Ши-хо⁴⁷. Первоначально, [когда] Вэй-го скончалась, Му-чжи зашел [выразить] соболезнования, император оплакивал [Вэй-го], плач Му-чжи не соответствовал [положенному]. Императрица сказала: «Сын подозревает меня!» Опасалась его. Вскоре довела [его до] смерти (Оуян 1975, с. 3476).

⁴³ Т. е. служила в императорском дворце.

⁴⁴ Цзю пинь 九嬪 «девять [наложниц категории] пинь» — категория наложниц императора, следующая в градации наложниц после собственно императрицы («августейшая императрица» 皇后 хуан-хоу), а также трёх наложниц-фэй 妃 категории *фу-жэнь* (Оуян 1975, с. 1225).

⁴⁵ Составляющая ритуалов *фэн-шань*.

⁴⁶ Т. е. «гадюка».

⁴⁷ У Цзэ-тянь вынуждена была поступить так потому, что все сыновья У Ши-хо «благодаря» ей ранее погибли.

Этот фрагмент свидетельствует о неразборчивости в средствах и жестокости У Цзэ-тянь, в том числе — к своим ближайшим родственникам, братьям, сёстрам, племянникам и племянницам. Можно констатировать, что данный элемент образа «плохого правителя» присутствует в характеристике императрицы из *СТШ*.

18. Неподобающее поведение по отношению к супругу

У Цзэ-тянь, по всей видимости, не была замечена ни в чём подобном. Это и неудивительно — ведь примерно с середины 7 в. она принимала участие в государственных делах и не могла не понимать, что после смерти императора её положение может стать более шатким и опасным. Более того, при всём влиянии, которое имела У-хоу на внутреннюю политику, главным лицом в Поднебесной по-прежнему оставался, пусть и только формально, Ли Чжи. Императрица предпочитала использовать хитрость и коварство, чтобы исподволь манипулировать им и сановниками, однако воздерживалась от открытого проявления неповиновения или неуважения по отношению к сыну Неба. Тем не менее в биографии императрицы в *СТШ* содержится упоминание о том, что У-хоу будто бы хотела околдовать императора. Подробно об этом будет рассказано ниже. Неясно, впрочем, что конкретно она хотела сделать; как видится, летописцы не стремились акцентировать внимание на этой составляющей образа У Цзэ-тянь.

19. Неподобающее обращение с родственниками по материнской и отцовской линии

Хотя фрагмент, рассмотренный нами в п. 17, свидетельствует о том, что отношение У Цзэ-тянь к родственникам, представляющим для неё угрозу, могло быть беспощадным, другим фактором внутренней политики императрицы было возвышение представителей рода У. В частности, в данный период небывалых высот добились племянники У Цзэ-тянь — У Чэн-сы 武承嗣 (649–698) и У Сань-сы. Таким образом, отношение У Цзэ-тянь к родственникам зависело от того, насколько они могли быть ей полезны. Тем не менее, видится верным ответить на вопрос о наличии такого аспекта в образе правительницы утвердительно.

20. Недостаток церемониального уважения к Небу, духам и предкам

Думается, что составители хроник с чистой совестью могли упрекнуть У Цзэ-тянь в недостатке уважения к роду Ли и империи Тан, попытку упразднить которую она предприняла. С другой стороны, императрица, постоянно ощущавшая зыбкость своего положения, была сфокусирована на регулярном проведении церемоний, характерных для традиционной китайской идеологической и религиозной политики. Так, был возведен «Пресветлый зал», проведены государственные ритуалы *фэн-шань*, а одной из идеологических опор созданного императрицей государства Великое Чжоу было конструирование связи между ним и золотым веком истории Поднебесной — Западным Чжоу (*Си Чжоу* 西周, 1046 до н. э.–771 до н. э.). Упоминания об этих событиях есть на страницах

ЦТШ и СТШ. Таким образом, данная черта образа «плохого правителя» отсутствует в описании У Цзэ-тянь историографами.

21. Пристрастие к колдовству или "еретическим" религиозным практикам

О пристрастии императрицы к буддийскому учению и использованию его элементов в государственной ритуальной практике есть сообщения как ЦТШ, так и в СТШ. Вероятно, увлечённость «варварским» учением вполне может быть отнесена к такому типу негативных черт «плохого правителя». Кроме того, в биографии У Цзэ-тянь из СТШ прямо говорится о попытке У Цзэ-тянь прибегнуть к помощи колдовства до достижения своих (впрочем, довольно расплывчатых) целей:

В начале годов [под девизом правления] Линь-дэ⁴⁸ императрица приказала кол-

дуну Го Син-чжэню войти в запретные срединные [покои], чтобы [прочсть] колдовское заклятье (Оуян 1975, с. 3475).

Неизвестно, действительно ли У-хоу прибегла к колдовству, и если да, то какого рода заклятье она пыталась наложить на императора, и не была ли эта история выдумана сановниками в тщетных попытках ограничить влияние супруги Ли Чжи. В любом случае авторы СТШ не высказывают сомнений в реальности этого эпизода, что позволяет нам добавить ещё одну черту к характеристике У Цзэ-тянь как «плохого правителя».

Все рассмотренные сведения, касающиеся деталей образа «плохого правителя» в случае У Цзэ-тянь, можно представить в виде нижеследующей таблицы (Таблица 1).

Характеристика	Упоминание в ЦТШ	Упоминание в СТШ
Пренебрежительное и оскорбительное отношение к министрам и чиновникам	Да	Да
Благосклонность к льстецам и коррумпированным чиновникам	Нет	Да
Бессердечность по отношению к страданиям народа	Нет	Нет
Необоснованное и несвоевременное взимание налогов и трудовых повинностей	Нет	Нет
Суровые законы и жестокие наказания	Да	Да
Пренебрежительное отношение к законам справедливым	Да	Да
Пьянство	Нет	Нет
Пристрастие к редким и дорогим вещам	Нет	Нет
Изысканные и экстравагантные строения	Да	Да

⁴⁸ 02.02.664–09.02.666.

Характеристика	Упоминание в ЦТШ	Упоминание в СТШ
Лень, стремление предаваться удовольствиям вместо того, чтобы заниматься государственными делами	Нет	Нет
Похоть, сексуальные излишества	Да	Нет
Оргии, неподобающее сексуальное поведение	Нет	Нет
Садизм	Да	Да
Увлечение неподобающей музыкой	Нет	Нет
Фаворитизм	Да	Да
Неподобающее поведение по отношению к родителям	Нет	Нет
Неподобающее поведение по отношению к братьям	Нет	Да
Неподобающее поведение по отношению к супругу	Нет	Нет
Неподобающее обращение с родственниками по материнской и отцовской линии	Да	Да
Недостаток церемониального уважения к Небу, духам и предкам	Нет	Нет
Пристрастие к колдовству или "еретическим" религиозным практикам	Да	Да
Всего	9 из 21	10 из 21

Таблица 1. Характеристики «плохого правителя» в описании У Цзэ-тянь и Ян Гуана

Таким образом, ЦТШ и СТШ предлагают нам хоть и не полностью одинаковый, но практически совпадающий набор качеств «плохого правителя». При этом сведения из *Записей* обеих хроник практически дублируют друг друга, а фрагмент *Биографий* из СТШ дополняет и расширяет негативный образ У-хоу.

Также интересно выяснить, как современники императрицы, считавшие недопустимой её деятельность, использовали элементы указанного стереотипа, и сравнить их представления об У Цзэ-тянь с образом из хроник. Для этого мы рассмотрим произведение «Депеша о [необходимости] покарать У Чжао,

[написанная] для Сюй Цзин-е» (*Вэй Сюй Цзин-е тао У Чжао си* 為徐敬業討武曌檄, далее — *Депеша*) (У 2004, 355–360), созданное в 684 г. Ло Бинь-ваном 駱賓王 (626–?), знаменитым поэтом и государственным деятелем эпохи Тан.

Депеша, состоящая всего лишь из 448 знаков, содержит характеристику У Цзэ-тянь, включающую в себя целый ряд черт образа «плохого правителя», что показано в следующей таблице (Таблица 2). В левой колонке в скобках указан номер пункта из списка негативных качеств, приведенного в предыдущей таблице.

Пункт	Упоминание в <i>Депеше</i>
1 (1)	Уничтожала [и] губила преданных [и] благих
2 (2)	Приближала [и] приручала дурных [и] порочных
3 (11)	Развратила [и] смутила весенний дворец
4 (12)	Ввергла нашего государя в совокупление с [одной и той же] ланью
5 (16)	Умертвила государя, отравила вином мать
6 (17)	Убила сестёр, расправилась со [старшими] братьями
7 (18)	Умертвила государя, отравила вином мать, Любимого сына правителя, заточила его в отдельном дворце
8 (20)	По-прежнему снова лелеет [и] хранит вредоносные [помыслы в] сердце, зарится на [то, чтобы] украсть священные предметы-[регалии]
Всего	8 из 21

Таблица 2. Характеристики «плохого правителя» в *Депеше* Ло Бинь-вана

Что касается строк 1, 2 и 8, то они содержат характеристики правления У Цзэ-тянь, отмеченные и авторами *ТШ*, и в целом, кажется, не нуждаются в комментариях. Строки 3 и 4 намекают на то, что У Цзэ-тянь вошла во дворец в качестве наложницы императора Ли Шиминя, после его смерти отправилась в буддийский монастырь Гань-е-сы 感業寺 (в совр. пров. Шэньси), где её и увидел Ли Чжи. Таким образом, У Цзэ-тянь находилась в сексуальной связи с отцом и сыном.

В строках 5 и 7 Ло Бинь-ван обвиняет правительницу в тяжчайших преступлениях — убийстве императора (и супруга), а также мате-

ри У Цзэ-тянь, госпожи Ян. Действительно ли ходили такие слухи или литератор выдвинул это ужасное обвинение, стремясь «украсить» и без того впечатляющий безнравственностью и кровожадностью образ У Цзэ-тянь ещё более леденящими кровь подробностями, на сегодняшний день неизвестно, однако в более поздних источниках не содержится намёков на то, что У-хоу действительно была виновна в этом. Как уже отмечалось, смерть Ли Чжи была бы для У Цзэ-тянь не только невыгодной, но и опасной, поэтому данное обвинение видится, скорее, надуманным. Что до матери У Цзэ-тянь, госпожи Ян, то нет никаких свидетельств того, что она находилась с дочерью в плохих

отношениях. Более того, она была вхожа во дворец и, возможно, помогала У-хоу в реализации её смелых идей. Что касается строки 6, то под расправой над братьями, видимо, подразумевается уже упомянутый нами сюжет, а под умерщвлением сестры — убийство Вэй-го *фу-жэнь*, которая, правда, была не сестрой, а племянницей У-хоу. Таким образом, в этом небольшом произведении мы видим 8 черт, характеризующих «плохого правителя».

Заключение

Образ У Цзэ-тянь в нормативной историографии содержит элементы существующего в китайской историографии стереотипа «плохого правителя» — пренебрежительное и оскорбительное отношение императрицы к министрам и чиновникам, благосклонность к льстецам, жестокость, садизм, фаворитизм, стремление тратить средства на возведение дорогостоящих и экстравагантных строений, пристрастие к «еретическим» религиозным практикам, неподобающее обращение с родственниками по материнской и отцовской линии. Отдельные элементы этого образа были использованы в критике У Цзэ-тянь ещё её современниками, впоследствии же часть наличествующих там характеристик была использована создателями официальных хроник для конструирования образа, укладывавшегося в стереотип «плохого правителя» и призванного служить предостережением как для будущих властителей, находящихся под влиянием своих авторитарных супругов, так и для самих женщин, стремящихся нарушить законы гармонии и взять власть в империи свои руки.

Список литературы

1. Wright A. F. Sui Yang-ti: Personality and Stereotype (ed. Wright A.F. Stanford). *The Confucian Persuasion*. Stanford University Press, 1960. Pp. 47–76.
2. Лю Сюй (劉昫). *Цзю Тан шу* 舊唐書 (Старая книга [об эпохе] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 5407 с.
3. Оуян Сю (歐陽修), Сун Ци (宋祁). *Синь Тан шу* (新唐書, Новая книга [об эпохе] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 6472 с.
4. Рыбаков В. М. *Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2009. 512 с.
5. Чжао Дэ-и (趙德義), Чжу Син-мин (注兴明). *Гуаньчэн цыдянь* (官称辞典, Словарь наименований чиновников). Пекин: Туаньцзи чубаньшэ, 1999. 614 с.
6. Скрыпник Е. С. Минтан и Тяньтан императрицы У Цзэ-тянь (624–705). *Ориенталистика*. 2021; Т. 4. № 4. С. 929–948.
7. Скрыпник Е. С. Мавзолей Цяньлин как исторический источник: время правления У Цзэ-тянь (624–705) и его восприятие современниками. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018; Выпуск 6. С. 35–46.
8. Баргачева В. Н., Кравцова М. Е. Фэн шань. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия*. Ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева.

- Москва: Восточная литература, 2007. С. 653–654.
9. Ханьюй Да Цыдянь (汉语大词典, Большой китайский словарь). В 12 томах. Том 4. Ред. Ло Чжу-фэн (罗竹风). Шанхай: Ханьюй Да Цыдянь чубаньшэ, 1989. 1387 с.
 10. Сы-ма Цянь (司馬遷). Ши цзи (史記, Исторические записки). Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубань, 1999. 2545 с.
 11. У Чу-цай (吴楚材), У Дяохоу (吴调侯). Гувэнь гуаньчжи 古文观止 (Древние письма, останавливающие взгляд). Чанша: Юэлу шушэ бань, 2004. 758 с.
 6. Skrypnik E. S. Mintan i Tyan'tan imperatricy U Cze-tyan' (624–705). *Orientalistika*. 2021; T. 4. № 4. S. 929–948.
 7. Skrypnik E. S. Mavzolej Cyan'lin kak istoricheskij istochnik: vremya pravleniya U Cze-tyan' (624–705) i ego vospriyatie sovremennikami. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2018; Vypusk 6. С. 35–46.
 8. Bargacheva V. N., Kravcova M. E. Fen shan'. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. T. 2. Mifologiya. Religiya*. Red. M.L.Titarenko, B.L.Riftin, A.I.Kobzev, A.E.Luk'yanov, D.G.Glaveva, S.M.Anikeeva. Москва: Vostochnaya literatura, 2007. S. 653–654.
 9. Han'yuj Da Cydyan' (汉语大词典, Bol'shoj kitajskij slovar'). V 12 tomah. Tom 4. Red. Lo CHzhu-fen (罗竹风). SHanhaj: Han'yuj Da Cydyan' chuban'she, 1989. 1387 s.
 10. Sy-ma Cyan' (司馬遷). SHi czi (史記, Istoriicheskie zapiski). Pekin: CHzhunhua shuczyuj chuban', 1999. 2545 s.
 11. U CHu-caj (吴楚材), U Dyaohou (吴调侯). Guven' guan'chzhi 古文观止 (Drevnie pis'mena, ostanavlivayushchie vzglyad). CHansha: YUelu shushe ban', 2004. 758 s.
 1. Wright A. F. Sui Yang-ti: Personality and Stereotype (ed. Wright A.F. Stanford). *The Confucian Persuasion*. Stanford University Press, 1960. Pp. 47–76.
 2. Lyu Syuj (劉昫). Czyu Tan shu 舊唐書 (Staraya kniga [ob epohe] Tan). Pekin: CHzhunhua shuczyuj, 1975. 5407 s.
 3. Ouyan Syu (歐陽修), Sun Ci (宋祁). Sin' Tan shu (新唐書, Novaya kniga [ob epohe] Tan). Pekin: CHzhunhua shuczyuj, 1975. 6472 s.
 4. Rybakov V. M. Tanskaya byurokратиya. CHast' 1: Genezis i struktura. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. 512 s.
 5. CHzhao De-i (赵德义), CHzhu Sin-min (注兴明). Guan'chen cydyan' (官称辞典, Slovar' naimenovaniy chinovnikov). Pekin: Tuan'czi chuban'she, 1999. 614 s.

References

Сведения об авторе

Скрыпник Екатерина Сергеевна

Младший научный сотрудник

Институт востоковедения РАН, отдел Китая

107031, Москва, ул. Рождественка, д.12

esskrypnik@gmail.com

Information about the Author

Ekaterina S. Skrypnik

Junior researcher

Institute of Oriental Studies RAS

esskrypnik@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования:

10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Tokugawa Shogun policy towards Daimyo and its consequences**Политика сёгунов Токугава в отношении даймё
и её последствия*****Колесникова Екатерина Андреевна,******Балакин Дмитрий Александрович****Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия**<http://orcid.org/0000-0002-9173-6368>**Автор, ответственный за переписку:**Балакин Д.А., dimbalakin73@gmail.com**<http://orcid.org/0000-0002-9173-6368>****Ekaterina A. Kolesnikova,******Dmitry A. Balakin****Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia**<http://orcid.org/0000-0002-9173-6368>**Corresponding author: D. Balakin,**dimbalakin73@gmail.com**<http://orcid.org/0000-0002-9173-6368>*УДК 93 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-108-117](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-108-117)**АННОТАЦИЯ**

В настоящей работе дана оценка отношения между политическими элитами Японии эпохи Токугава — правителями-сёгунами и феодалами-даймё. Централизация и консолидация власти в токугавской Японии — процесс, обусловивший всё её дальнейшее развитие. Поэтому анализ методов правительства Токугава в отношении своих основных конкурентов даймё необходим для понимания развития японского государства в данный период. В работе описана политика сёгунов Токугава, направленная на усечение властных возможностей даймё, в частности, «заложничество», конфискация и перераспределение феодалов, законодательное ограничение полномочий даймё.

ABSTRACT

The article assesses the relations between the political elites of Tokugawa-era Japan — shogun (rulers) and daimyo (feudal lords). Centralization and consolidation of power in Tokugawa Japan is the process that determined all its further development. Therefore, an analysis of the Tokugawa government's methods in relation to its main competitors is necessary to understand the development of the Japanese state in this period. The paper describes the policy of the Tokugawa shoguns aimed at truncating the power of the daimyo, in particular, "hostage-taking", confiscation and redistribution of lands, legislative restriction of the daimyo's powers. At the end of the work we give a description of the consequences of the Tokugawa

В конце работы дано описание последствий политики Токугава: трансформация даймё в сословие, практически не связанное с военным делом; появление ронинов; формирование благоприятных условий для свержения сёгуната.

Ключевые слова: Япония, эпоха Токугава, бакуфу, сёгун, даймё, санкин котай, Букэ сёхатто.

Для цитирования: Колесникова Е. А., Балакин Д.А. Политика сёгунов Токугава в отношении даймё и её последствия. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (3). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-108-117>

Даймё (大名) — это крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. Помимо огромного количества земельных наделов, в руках даймё концентрировались людские ресурсы — они обладали собственными армиями, из-за чего нередко могли представлять угрозу правителю. Поэтому в Японии дворянство имело особый политический вес в принятии тех или иных решений. Однако с приходом к власти семьи Токугава положение даймё, сила их власти начали несколько меняться.

Токугава Иэясу был достаточно знатным (его предки были родственниками Минамото) и занимал высокое положение в стране, поэтому считал себя достойным претендентом на власть. Однако Токугава был не единственным человеком, который желал заполучить возможность управления страной в свои руки. Кризис

policy: the transformation of the daimyo into a class practically unrelated to military affairs; the appearance of Ronin; the formation of favorable conditions for the future overthrow of the shogunate.

Keywords: Japan, Tokugawa era, Bakufu, shogun, daimyo, sankin kotai, Buke shohatto.

For citation: Kolesnikova E. A., Balakin D.A. Tokugawa Shogun policy towards Daimyo and its consequences. // *Modern oriental studies*. 2022; 4(3). P. (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-108-117>

прежней власти возник после смерти Тоётоми Хидэёси в 1598 г., который, умирая, оставил своим наследником малолетнего сына Хидэёри. Воспользовавшись этим обстоятельством, влиятельнейшие даймё страны развернули борьбу за власть. Противником Токугава в этой борьбе стал Исида Мицунари, занявший место главы регентов при Хидэёри. Вокруг Исида начинают концентрироваться противники Иэясу. Токугава, сильно желавший власти и имевший на нее право, не мог проиграть эту борьбу, поэтому готовился к ней основательно. Еще до начала активной фазы борьбы за власть Токугава провел ряд реформ на своих землях, тем самым подготовив их к предстоящей войне: упорядочил налогообложение, провел опись земель. Опись своих провинций позволила Токугава лучше понимать экономический потенциал своей земли. Также Иэясу собирал вокруг себя

сторонников, заключал политические браки. В итоге, начиная свой путь от заложника Ода Нобунага, Токугава Иэясу смог подняться до небывалых высот в политической структуре страны, а также укрепить свои владения, подготовив их к боевым действиям. Это еще раз доказывает, что до прихода к власти Токугава даймё обладали большой свободой для укрепления и усиления своего положения.

Событием, решившим исход противостояния группировок Токугава и Исида стала битва при Сэкигахара, произошедшая в 1600 году. В ходе битвы победу одержал Токугава, уничтожив своих политических противников — Исида и его союзников. Кроме того, что это сражение позволило Токугава прийти к власти, оно оказало влияние на дальнейшую жизнь всех даймё страны.

С приходом к власти Токугава все даймё были разделены на три основные категории: симпан (親藩), фудай (譜代) и тодзама (外様) даймё. Самыми могущественными были симпан даймё. К этой категории принадлежали даймё, которые относились к побочной ветви дома Токугава, в частности кланы Мито, Ки и Овари. Симпан даймё были самыми высокопоставленными и занимали важнейшие должности при бакуфу. Далее по степени могущества следовали фудай даймё. К ним принадлежали феодалы, сражавшиеся на стороне Токугава в битве при Сэкигахара. Они были достаточно сильно приближены к Токугава и занимали высокие посты в правительстве. И самыми, так сказать, менее привилегированными были тодзама даймё — бывшие противники дома Току-

гава. Они «не могли занимать никакие государственные должности, и, как правило, их деятельность ограничивалась рамками их княжеств» (Жуков 1998, 408).

Несмотря на то, что Токугава во власти опирался на верных ему даймё (симпан и фудай), он прекрасно осознавал, а его потомки не забывали, что «император и его придворная аристократия лишилась реальной власти над страной главным образом из-за отсутствия должного контроля над провинциальными центрами военной мощи» (Ратти, Уэстбрук 2017, 104-105). В глазах Токугава даймё были главным источником проблем, так как «они управляли независимыми ленами, содержали собственные отряды воинов и имели достаточные средства для финансирования военных операций» (Ратти, Уэстбрук 2017, 105). Именно поэтому, как только Токугава Иэясу обрел в своих руках власть, он начал всячески ограничивать даймё, пытаясь создать действенные механизмы, которые позволили бы ему контролировать даймё и оказывать влияние на них.

И одно из первых мероприятий по ослаблению силы даймё коснулось тодзама даймё. После битвы при Сэкигахара Токугава Иэясу провел конфисковал земли многих тодзама даймё, часть земель оставил себе, а часть отдал верным вассалам. Помимо конфискации, Токугава проводил перераспределение земель. Он переселял даймё из одной части страны в другую, изменяя размеры их наделов, отрывая их от родовой земли и лишая их тем самым налаженных связей. Поскольку наличие земель и вассалов составляло в то время основу богатства

и влияния, такая практика позволяла Иэясу держать феодалов под контролем (Лещенко 2010, 69). В частности, к 1602 г. владения 72 даймё были полностью конфискованы, а число даймё, переброшенных из одного района в другой с увеличением владений составило 61, владения 22 даймё были увеличены без перевода их в другой район. (Гальперин 1963, 27). Собственно эти манипуляции увеличили экономическую базу семьи Токугава и их союзников и вынудили ослабленных тодзама даймё признать власть и главенство семьи Токугава.

Самой эффективной мерой контроля над даймё была система заложничества — *санкин котай* (参勤交代). Эта система была не нова, однако именно Токугава придали ей огромное значение и прочно внедрили ее в свою систему. Изначально эта системы практиковалась только по отношению к тодзама даймё. Однако в 1642 году было объявлено, что санкин котай распространяется на всех даймё страны. Суть системы заложничества заключалась в том, что даймё были обязаны являться в Эдо на постоянной основе. Конечно же даймё также должны были жить и на своей территории, поэтому на то время, пока даймё уезжал обратно в своё княжество для решения определенных вопросов, при сёгуне находился *русуи* (留守居) — человек, заменявший даймё в столице в его отсутствие, и некоторые члены семьи самого даймё. Таким образом, при сёгуне всегда находился либо сам феодал, либо его доверенное лицо, а это в свою очередь позволяло сёгуну контролировать его. Кроме того, система заложничества здорово разоряла даймё. Во-первых, дальняя поездка в столицу — это боль-

шие транспортные расходы. Помимо самого феодала с ним в Эдо ехало разрешенное количество воинов, обслуживающий персонал: разумеется, всех нужно кормить и поить — с собой везли внушительное количество провизии. Лошади, участвовавшие в перевозке людей, багажа также нуждались в техническом обслуживании. Как пишет Н.Ф. Лещенко: «только на транспортные расходы уходила 1/3 доходов даймё» (Лещенко 2010, 90). Но даймё нужно было не просто явиться в столицу, феодал должен был преподнести сёгуну какой-нибудь дорогостоящий подарок. Ну и наконец, как любому аристократу, каждому даймё хотелось показать себя в столице с лучшей стороны, продемонстрировать свое богатство — это в первую очередь дорогостоящая одежда, аксессуары, многочисленные дорогие подарки для правительства с целью обеспечить к себе лояльность и показать другим аристократам свое богатство. В итоге получалось, что затрачиваемые на поездку и проживание в Эдо средства даймё не могли использовать на увеличение военной силы (Масе Ф., Масе М. 2013,116).

Помимо перераспределения земли, отрыва даймё от их исконных территорий и системы заложничества, Токугава Иэясу возложил на них различного рода обязанности: исполнение воинской повинности, финансирование строительных и ремонтных работ в Эдо. Таким образом Токугава Иэясу пытался отвлечь даймё от плетения интриг против власти, погружив их в решение экономических проблем.

Незадолго до своей смерти, в 1615 году Токугава Иэясу выпускает свод законов

«Княжеский кодекс («Букэ сэхатто», 武家諸法度). Этот кодекс был еще одной мерой, позволяющей сёгуну контролировать даймё. «Букэ сэхатто» строго регламентировал все аспекты жизни феодалов. Согласно своду законов каждый даймё был обязан извещать сёгуна о проведении ремонтных работ на своей территории, получать разрешение на брак, запрещалось укрывать преступников, предписывалось следить за своими соседями. В итоге этот кодекс обеспечивал сёгуна всей информацией, которая позволяла ему практически полностью отслеживать жизнь всех даймё страны. Также этот кодекс ставил даймё в немного шаткое положение, так как информация, которую они должны были предоставлять сёгуну могла быть с легкостью использована против них. В какой-то степени «Букэ сехатто» обезоруживал феодалов, связывал им руки, так как, например, сведения о состоянии построек на территории княжества, их количестве позволяли не допустить усиления феодалов. Ведь в самом кодексе написано, что «высокие стены, глубокие рвы — причина крупных переворотов» (7). Также знания о всех имеющихся сооружениях на территориях княжества были полезны в момент планирования карательной операции против их хозяина. Кроме того, пункты кодекса, затрагивавшие вопросы социального взаимоотношения, позволял сёгунам контролировать создание коалиций между даймё. Например, возможность регулировать брачные отношения между князьями позволяли сёгуну не допускать образования нежелательных и опасных для власти Токугава родственных союзов между даймё.

Таким образом, Токугава Иэясу обозначил рамки жизни даймё, указал своим потомкам на то, что действительно очень важно иметь механизмы управления даймё и влияния на них. В целом основатель сёгунской династии Токугава заложил для этого прочную основу.

При втором и третьих сёгунах — Хидэтада и Иэмицу – порядки, установленные при Токугава Иэясу в отношении даймё, сохранялись. Сын Токугава Иэясу — Хидэтада — не был столь харизматичным как его отец, не обладал таким же большим боевым опытом, поэтому при малейшей неосторожности Токугава могли бы лишиться власти. Однако Хидэтада отличался особой исполнительностью. Он четко следовал правилам и уставам, которые были введены его отцом. За счет этого политика, направленная на ужесточение контроля за даймё, начатая при Иэясу, получила свое дальнейшее развитие. При Хидэтада произошло изъятие земель и состояния у некоторых даймё, которые впали в немилость. В их число попал брат Хидэтада — Тададтэру, который стал опальным еще при их отце, а также некоторые другие родственники. «Всего за годы правления второго сёгуна земельных владений лишились тридцать девять воинских кланов, это больше, чем при Иэясу, если не считать глобального передела земель после Сэкигахара» (Прасол 2018, 48). Третий сёгун Иэмицу в начале своего правления призвал всех тодзама даймё в Эдо, где заявил, что «требуется их полного подчинения, а если кто-либо из даймё с этим не согласен, пусть удалится в свои владения и готовится к защите» (Бедняк, Гальперин 1958, 39). Следует отметить, что Иэмицу,

в отличие от своего отца, не просто слепо следовал указаниям своего деда, но также издавал новые законы, редактировал старые, законодательно оформлял уже имеющиеся порядки. В 1633 году Иэмицу законодательно оформил систему заложничества, которую начал практиковать еще его дед. Помимо этого Иэмицу продолжил притеснение тодзама даймё: было проведено новое перераспределение земельного фонда. В итоге наделы тодзама даймё были в разы уменьшены, а Токугава и их союзники смогли получить в свое распоряжение новые земли, в том числе те, где раньше господствовали потенциальные противники дома Токугава (север и запад о. Хонсю, о. Сикоку и о. Кюсю). В 1635 г. была выпущена новая, дополненная редакция кодекса «Букэ сёхатто», которая содержала теперь 19 статей. Главное новшество заключалось в том, что отныне служба провинциальных даймё в воинской столице из эпизодической превращалась в регулярную и должна была начинаться в одно и то же время — в апреле (Прасол 2018, 79). Помимо этого, в обновленной редакции кодекса содержались уточнения с элементами ужесточения по уже имеющимся статьям, касающихся ремонта замка, вступления в брак. В целом новая редакция кодекса ввела еще больше ограничений в жизнь даймё и позволила сёгуну осуществлять более детальный контроль за ними.

Решительные действия Иэмицу по отношению к даймё свидетельствуют о том, что сёгун был достаточно уверен в прочности своего положения. А эта уверенность в свою очередь в какой-то степени являлась результатом политики, проводимой первыми сёгунами То-

кугава в отношении даймё. В итоге к середине XVII в. первым Токугава удалось достичь желаемого результата: они смогли ослабить даймё и ступить на новую ступень взаимоотношений с ними, когда сёгун мог чувствовать себя достаточно уверенно для того, чтобы совершать действия, которые могут не понравиться феодалам. Однако довольно жестокое подавление мощи тодзама даймё, иногда доходившее до физического уничтожения, лишение их земельных наделов, привели к увеличению в XVII в. числа ронинов (浪人) — воинов, которые потеряли покровительство своего господина или не смогли уберечь его от смерти. В Японии начинается бродяжничество ронинов, которые промышляли разбоями и грабежами. Кроме этого, ронины были недовольны политикой сёгунов Токугава и строили планы поднять восстание с целью свергнуть Токугава и вернуть отобранные земли и привилегии. Однако при Иэмицу власть сёгуна достигла пика своего могущества, поэтому ронины не могли открыто поднимать восстания.

Но неожиданная смерть Иэмицу и приход к власти его малолетнего и болезненного сына Иэцуна изменила ситуацию в стране. В 1651 году, воспользовавшись уходом сильного правителя, ронины поднимают восстание, которое, однако, было подавлено бакуфу (幕府 — правительство сёгуна). Но сам факт существования ронинов, поднятия ими восстаний свидетельствует о несовершенстве политики Токугава в отношении даймё. Бакуфу приняло во внимание этот факт и постепенно начало сводить на нет практику изъятия земель: «после Иэмицу, во второй половине XVII в., конфискации

владений тодзама даймё становится значительно реже, а в XVIII в. — лишь единичные случаи» (Жуков 1998, 437).

В целом, во время правления первых трех сёгунов происходило активное подавление могущества даймё, что влекло за собой наращивание экономической мощи сёгунов. Об этом свидетельствуют данные о доходности земель, принадлежавших Токугава: до битвы при Сэкигахара их доход составлял 2557 тыс. коку риса, а к концу XVII доход исчислялся примерно в 7 млн. коку риса (Гальперин 1963, 40). Однако после смерти Иэмицу последующие сёгуны не отличались особой тягой к власти, были большими и малолетними. За них правление осуществляли их личные фавориты.

Начиная с правления четвертого сёгуна Иэцуна, у бакуфу и даймё начинаются финансовые проблемы. Об этом свидетельствует тот факт, что Иэмицу оставил после себя казну с 6 млн рё золотом, а к 1680 г. запас сократился до 1 млн. В частности огромные расходы принес пожар в Эдо в 1657 г., после которого требовались огромные деньги на восстановление Главной усадьбы замка (Прасол 2018, 118). Даймё также были вынуждены финансово участвовать в ремонтных работах. Не стоит забывать о вынужденных тратах даймё, к которым их толкала система заложенничества. Таким образом, начиная с Иэцуна бюджеты сёгуна и даймё становятся дефицитными. При следующем сёгуне Цунаеси ситуация с финансами продолжает ухудшаться. Происходило много стихийных бедствий, которые приносили разрушения, требовавшие финансовых затрат. А дом

сёгуна и даймё вели праздный образ жизни, тратя огромные деньги на роскошь.

Японский историк Нэдзу пишет, что с периода Гэнроку торговцы стали господствовать над самураями и даймё (Бедняк, Гальперин 1958, 54). Частично возвышению купеческого сословия поспособствовала ситуация, в которой оказались даймё: из-за огромных расходов, которые ложились на их плечи, они были вынуждены занимать у представителей этого класса. Также следует заметить, что отсутствие сильных военных потрясений, привело к тому, что дом Токугава и его вассалы лишились дохода от военных побед (изъятие имущества побежденных). Система санкин котай являлась тем направлением политического курса, что послужил расширению рыночной экономики», и развитию купеческого класса и ростовщичества (Дил 2011, 161).

Во-первых, Эдо стал центром оборота товаров и услуг, в которых нуждались даймё и члены их семей, вынужденные жить при сёгуне. Во-вторых, несмотря на то, что даймё находился в Эдо, он должен был уплачивать налоги со своей территории. Чтобы это сделать, ему нужно было реализовать продукцию, выращенную в его княжестве. Но из-за запрета покидать столицу даймё были вынуждены поручить это дело торговым домам. А торговцы в свою очередь предлагали даймё выдать аванс в счет будущего урожая, соглашаясь на это феодал автоматически попадал в финансовую зависимость от торговца. Например, крупнейшим домом, задействованным в этой сфере, был дом Ёдоя, который вел дела 33 даймё.

«Сохранившиеся документы свидетельствуют, что не осталось ни одного даймё юго-западных княжеств, которые не были бы должниками этого дома» (Жуков 1998, 484). В итоге мало-помалу развитие торговли, постоянные заёмы даймё привели к тому, что влияние класса торговцев и ростовщиков все больше росло, а даймё все больше попадали в финансовую зависимость от них, что влекло за собой еще большее падение их былой экономической мощи.

Восьмой сёгун Ёсимунэ был тем, кто попытался изменить положение дел в стране. До прихода к власти, он сам долгое время был даймё и успешно управлял своим княжеством. Поэтому он был осведомлен о проблемах, с которыми сталкивались многие феодалы. Ёсимунэ проводил ряд мероприятий, направленных на улучшение финансового положения бакуфу, оказывал помощь своим вассалам, которые оказались в долгах у ростовщиков, ему даже удалось установить некоторый контроль над ростовщиками. Однако действия Ёсимунэ не дали долгосрочного положительного результата и после его смерти всё вернулось обратно, так как процессы преобразования общества были уже запущены и смогли прочно укорениться.

Живя в Эдо, имея возможность наслаждаться всеми прикрасами столичной жизни, даймё все больше и больше подвергались процессу аристократизации, постепенно отходили от военного руслу жизни. Многие даймё начинают интересоваться другими занятиями помимо военного промысла, например, они довольно активно начали интересоваться западной медициной, торговлей. Многие даймё

начинают создавать различные промышленные предприятия с целью получения дополнительной прибыли. Например, даймё Маэда вложил немалые деньги для того, чтобы обучить гончарному мастерству людей из домена Кага. А «даймё Уэсуги пригласил к себе специалистов со всей страны для того, чтобы те помогли ему создать плантации индиго, которое использовалось для производства одной из самых популярных красок в Японии» (Мак-Клейн 2006, 98). Это свидетельствует о постепенном уходе части даймё от военного руслу жизни.

В итоге к моменту падения сёгуната Токугава в середине XIX века даймё сильно отличались от своих предков, которые стояли у истоков третьего сёгуната. Некоторые феодалы приспособились к жизни в новых, изменившихся реалиях, сменив вид деятельности. Однако факт остается фактом, к концу эпохи Эдо даймё были настолько разорены и погрязли в финансовых проблемах, что не смогли противостоять свержению сёгуната и восстановлению императорской власти. А некоторые даймё, недовольные политикой бакуфу, в частности тодзама даймё, напротив, способствовали этим процессам.

Таким образом, на начальных этапах, когда сёгуны полностью контролировали ситуацию в стране, их политика в отношении даймё работала так, как и задумывалась изначально — лишала феодалов возможностей для противостояния сёгуну. Однако при последующих: малолетних, больных и незаинтересованных в политике сёгунах, которые не особо следили за ситуацией в стране, жесткие правила и ограничения начали уничтожать, а не ослаблять

экономическую базу даймё. Что привело к тому, что после восстановления императорской власти даймё, как военные феодалы, обладающие властью и могуществом, можно сказать, прекратили своё существование.

Список литературы

1. Ратти О., Уэстбрук А. Секреты самураев. Боевые искусства феодальной Японии. М.-СПб. КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 591 с.
2. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. Под ред. А.Е. Жукова. М. Институт востоковедения РАН, 1998. 659 с.
3. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М. Крафт+, 2010. 352 с.
4. Гальперин А.Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М. Издательство восточной литературы, 1963. 200 с.
5. Маса Ф., Маса М. Япония эпохи Эдо. М. Вече, 2013. 384 с.
6. Княжеский кодекс (Букэ-сэхатто), пер. Подпаловой Г.И. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVI/1560-1580/Jap_pet_dvizen/text1.phtml, (дата обращения: 27.07.2022)
7. Прасол А.Ф. Сёгуны Токугава. Династия в лицах. М. Издательский дом ВКН, 2018. 448 с.
8. Бедняк И.Я., Гальперин А.А. Очерки Новой истории Японии (1640-1917). М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 598 с.

9. Дил У. Япония. Средние века и начало Нового времени. Пер. с англ. А.М. Артюхова. М. Вече, 2011. 464 с.
10. Мак-Клейн Дж.Л. Япония от сёгуната Токугава в XXI век. Пер. с англ. Е.А. Красулина. М. АСТ: Астрель, 2006. 896 с.

References

1. Ratti O., Uestbruk A. Sekrety samuraev. Boevye iskusstva feodal'noj Yaponii. M.-SPb. KoLibri, Azbuka-Attikus, 2017. 591 s.
2. Istoriya Yaponii. T.I. S drevnejshih vremen do 1868 g. Pod red. A.E. Zhukova. M. Institut vostokovedeniya RAN, 1998. 659 s.
3. Leshchenko N.F. Yaponiya v epohu Tokugava. M. Kraft+, 2010. 352 s.
4. Gal'perin A.L. Ocherki social'no-politicheskoy istorii Yaponii v period pozdnego feodalizma. M. Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1963. 200 s.
5. Mase F., Mase M. Yaponiya epohi Edo. M. Veche, 2013. 384 s.
6. Knyazheskij kodeks (Buke-syohatto), per. Podpalovoj G.I. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVI/1560-1580/Jap_pet_dvizen/text1.phtml (data obrashcheniya: 27.07.2022)
7. Prasol A.F. Syoguny Tokugava. Dinastiya v licah. M. Izdatel'skij dom VKN, 2018. 448 s.
8. Bednyak I.YA., Gal'perin A.A. Ocherki Novoy istorii Yaponii (1640-1917). M.: Izd-vo vostochnoj literatury, 1958. 598 s.

9. Dil U. Yaponiya. Srednie veka i nachalo Novo-
go vremeni. Per. s angl A.M. Artyuhova. M.
Veche, 2011. 464 s.
10. Mak-Klejn Dzh.L. Yaponiya ot syogunata To-
kugava v XXI vek. Per. s angl. E.A. Krasulina.
M. AST: Astrel', 2006. 896 s.

Сведения об авторах

Колесникова Екатерина А.

Студент 3 курса

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

420015 Россия, Казань, Пушкина 1/55

Балакин Дмитрий Александрович,

преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

420015 Россия, Казань, Пушкина 1/55

dimbalakin73@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina A. Kolesnikova

3rd year student

Kazan (Volga region) Federal University

420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia

Dmitry A. Balakin

Lecturer

Kazan (Volga region) Federal University

420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia

dimbalakin73@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.09.2022*

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

Perception peculiarities of North Korean threat by different Republic of Korea administrations in 2012-2020

Особенности восприятия северокорейской угрозы разными администрациями Республики Корея в 2012 – 2020 гг.

*Гайнуллина Ляйля Айдаровна¹,
Гайнуллин Булат Айдарович²,
Силакова-Макарова София Андреевна³*

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

<http://orcid.org/0000-0003-3832-0934>

²Независимый исследователь

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

<http://orcid.org/0000-0002-7931-6432>

Автор, ответственный за переписку:

Гайнуллина Л.А., glaylaa@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3832-0934>

*Gainullina L.A.¹,
Gainullin B.A.²,
Silakova-Makarova S.A.³*

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-3832-0934>

² Independent researcher

³ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-7931-6432>

Corresponding author: glaylaa@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3832-0934>

УДК 94; 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-118-125](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-118-125)

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности восприятия северокорейской угрозы консервативной администрацией Пак Кынхе и прогрессистской администрацией Мун Чжэина в период 2012-2020 гг. Актуальность исследования диктуется возможностью проследить характерные черты поведения двух администраций в отношении северокорейской

ABSTRACT

The article examines the perception of the North Korean threat by the conservative administration of Park Geun-hye and the progressive administration of Moon Jae-in in 2012-2020. The relevance of the study can be explained by the ability to trace the features of the behavior of the two administrations in relation to the North Korean threat, which will facilitate prognostic activity in

угрозы, что облегчит прогностическую деятельность в условиях нового витка эскалации северокорейской ракетно-ядерной программы. Цель исследования — выделить характерные черты восприятия разными администрациями РК северокорейской угрозы.

Основными методами исследования были выбраны сравнительный анализ, который использовался для определения изменений подходов к восприятию угрозы КНДР и поведению во внутригосударственном уровне при смене администраций и контент-анализ, который использовался для анализа массива текста выступлений лидеров Республики Корея.

Результатом исследования является ряд выводов касательно общих и уникальных особенностей восприятия северокорейской угрозы разными администрациями.

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, безопасность, Пак Кынхе, Мун Чжэин, ракетно-ядерная программа

Для цитирования: Гайнуллина Л.А., Гайнуллин Б.А., Силакова-Макарова С.А. Особенности восприятия северокорейской угрозы разными администрациями Республики Корея в 2012–2020 гг. *Современные востоковедческие исследования.* 2022; 4 (3). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-118-125>

the context of a new round of escalation of the North Korean nuclear missile program. The purpose of the study is to highlight the features of the perception of the North Korean threat by different administrations of the Republic of Korea (ROK).

The main research methods were: comparative analysis, which was used to determine changes in approaches to the perception of the DPRK threat and behavior of ROK at the domestic discourse during the change of administrations; and content analysis, which was used to analyze the text array of the ROK's leaders' speeches.

The result of the study is a number of conclusions regarding the common and unique features of the perception of the North Korean threat by different administrations.

Keywords: Republic of Korea, North Korea, security, Park Geun-hye, Moon Jae-in, nuclear missile program

For citation: Gajnullina L.A., Gajnullin B.A., Silakova-Makarova S.A. Perception peculiarities of North Korean threat by different Republic of Korea administrations in 2012–2020. // *Modern Oriental Studies.* 2022; 4 (3). P. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-118-125>

На корейском полуострове за десятилетия после войны сложилась ситуация, которую эксперты характеризуют как «конфронтационная стабильность» (Политика безопасности стран 2021, 211). Несмотря на заявления Республики Корея (РК) о стремлении к объединению двух стран, Корейская война и последующие десятилетия пассивного противоборства показали несовместимость и абсолютную полярность их позиций, из-за чего перспективы урегулирования даже в долгосрочной перспективе туманны и неопределенны.

В восприятии угроз, Южная Корея отдает первостепенную важность именно военным угрозам, исходящим от КНДР. В этой связи, в данной статье планируется рассмотреть восприятие вопроса о северокорейской ракетно-ядерной угрозе администрациями Пак Кынхе и Мун Чжэина.

КНДР представляет угрозу для РК по нескольким причинам: во-первых, действия северного соседа — прямая военная опасность; во-вторых, высокая степень милитаризации обеих стран, но в большей степени КНДР, где армии отдается первостепенное значение в рамках политики «сонгун»; в-третьих, укорененная мысль в сознании правящих элит, что конфронтация — это норма отношений.

Официальная позиция РК по отношению к ракетно-ядерной угрозе КНДР выражена на официальном сайте министерства иностранных дел страны: «Правительство РК, опираясь на союз с США и тесное сотрудничество с международным сообществом, продолжит свои усилия по достижению полной денуклеаризации и установле-

нию постоянного мира на Корейском полуострове посредством диалога. Основываясь на Пханмунджонской декларации от 27 апреля 2018 г., Совместном заявлении США и Северной Кореи от 12 июня того же года, Пхеньянской совместной декларации от 19 сентября и других прошлых соглашениях с Северной Кореей, правительство РК сосредоточится на продвижении американо-северокорейского, а также межкорейского диалога, который будет способствовать прогрессу в денуклеаризации» (Understanding the North Korean Nuclear Issue).

Стоит отметить, что подобная риторика связана с нахождением у власти левоцентристов, традиционно выступающих за мягкую риторику при выстраивании отношений с северным соседом, идеологов политики «солнечного тепла». В то же время, до 2017 г. у власти находились консерваторы, которые проводят более жесткую линию поведения в отношении КНДР. Подобные настроения можно заметить в оборонных документах Республики Корея и в заявлениях официальных лиц. Например, в Белой книге по обороне от 2014 г. можно встретить следующие заявления президента Пак Кынхе: «Северокорейские провокации будут встречены решительным ответом, без каких-либо политических соображений» или «важно поддерживать сильное дипломатическое и военное сдерживание, чтобы Северная Корея не подумала о совершении провокации» (Defense White Paper 2014, 36-38).

Инструменты реагирования на ракетные пуски и ядерные испытания у РК в период администрации Пак Кынхе строились на несколь-

ких столпах: во-первых, это увеличение количества и масштаба проведения совместных военных учений с ВС США: Foal Eagle, Key Resolve, Ulchi Freedom Guardian, на которых в т.ч. отрабатываются маневры по типу «Захват Пхеньяна». Например, после третьего ядерного испытания КНДР в феврале 2013 г. РК провела совместные противолодочные учения с ВС США (Defense White Paper 2014, 282-284). Подобные же учения проходили и в феврале 2016 г., после успешных ракетных пусков со стороны Северной Кореи.

Во-вторых, это санкционная политика, которая имеет два подтипа – усилия на международной арене для лоббирования наложения санкций под эгидой ООН, которые подробно описывались в первом параграфе, и, второй подтип, это односторонние санкции РК. Подобные санкции, к примеру, были приняты в марте 2016 г., после ракетных пусков КНДР, сопровождавшихся заявлениями Ким Ченына о том, что «Северная Корея готова запустить ядерные боеголовки в любой момент времени, если потребуется» (Sanctions against Democratic People's Republic of Korea). Подобные санкции несут ограничения против финансовых операций, ужесточение условий для захода в южнокорейские порты, рестрикция въезда или выезда иностранцев, посетивших Северную Корею.

Таким образом, характерной чертой в построении отношений с КНДР до 2017 г. является сильный уровень антагонизма и жесткое реагирование на провокации со стороны КНДР. Тем не менее, такая политика, во многом лишь усугубляет ситуацию, так как нежелание идти на улучшение отношений с КНДР и агрес-

сивная риторика, порождает лишь более острую реакцию КНДР.

Полярный по своим взглядам политик Мун Чжэин, пришедший к власти после Пак Кынхе, подавал надежду на возможное возвращение политики «солнечного тепла», учитывая, что после короткой конфронтации, начались реальные подвижки в межкорейском диалоге. 28 апреля 2018 г. была подписана знаковая Панмунджомская декларация, в которой было закреплено стремление к официальному прекращению состояния войны и преодолению разногласий. Стороны договорились, что «предпримут активные усилия по поиску поддержки и сотрудничества международного сообщества для денуклеаризации Корейского полуострова» (Panmunjeom Declaration Text 2018). Более того, за 2018 г., согласно южнокорейским данным, КНДР не произвела ни одного провокационного действия (Defense White Paper 2018, 360-362), что, очевидно, является следствием настроенности на активный переговорный процесс. Процесс на деэскалацию был, к тому же не односторонним: для повышения уровня доверия США и Южная Корея объявили приостановку совместных военных учений в июне 2018 г. (США и Южная Корея объявили о приостановке совместных военных учений 2018).

Для понимания разности восприятия и идентификации северокорейской угрозы администрациями Мун Чжэина и Пак Кынхе, стоит провести контент-анализ их выступлений на полях Генеральной ассамблеи ООН в 2015 (South Korean President Park Geun-hye Address to the U.N. General Assembly. Sept. 28, 2015) и 2018 гг. (Moon

Jae-in's speech at 73rd UN General Assembly. Sept. 27, 2018) соответственно. (см. Таблицу №1)

Формулировка	Количество упоминаний Пак Кынхе	Количество упоминаний Мун Чжэином
Провокации	3	-
Нарушение/ подрыв мира	3	-
Денуклеаризация	1	8
Международное сообщество	6	7
Ким Ченын	-	9

Табл.1. Количество упоминаний речевых индикаторов восприятия северокорейской угрозы Пак Кынхе и Мун Чжэином

Table 1. The number of speech indicators of the perception of the North Korean threat by Park Geun-hye and Moon Jae-in

Из таблицы можно сделать несколько выводов: во-первых, если выступление госпожи Пак Кынхе по отношению к КНДР имеет обвинительный характер с устойчивым посылом на внутренние изменения, то выступление господин Мун Чжэина переполнено оптимизмом, связанным с улучшением качества межкорейских отношений; во-вторых, примерно одинаково оба президента упоминают «международное сообщество», однако настроение и посыл абсолютно разные: президент Пак обращается к нему в рамках усиления давления, тогда как президент Мун обращается с посылом пойти навстречу мирным инициативам КНДР и признать прогресс в развитии мирного процесса; в-третьих, можно отметить, что президенты

по-разному видели опасность, исходящую от КНДР: в тексте Пак Кынхе преобладают слова «провокации», «нарушение», «подрыв мира», тогда как в тексте Мун Чжэина преобладает слово «денуклеаризация» в контексте связанных с ней успехов в переговорном процессе. Наконец, упоминания Председателя Госсовета КНДР Ким Ченына 9 раз президентом Муном сигнализирует о его легитимном принятии и трансформации восприятия северокорейской элиты.

Тем не менее, несмотря на временное падение напряженности между странами и частые встречи переговорных групп (Defense White Paper 2018, 352-360), с 2019 г. можно наблюдать повторное качественное снижение уровня отношений новый переход к общению через провокационные действия. Например, в августе 2019 г. накануне объявленных американо-южнокорейских учений вблизи КНДР, Северная Корея запустила две баллистические ракеты малой дальности (Alper 2019).

Причину этого, эксперты видят во внешних условиях. Существует мнение, что противостояние Северной и Южной Кореи в тот период активно встраивается в логику нарастания американо-китайского соперничества в СВА, которые активно используют своих союзников для достижения своих геополитических целей, а именно снижение уровня влияния оппонента в регионе.

Важно отметить, что «северокорейская угроза» имеет и иной угол для рассмотрения, который заключается в том, что возможный коллапс КНДР и объединение Корейского полуострова под суверенитетом Южной Кореи принесет для РК больше проблем, в первую

очередь социально-политического и экономического характера: вопросы налаживания инфраструктуры в северной части полуострова, миллионы северокорейцев, воспитанных в марксистской традиции и в условиях жесткой идеологической обработки, которых необходимо будет встраивать в новое общество и многие другие проблемы. В этой связи, можно сделать вывод, что РК выгодно сохранение статуса-кво на полуострове, так как нынешняя структура безопасности и двусторонних отношений не несет краткосрочных последствий.

Таким образом, за период 2012-2020 гг. прослеживаются два разных подхода к северокорейской угрозе, продемонстрированные администрациями Пак Кынхе и Мун Чжэина. Тем не менее, стоит выделить и моменты, объединяющие подходы в восприятии разных администраций: во-первых, отсутствие приверженности военному сценарию решения проблемы, несмотря на резкие высказывания консервативных кругов, сохранение стабильности отвечает интересам обоих лагерей; во-вторых, серьезная интернационализация проблемы. Как отмечалось, РК выступает с очевидной поддержкой со стороны США, тогда как КНДР во многом ориентирован на помощь от Китая; каждая из этих стран имеют свой интерес в сохранении данного узла противоречий в регионе СВА.

В то же время стоит отметить несколько характерных черт в вопросах восприятия северокорейской угрозы, присущие консервативному блоку элиты Южной Кореи: во-первых, приверженность сохранения «конфронтационной стабильности»; во-вторых, применение инстру-

ментов воздействия, заключающихся в усилении дипломатического давления, лоббирования санкций со стороны ООН в отношении КНДР; в-третьих, увеличение военного взаимодействия с США в рамках проведения совместных военных учений.

Прогрессистский блок, представленный в исследуемый период администрацией президента Мун Чжэина, в отличие от консервативного блока, стремится к деэскалации, которую реализует через мирные инициативы и переговорный процесс. Для него характерны: во-первых, поиск диалога и мирные устремления; во-вторых, привлечение мирового сообщества к ослаблению давления на КНДР с целью прогресса в процессе денуклеаризации; в-третьих, большее сопротивление военным инициативам США, таким как установка систем ПРО ТНААД.

Наконец, стоит подчеркнуть, что развитие отношений идет в циклическом ключе: разные администрации имеют разный подход к вопросам восприятия КНДР и методам реагирования на его угрозу, в целом сохраняя стремление удержать сложившийся статус-кво. В этой связи, надо заметить, что возможное решение конфликта с течением времени отодвигается и становится все менее возможным.

Список литературы

1. Политика безопасности стран современного Востока. Под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс, 2021. 280 с.
2. Understanding the North Korean Nuclear Issue. Ministry of Foreign Affairs. The Republic of Korea. <https://www.mofa.go.kr/>

- eng/wpge/m_5474/contents.do (дата обращения: 23.05.2022)
3. Defense White Paper 2014. Ministry of National Defense. The Republic of Korea. 2014. 328 p.
 4. Sanctions against Democratic People's Republic of Korea. RSMD. <https://russiancouncil.ru/en/sanctions-dprk> (дата обращения: 23.05.2022)
 5. Panmunjeom Declaration Text. Korea Times. April 27, 2018. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/04/731_248077.html (дата обращения: 23.05.2022)
 6. Defense White Paper 2018. Ministry of National Defense. The Republic of Korea. 2018. 419 p.
 7. США и Южная Корея объявили о приостановке совместных военных учений. РИА-новости. 2018. <https://ria.ru/20180619/1522955135.html> (дата обращения: 23.05.2022).
 8. South Korean President Park Geun-hye Address to the U.N. General Assembly. C-SPAN. September 28, 2015. <https://www.c-span.org/video/?328385-5/south-korean-president-park-geun-hye-address-un-general-assembly> (дата обращения: 23.05.2022)
 9. Moon Jae-in's speech at 73rd UN General Assembly. Korea Times. September 27, 2018. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/09/356_256055.html (дата обращения: 23.05.2022)
 10. Alper A. Trump plays down new apparent North Korea test, still open to talks. Reuters. August 1, 2019. <https://www.reuters.com/article/uk-northkorea-missiles-usa-idUKKCN1UR5KR?edition-redirect=uk> (дата обращения: 23.05.2022)
 2. Understanding the North Korean Nuclear Issue. Ministry of Foreign Affairs. The Republic of Korea. https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5474/contents.do (accessed: 23.05.2022)
 3. Defense White Paper 2014. Ministry of National Defense. The Republic of Korea. 2014. 328 p.
 4. Sanctions against Democratic People's Republic of Korea. RSMD. <https://russiancouncil.ru/en/sanctions-dprk> (accessed: 23.05.2022)
 5. Panmunjeom Declaration Text. Korea Times. April 27, 2018. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/04/731_248077.html (accessed: 23.05.2022)
 6. Defense White Paper 2018. Ministry of National Defense. The Republic of Korea. 2018. 419 p.
 7. The US and South Korea announced the suspension of joint military exercises. RIA News. 2018. <https://ria.ru/20180619/1522955135.html> (accessed: 05/23/2022). (In Russ)
 8. South Korean President Park Geun-hye Address to the U.N. General Assembly. C-SPAN. September 28, 2015. <https://www.c-span.org/video/?328385-5/south-korean-president-park-geun-hye-address-un-general-assembly> (accessed: 23.05.2022)
 9. Moon Jae-in's speech at 73rd UN General Assembly. Korea Times. September 27, 2018. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/09/356_256055.html (accessed: 23.05.2022)
 10. Alper A. Trump plays down new apparent North Korea test, still open to talks. Reuters. August 1, 2019. <https://www.reuters.com/article/uk-northkorea-missiles-usa-idUKKCN1UR5KR?edition-redirect=uk> (accessed: 23.05.2022).

References

1. Security policy of the countries of the mod-

Сведения об авторе

Гайнуллина Ляйля Айдаровна,

Старший преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

420015 Россия, Казань, Пушкина 1/55

glaylaa@rambler.ru

Гайнуллин Булат Айдарович,

независимый исследователь

bulat1998@rambler.ru

Силакова-Макарова София Андреевна,

Старший преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

420015 Россия, Казань, Пушкина 1/55

silakova.sa@mail.ru

Information about the Author

Lyajlya A. Gajnullina

Senior lecturer

Kazan (Volga region) Federal University

420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia

glaylaa@rambler.ru

Bulat A. Gajnullin

Independent researcher

bulat1998@rambler.ru

Sofiya A. Silakova-Makarova

Senior lecturer

Kazan (Volga region) Federal University

420015 Pushkina st. 1/55 Kazan, Russia

silakova.sa@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

**Review: Ozerov O.B. Karim Khakimov: Chronicle of Life
(about the fate of Islam and communism in Russia) / Ed. ed. V.V. Naumkin.
– M.: Association of scientific publications KMK, 2020. – 232 p.
ISBN 978-5-907213-80-7. 1000 copies**

**Рецензия: Озеров О.Б. Карим Хакимов: Летопись жизни
(о судьбе ислама и коммунизма в России) / Отв. ред. В.В. Наумкин.
– М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – 232 с.
ISBN 978-5-907213-80-7. Тир. 1000 экз.**

**Мартынов Дмитрий Евгеньевич¹,
Мартынова Юлия Александровна¹**

¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

Martynov D.E.¹,

Martynova Yu.A.¹

¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

¹ Department of Altaic Studies and Sinology

Corresponding author: dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

УДК 655.552 | РЕЦЕНЗИЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2022-118-125](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-118-125)

Рецензируемая биография написана профессиональным дипломатом, который занимал едва ли не все высокие позиции, возможные в его сфере деятельности. Достаточно сказать, что О.Б. Озеров в 2010 – 2017 гг. являлся послом Российской Федерации в королевстве Саудовская Аравия и по совместительству постпредом при Организации Исламского сотрудничества; в 2013 г. получил звание чрезвычайного и полномочного посланника I класса, а в 2017 – 2020 гг. являлся заместителем директора Департамента Африки МИД России. Этот список ориентирует читателя, прежде всего, на два аспекта книги. Во-первых, дипломат такого

ранга, определенно, имеет доступ к архивным материалам, трудно- или вообще недостижимым для историков, работающих в академических учреждениях или ВУЗах; во-вторых, специалист такого уровня по определению обладает навыками научно-аналитической работы и способен описать результаты своих штудий литературным языком. Между прочим, О.Б. Озеров известен и поэтическим творчеством. На С. 101 одно из стихотворений автора приводится в качестве эпиграфа. Книга основана на солидном корпусе архивных первоисточников и аналитической литературы, но, к сожалению, лишена таких атрибутов научного издания как

библиография (постраничные сноски в «подвале» и благодарности родственникам К.А. Хакимова и архивным работникам не компенсируют ее отсутствия) и указателей.

В предисловии показаны основные мотивы, подвигнувшие автора взяться за нелегкий труд. Биография — один из самых востребованных и «благодарных» жанров; при этом жизнеописание незаурядного человека способно через призму личности и событий, в фокусе которых данная личность была представлена, раскрыть некие исторические события. Несмотря на огромное внимание, уделяемое в наши дни «маленькому человеку» с его повседневностью, радостями и горестями, никуда не ушли персонажи первого ряда, которые своей индивидуальной волей творят историю. Собственно, через жизненный путь Карима Абрадуфовича Хакимова (1892 – 1938) автор попытался осмыслить истоки и природу взаимоотношений России с арабо-мусульманским Востоком (С. 7). Задача исследователя двойственная: одновременно представить выдающуюся личность того времени и живого человека с его эмоциями и культурными предпочтениями. Непреходящая актуальность наследия К. Хакимова заключается и в том, что сам он формировался и действовал на стыке эпох, идеологий и идентичностей: исламской, тюркской, башкирской и татарской, коммунистической и даже геополитической (перечисление на С. 9 следует в ином порядке). Собственно, это сразу разъясняет несколько провокационное заглавие книги, в которой «летопись жизни» сочетается с глобальной темой «судеб ислама и коммунизма в России». Затронута, очевидно, и знакомая лично О. Озеро-

ву дилемма соотношения политики государства и свободы воли личности, реализующей эту политику; должен ли дипломат служить всего лишь исполнителем воли Центра или создателя политического курса? В предисловии представлен также сжатый, но исчерпывающий очерк историографии проблемы — ранее созданных биографий К. Хакимова и других исследований его личности и окружения. К сожалению, ввиду отсутствия сводной библиографии, нелишним было бы иметь в этом разделе сноски на цитируемые и упоминаемые труды.

Книга О. Озерова состоит из двенадцати нумерованных глав разного объёма и композиции. Вводные главы содержат богатый материал по детству и отрочеству будущего дипломата, проведённые на малой родине — Белебеевском уезде Уфимской губернии, на берегах Дёмы, впоследствии воспетой Мусой Джалилем (С. 11). Вторая глава не случайно названа «Поиски веры», поскольку путь целеустремленного молодого человека в последние десятилетия XIX в. не мог не быть связан с двойным выбором — принятия либо неприятия веры и государственного строя. Эти важнейшие годы в жизни Карима Хакимова — обучения в новометодном медресе «Галия» — очень плохо документированы и многое приходится домысливать или реконструировать по аналогии с судьбами современников. Следующая глава построена по принципу контраста, поскольку вводит сведения о биографии ещё одного выдающегося, хотя и неоднозначного, уроженца Башкирии — Ахмед-Заки Валиди. Изложение построено на сравнении удачного опыта работы Валиди в Средней Азии и малоуспешных

четырёх лет пребывания там же для Хакимова. На С. 30 – 31 О. Озеров выдвинул любопытную гипотезу о первом приобщении К. Хакимова к марксизму. Приведены достаточно остроумные выкладки, что первый учитель и наставник-забойщик в шахте — некто Ковалевский, — являлся представителем левого крыла Польской социалистической партии. В этом месте отмечу последовательный историзм мышления автора, который не стремился переносить на сто лет назад современные споры о национальной идентичности и этнической принадлежности тех или персон, действуя в системе координат рассматриваемого им времени.

Говоря о содержании главы об оренбургских годах К. Хакимова, которые начались с бурного 1917 г., можно сказать, что автору удалось продемонстрировать многомерность и многоплановость происходящих в те времена событий. Тогда, поистине, оборвалась связь времен, и перемешалось всё: Троцкий, атаман Дутов, и планы Британской империи (С. 46 – 54). Весьма примечательным представляется пассаж на С. 55, содержащий полемику с Г.Г. Косачем, который, как известно, обвинил Хакимова в разрушении единого пространства тюркомусульманской культуры Поволжья и Приуралья при закрытии реформированных медресе и замене их наробразами. Приведём цитату: «Да, Карим Хакимов разрушал специфическое единое образовательное пространство тюрков, но при этом он создавал и нечто новое. Он создавал вместо сословного тоже единое, но светское образовательное пространство, которое позволило бы дать разностороннее образование всем слоям общества, всем национально-

стям, представителям всех конфессий, а не только избранным, без различия пола, возраста и вероисповедания. В условиях многонационального и многоконфессионального государства единое образовательное поле могло быть только светским» (С. 55). Подмечена и общность многих пунктов программ по образованию, предложенных А.-З. Валиди и К. Хакимовым (там же). Всё это было неотделимо от участия Хакимова в становлении институтов новой советской власти и его борьбы со сторонниками автономии или независимости Башкортостана (С. 56). На С. 59 последовательно доказывается интернационализм мышления К. Хакимова, а также то, что в период 1918 – 1919 гг. он ещё не думал о карьере государственного деятеля; скорее, его интересовала победа идеала мировой революции. Всего друзья и коллеги — Х. Мавлютов, Г. Касимов, Ш. Усманов, и другие, — являлись последовательными интернационалистами. В этом плане они противостояли М. Вахитову или М. Султан-Галиеву (С. 59). Неудивительно, что две следующих главы посвящены А.-З. Валиди и борьбе вокруг национального вопроса, а также борьбе между К. Хакимовым и М. Султан-Галеевым. Эта последняя привела к знакомству Хакимова с М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышевым и началу его большой политической карьеры (С. 81).

В начале главы о первом дипломатическом опыте К. Хакимова содержится утверждение, что в историографии оказался категорически недооценен туркестанский период его биографии, а проделанная им работа оказалась в тени проделанной теми же Куйбышевым (другом и единомышленником которого

Хакимов являлся), Фрунзе и Я.Э. Рудзутаком (С. 82, 87). Основным лейтмотивом данной главы является последовательная демонстрация разногласий К. Хакимова и его соратников-коммунистов с джадидистами, в том числе Заки Валиди, У. Ходжаевым и А. Арифовым; последний как-то назвал его «коммунистической собакой» (С. 98). О. Озеров на основе приведенных данных пришёл к выводу, что в многослойном и идеологически сложном движении джадидов наиболее успешной оказалась научно-просветительская деятельность. В области политики в 1920-е гг. линия Исмаил-бея Гаспринского, сочетавшего просвещение с интеграцией тюрков-мусульман в державные структуры Российской империи, стала подменяться панисламистской и пантюркистской политической ориентацией (С. 100).

Глава «Иран — начало настоящей дипломатической карьеры» оказалась настолько велика, что сама разделена на пять подглав. Одна из них посвящена контексту противостояния России и Великобритании в Иране во время так называемой «Большой игры» (С. 104–106) и резких перемен после революций 1917 г. Не делается секрета и из того, что К. Хакимову в бытность его главой генконсульства РСФСР в Хорасане активно пришлось заниматься разведывательной деятельностью — легальная резидентура начала работу в 1923 г. В этот период проявилась и такая черта Хакимова-профессионала, что он не ограничивался работой чиновника, который точно исполняет указания, позволял себе проводить действия, отдельно от посла Ф.А. Ротштейна и даже не соглашаться с оценками ситуации, данными

наркомом Г.В. Чичериным (С. 121–122). Помимо внимания к деталям, содержание главы отлично демонстрирует, как происходило становление дипломата К. Хакимова, что опровергает ранее принятые мнения, что его рост как профессионала начался только после прибытия в Джидду в 1924 г.

Глава, посвящённая работе Хакимова в Саудовской Аравии, насчитывая 60 страниц, является наибольшей по объёму в книге, и подразделена на семь подглав (С. 131–190). Первые подглавки традиционно посвящены истокам позиции и интересам России на Ближнем Востоке, «Большой игре» России и Великобритании и послереволюционным изменениям. Эти последние не следует чрезмерно преувеличивать: на С. 151 (с восклицательным знаком) указано, что НКВД Советской России, как ранее и царская Россия, выступал за единое светское панарабское государство, которое противостояло бы Великобритании и Франции на Ближнем Востоке. Отдельная глава (С. 153–156) посвящена проблеме выбора дипломатического представителя СССР в Аравии, которая, поистине, была нелёгкой.

В общем, рассматривая деятельность советской миссии в Неджде и Хиджазе 1920-х гг., как обычно бывает в биографическом жанре, автор, будучи сосредоточен на фигуре К. Хакимова, «уводит в тень» остальных участников миссии, естественно, не допуская искажений фактов. Характерен и отчётливо антибританский акцент изложения, что, естественно, определялось актуальной политикой того времени и направленностью задач советского НКВД.

Здесь следует коснуться авторского подзаголовка биографии К. Хакимова: «о судьбе ислама и коммунизма в России». Его определённую «провокативность» отметил научный редактор и автор обращения к читателю — В.В. Наумкин (С. 5). Отдельная глава (С. 177–183) посвящена поразительной истории о том, как интернационалист и коммунист К. Хакими сделался организатором Всемусульманского конгресса в Мекке 1926 г. Не случайно, что автор отдельно рассматривал вопрос, насколько его герой являлся мусульманином (С. 168), придя к выводу, что он придерживался, по крайней мере, обрядовой стороны религии; отмечается, что его британские визави не верили в искренность. Ещё ранее отмечено, что по духу он всю жизнь оставался мусульманином и мыслил как мусульманин (С. 38). Следующая глава посвящена вопросу о заключении советско-арабийского договора, и достаточно объёмно показано, какие сложности вызывало прохождение и согласование текста в московских ведомствах (С. 183–190). Отдельные пассажи про религиозный фактор в политике СССР 1920 – 1930 гг. содержатся на С. 209 – 210.

Предпоследняя глава биографии К. Хакимова посвящена его деятельности в Йемене — ещё одном объекте советского/российского присутствия на Аравийском полуострове. Здесь автор этих строк может выразить, так сказать, личную причастность к происходившим тогда событиям. На рубеже 1980-1990-х годов в тогдашней программе «Клуб кинопутешествий» Ю.А. Сенкевич представил уникальный документальный фильм, снятый во время экспедиции в Йемен его предшественником В.А. Шней-

деровым. Олег Борисович совершенно резонно отметил, что Ю. Сенкевич не попытался объяснить, как советские кинематографисты попали в закрытую для всего мира страну (С. 202). Не меньшим откровением является подтверждение, что первичный сценарий документального фильма В. Шнейдерова, собственно, был набросан самим Каримом Хакимовым (С. 203). Естественно, что главные события касались совершенно иных материй и с точки зрения совмещения демонстрации глобальных политических процессов и участия в них нашего героя, йеменская глава едва ли не самая удачная во всей книге. Например, много говорится о попытках использования Йемена для налаживания ирано-саудовских отношений. Очень хорошо показаны и процессы, которые в конце 1920-х гг. не позволили создать на руинах Османской империи единое арабское государство, равно постепенное понимание сути изменений, которое происходило в Москве (С. 208 – 209).

Сложное впечатление производит заключительная глава. Автору пришлось здесь пройти по лезвию бритвы, чтобы не увлечься описанием внутренних интриг во внешнеполитических ведомствах СССР, приведших к массовому истреблению дипломатических сотрудников высшего класса, подобных самому К. Хакимову и Н.Т. Тюрякулову. Между прочим, обозначен и «британский след» в данном конкретном эпизоде Большого террора (С. 224–226). Однако беспросветности нет: констатация полного паралича в советско-саудовских отношениях после 1938 г. приводит к описанию того, как в 1990 г. они оказались полностью восстановлены: «Было еще много достойных послов... Но

Карим Хакимов был всего один. Он был первым и таковым остался в истории» (С. 227).

На фоне очень серьёзных, трагических событий всероссийского и даже глобального масштаба, в потоке событий не потерялся и Карим Хакимов — человек. Достаточно перечислить страницы, на которых содержатся сведения о его семейных обстоятельствах (к сожалению, не слишком благополучных), отношениях с родителями и братьями, чертах характера, личных привычках, мировоззрении (С. 15, 31, 38–39, 46, 103, 129, 155, 157–60, 197–198, 201–202, 205, 211–212). Авторское «Заключение» замечательно тем, что именно в нём представлен концентрированный очерк о Хакимове — человеке (С. 228–231). Он именуется «романтиком эпохи», что, вероятно, и является лучшим определением.

Подводя итог, можно сказать, что биография, написанная О.Б. Озеровым, может быть полезна специалисту, и мы однозначно можем рекомендовать её читателям, которые только знакомятся с сутью дела и историей жизни К. Хакимова. Сочетая взвешенность изложения, внимание к деталям и глубину «погружения», такая книга очень уместно смотрелась бы, например, в серии «ЖЗЛ».

Сведения об авторах

Профессор, доктор исторических наук
Мартынов Дмитрий Евгеньевич
Кафедра алтаистики и китаеведения
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18 Россия

Доцент, кандидат исторических наук

Мартынова Юлия Александровна

Кафедра алтаистики и китаеведения
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18 Россия

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Information about the Authors

Professor, Doctor of Historical Sciences

Martynov Dmitry Evgenievich

Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University 420008, Kazan,
Kremlyovskaya str., 18
Russia

Associate Professor, PhD

Martynova Yulia Alexandrovna

Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University 420008, Kazan,
Kremlyovskaya str., 18
Russia

Email: dmitrymartynov80@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2022

Одобрена после рецензирования: 10.09.2022

Принята к публикации: 20.09.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.08.2022

Approved after reviewing: 10.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный.

В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учрежде-

ния (в соответствии с наименованием, указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов).

Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях.

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учре-

ждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура пол-

ного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на рус-

ском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала, где*

- была издана статья. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых размещена искомая статья).
- ⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)
- ⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).
- ⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).
- 26. References.** Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.
- ⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.
- ⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)
- ⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (accessed:)
- ⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.
- 27. Сведения об авторе / авторах.** Указывается в статье после списка источников.
- Фамилия Имя Отчество,
- Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)
- Наименование организации
- Адрес организации
- Адрес электронной почты.
- 28. Information about the author / authors.** Указывается в статье после списка источников.
- Фамилия Имя Отчество
- Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)
- Наименование организации
- Адрес организации
- Адрес электронной почты.
- 29. Сведения о вкладе каждого автора,** если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»**

(“**Contribution of the authors:**”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;

approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация. Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова. (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract. Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords. Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

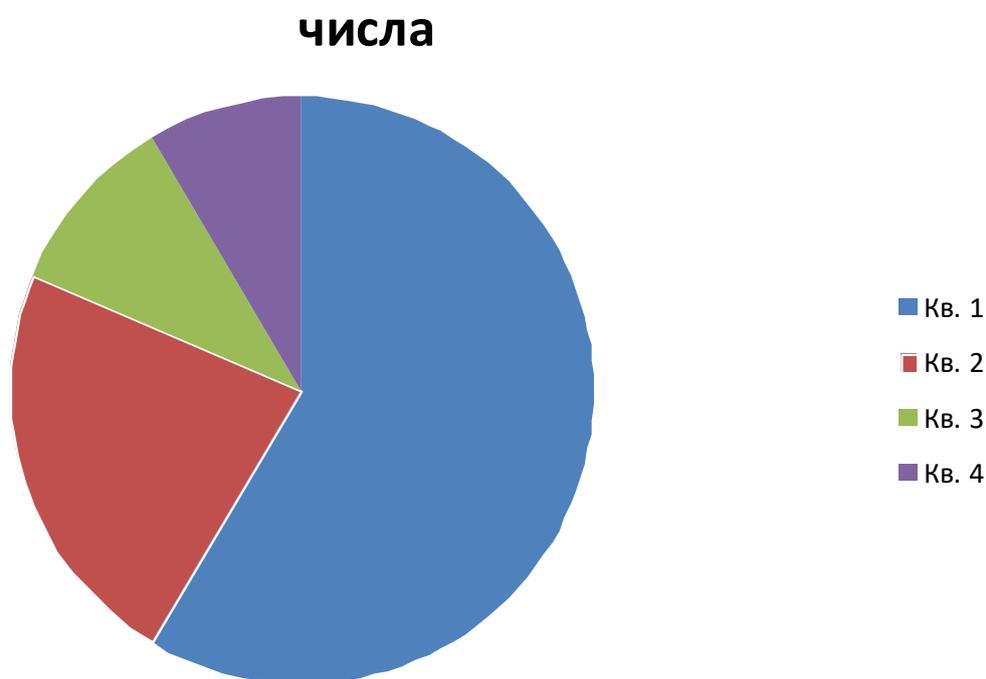

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

